

ГАРЕТ ХАНРАХАН

СВЯТОЙ ИЗ ТЕНИ

«Книга снова
доказывает, что
воображение
Ханрахана все
еще работает на
полную катушку».

Роб Хейс

НАСЛЕДИЕ ЧЕРНОГО ЖЕЛЕЗА

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Гарет Ханрахан
Святой из тени

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Ханрахан Г.

Святой из тени / Г. Ханрахан — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-111762-7

На Гвердон надвигается Божья Война. Безумные боги Ишмиры идут рушить храмы, убивать чужих святых и присваивать души. Ишмирский шпион пробирается в город в поисках Божьей Бомбы. Он сопровождает мальчика-святого, посвященного Ткачу Судеб. Великие Дома и разведка Хайта соперничают за право сотрудничать с Гвердоном. Эладора Тай избегает внимания богов, ведь святость – это не благо, а мука, разрушающая душу и тело. Но, несмотря на это, ей предстоит сыграть в войне ключевую роль и сжать в руках пылающий меч.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111762-7

© Ханрахан Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	47
Глава 8	51
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Гарет Ханрахан

СВЯТОЙ ИЗ ТЕНИ

Gareth Hanrahan
THE SHADOW SAINT

Copyright © 2020 by Gareth Hanrahan First published in the English language in the United Kingdom in 2020 by Orbit, an imprint of Little, Brown Book Group, London.

Cover © by Richard Anderson – Flaptraps art LLC

© Н. Иванов, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Идель

Пролог

Шпион восходит в рай по огненной лестнице. Подножие лестницы попирает поле боя, где доблестно павшие лежат, сплетаясь с телами своих врагов. Внизу по полю ползут черные крапинки. Жрецы, сборщики костей, сортируют трупы, подбирая к туловищам отсеченные головы и конечности перед отправкой похоронных обрядов. Тела убитых врагов поделит пантеон победителей, в наше время все боги – падальщики. Старые запреты более не соблюдались, не теперь, когда любая частичка души необходима, чтобы воевать дальше.

Согласно устоям Праведного Царства Ишмиры душам доблестно павших предстоит взбираться по этой лестнице в рай. Каждый шаг выжигает напрочь один грех, одну слабость, до тех пор, пока дух не очистится достойно пресвятой обители богини. Это правило ныне тоже не соблюдалось – лестница воронкой завивалась над битвой, жадно всасывая любую посвященную богине душу.

Шпион из праздного любопытства дотронулся до ступени. Огонь не опалил его – прохладен, как камень.

Здесь, зависнув в небе, шпион окинул взглядом все поле боя. Там, где, приведя с собой море, высадились ишмирские силы, могучий боевой флот углубился на сушу на десяток миль. А прямо под ним, на склонах намоленной защитниками высоты, держали оборону войска Маттаура.

Высота имела тройное значение. Здесь стояла духовная крепость богов Маттаура, где безглазые жрицы собирались на почитания их загробного божества. На этой возвышенности можно было спастись от чудотворного потопа, насланного пантеоном Ишмиры. И, что важнее всего, шпион рассмотрел там остатки огневой позиции артиллерии. Алхимические пушки, приобретенные по баснословной цене в литейных городах Гвердона. В ходе сражения эти орудия чуть не... что ж, метафора «обратили течение вспять» не подходит для битвы, где одна сторона уже давно властвует над морем, но армии Ишмиры понесли ужасные потери от алхимического оружия. Святые гибли в муках, их кости обращались в свинец, легкие иссушал ядовитый газ. До сих пор на поле горел незаливаемый флогистон.

Пушки могли выиграть бой, не произойди божественного вмешательства. Сверху шпиону также видны три непомерно огромных сонаправленных борозды, прорези в склоне, полумилей в длину и полста футов высотой каждая – опустошение в самом средоточии Маттаура. Именно там львиноголовая богиня склонилась с небес и когтями вспорола своих противников.

Шпион достигает вершины лестницы и входит в рай.

Здесь смешались боги и люди. Флотские организовали командный пункт и разбили палатки посреди Двора Героев. Молодые офицеры в стильном обмундировании носятся туда-сюда, не обращая внимания на легендарных воителей прошлого. Два знаменитых полубога – один с головой змеи, другой – птицы – преграждают шпиону путь. То Саммет и Жестокий Урид, стражи райских врат. Клинок Саммета напитан невероятно насыщенным ядом, сотню человек способна убить одна капля; дюжину слонов готово пронзить одним броском копьё Урида.

Молодой офицер с планшеткой замечает шпиона и окриком отгоняет обоих полубогов. Смущенные, они бредут к ближайшему шатру и грузно плюхаются у входа.

– Мне предписано встретиться с генералом Талой, – проговорил шпион.

– Генерала Талы нет в живых, – ответил молодой офицер. – Вас примет капитан Исиги из разведслужбы. – В голосе парня подтекст, нотка ревности. Шпион заметил ее и пропустил мимо ушей.

– За мной, – скомандовал офицер. – Не отставайте. – Он повел шпиона по Двору Героев. Твердь расчерчена разноцветными линиями, уходящими в разные стороны. Офицер не под-

нимал глаз с разметки, и нимбы блаженных не отвлекали его. Следом за черной линией они выходят на сверкающее небесное побережье.

Оглянувшись, шпион увидел, как Саммет надраивает копьё, хоть наконечник и так лучезарнее солнца. Жестокий Урид, насупившись под пологом шатра, пытается сомкнуть клюв вокруг горлышка подобранной фляжки.

Шпиона подвели к новому шатру, вместительней прежних. Уютный полумрак палатки ласкал глаз, не в пример яркому сиянию снаружи. За грубым деревянным столом сидел другой офицер, женщина. Перед ней закрытая папка и блюдо красиво выложенных, будто яблоки, человеческих сердец.

– Это порученец генерала Талы, мэм, – объявил молодой офицер.

– Благодарю, лейтенант, – ответила Исиги. Ее лицо прежде могло быть прекрасным, но теперь его расчеркивали зигзаги свежих рубцов. – Я проведу планерку взамен генерала. – Она начала расстегивать китель. – Можете идти, лейтенант.

Шпион замечает, как крепко лейтенантская ладонь стискивает холщовую занавесь. Между этими военными что-то определенно было. Еще они слишком молоды для своих званий – Божья война и детей превратила в солдат. Занавесь опускается. В палатке становится совсем темно, но шпиону видно, как капитан Исиги аккуратно складывает на стул китель и весь мундир. Потом, заранее вздрагивая, она берет с блюда сердце и вгрызается в него.

И больше они в шатре не одни.

В этот момент безвременья шпион не осознает ничего, кроме всеподавляющего *присутствия* богини. Он сейчас воедино с ней в любом сражении, от обугленных полей внизу до каждой из войн по всему свету, от настоящих времен и до того, как кто-то в первый раз поднял камень и вышиб мозги своему супостату. Он воедино с ней во всех океанах, где проплывает Ишмирский флот. Воедино с ней на небесах, где доблестно павшие собираются под ее знамя и она поглощает их силы, дабы являть чудеса и впредь – и впредь побеждать. Завоеваниям нет конца, любая победа усугубляет ее власть – и ее алчность.

Но эта алчность слепа, власть бесцельна. Богине нет дела ни до чего, кроме бесконечного разрушения, вечного противоборства. Необходимы человеческие составные, чтобы придать смысл и порядок этому священному гневу. Здесь, в палатке, капитан Исиги – затравочный кристалл, веретено, на которое наматывается богиня.

Смуглую кожу Исиги внезапно покрывает золотистая шерсть, мех, испускающий собственное занебесное свечение. На груди проявляется инкрустированная кираса; талию опоясывает юбка из кожаных жгутов, на каждом из которых насажен череп. Череп же капитана искажается и разламывается. Челюсти выпускают огромные клыки, тогда как голова становится головой львицы.

Богиня Пеш, Царица Львов, божество войны ишмирского пантеона – вернее, ее аватара, созданная из капитана Исиги, – удовлетворенно мурлычет и усаживается обратно. Шпион, ничуть не тревожась, отметил, что простой деревянный стул превратился в трон из черепов, а нешкуренный стол в пропитанный кровью жертвенник. Сердца вновь принимаются биться, испуская на пол алые струи.

Впрочем, папка по-прежнему папка. Исиги – или эта сдвоенная сущность скорее Пеш, чем Исиги? – берет ее, вытягивает коготь и разрезает металлическую печать. Шпион поежился от изящества этого движения, зная, что те самые когти недавно вспахали полумильные рвы на склоне под ними. Исиги перебирает бумаги, безмолвно их изучает. В шатре гулко от божественного дыхания с запахом мяса и сандалового дерева.

Этим запахом в итоге все и кончается.

Избегая думать о неизбежном, шпион размышлял, сколько раз уже Исиги проводила богиню в наш мир. Не много, догадывался он – шрамы еще свежи. Боги суровы со святыми. Однажды от Исиги останется слишком мало, чтобы вернуться к смертному виду. Он почти

посочувствовал молодому офицеру, что привел его сюда. Парень уступил свою возлюбленную объятьям богини, и нет простого способа разорвать такие узы.

– Икс-84? – заговаривает святая. Его новый присвоенный код в картотеке разведки. Первое имя, которое действительно его. Неожиданно ему становится от этого приятно, и он кивает.

– Сангада Барадин, – читает Исиги. Под этим именем шпион известен Ишмирскому разведывательному корпусу. – Из Севераста. Род занятий: купец. – Она сверкнула на него желтым глазом. – Купец, – ехидно повторила она.

– Я покупал и продавал, – подсказал Икс-84. – Покупал не всегда то, что законно, а продавал не всегда свое.

– Преступник, – рычит она. Шпиону становится видно: равновесие кренится, и составная, обобщенная сущность напротив него теперь чуть-чуть более Царица Львов и менее – Исиги.

– Отвечу вот как, – говорит шпион богине, – давайте я сосчитаю, скольким в Северасте я причинил ущерб, а вы сочтите всех убитых здесь вами, и поглядим, чья чаша весов перетянет.

– Война священна, – машинально возражает богиня. И здесь, в обители воинов, это воистину так.

Он пожал плечами:

– Вы знали, кто я, и до того, как меня завербовали.

– Живые родственники здесь не указаны, – замечает богиня, постукивая по строчке. – Есть друзья в лагерях? Любимые? – Нынче все из Севераста заключены в лагеря для пленных. Пережившие ишмирское завоевание содержатся там до тех пор, пока не будут обращены или принесены в жертву пантеону победителей. Из соседей Севераста Маттаур последним сопротивлялся захватчикам.

– Не имею.

– Тогда откуда у тебя желание служить Праведному Царству Ишмиры? – вопрошает богиня.

– Вы побеждаете, – говорит шпион, – и сможете заплатить.

Равновесие незаметно качается в обратную сторону, и лист в папке переворачивает уже Исиги.

– Вы ввозили купленное у гвердонских алхимиков оружие.

– Да.

– У вас сохранились с ними связи?

– Честно, не знаю. Были. Налажу еще. Я этот город знаю.

– Город изменился, – предупреждает капитан, – и способен мигом поменяться опять. Не считайте его безопасным убежищем вдалеке от войны.

– Я был в Северасте во время его захвата вашей армией, капитан. Почему в наши дни безопасность, я уяснил.

Исиги отворачивается и пролистывает остальную папку в тишине. В палатке звучит лишь шелест страниц, урчащее дыхание богини и мягкий перестук черепов на юбке, когда она шевелится на стуле. Икс-84 от нечего делать вертит одно пульсирующее сердце на блюде.

– Не лапай, – рыкает богиня.

– Простите.

Она просматривает последнюю страницу, затем, быстрее взгляда, хватая его за руку и полосует когтем. Порез наливается кровью. Она наклоняет львиную голову к его ладони, пригубить крови, но он отдергивает руку обратно и, морщась от боли, укачивает на изгибе локтя.

– Вы что творите?

Пеш рычит:

– У нас нет причин тебе верить, Барадин. Поэтому я вкушу твоей крови и познаю тебя. Коль продолжишь верно служить, будешь вознагражден. Коли предашь нас, я лично поймаю тебя и покараю. Давай свою кровь.

Шпион кивает и подсовывает трясущийся окровавленный палец. Она небрежно облизывает его, затем подписывает последнюю страницу, божественным повелением ставит печать, закрывает папку. И объявляет приказ:

– Начинай готовиться к путешествию в Гвердон. Ты будешь сопровождать в пути еще одного агента и обеспечишь его прибытие.

– Кто этот агент?

– Святой моего брата. Избранный Ткача Судеб.

Он делано разозлился. И профессионально огрызнулся:

– Тяжеловато будет нелегально провезти в город вашего разведчика, если у него восемь ног.

– Ребенок все... – Богиня что – едва заметно замешкалась? Будто отведала горечи? – еще человек. По исполнению, верно, получишь дальнейшие указания.

– Постойте! – бросает шпион. – А моя оплата?

– Золотые монеты, по одной за...

– Только не золотые. Золото рухнуло в цене с тех пор, как ваш Благословенный Бол принялся превращать своих противников в золотых истуканов. Нет, мне пожалуйста гвердонского серебра. – Плевать было шпиону на деньги, но это отвлекло богиню от привкуса крови.

– Тебе будут платить золотом, – молвит она. – Пока не докажешь, что особо полезен.

– Что от меня требуется?

Богиня уже уходит, ее завершающий ответ причудливо раздвоен.

– С вами свяжутся по прибытии, – сообщает Исиги, и в тот же миг, теми же устами:

– Война, – изрекает богиня. – Война священна.

И на этом Пеш отбывает и остается одна Исиги. Капитан обмякает, когда ее тело ужимается до смертных пропорций, морда дробится, принимая человечески черты. Она на ощупь достает из-под стола заляпанное кровью полотенце и промокивает лицо – оно в открытых ранах.

– Выметайтесь, Барадин, – приказала она, не глядя. – Лейтенант проводит вас назад к лестнице.

Полог откинулся, и внутрь несмело заглянул лейтенант. Он ахнул при виде ран на лице Исиги, пота и крови на ее голой коже. Поспешил к ней.

– Ничего, – бормочет шпион, – я сам себя провожу.

Прежде чем ишмирские офицеры успели возразить, он ускользнул наружу и быстро двинулся вдоль черной линии, склонив голову, отстранившись от расквартировки захватчиков. Разметка привела его на край райской тверди, и он начал спуск по огненной лестнице обратно, туда, где обретается смертный мир.

На полпути он вытащил из-под рубашки украденное с блюда сердце и выбросил его вниз, в далекий океан. Начисто вытерся, потом, разорвав ткань, наспех сварганил перевязку.

Богиня поцарапала, но крови его не вкусила.

Ей не познать, кто он.

Глава 1

Если бы у Сангады Барадина был сын, то его кости лежали бы сейчас где-нибудь в развалинах Севераста. Может статься, проклятье богатства, насланное Благословенным Болом, превратило бы его в кричащее золото, или его проткнула бы пика из лунного света. Даже если бы он пережил вторжение, то, вероятно, был бы убит в дикой жертвенной оргии, когда банды боевых жрецов прочесывали улицы, вырезая целые районы согласно похоронным обрядам того или иного бога. Шпион видел, как святоши толкали изукрашенные резьбой баки – из переполненных резервуаров выплескивались морская вода и кровь, в них людей топили, поклоняясь Кракену. Для Благословенного Бола братские могилы усыпались монетами. Царицу Львов чтили каннибальскими пиршествами. Даже нашелся способ ускорить небыстрое бальзамирование Ткача Судеб – мумификация проходит чересчур долго, но импортные гвердонские алхимические консерванты могли за минуты сотворить то, на что в Папирусных Гробницах уходили годы.

Если бы у Сангады Барадина был сын, то мальчик был бы мертв.

Но хотя шпион и не Сангада Барадин, а мальчик в одной с ним каюте – не его сын, в течение этого путешествия с южных земель в Гвердон он звался Барадин, а мальчуган – Эмлин. Малому где-то одиннадцать или двенадцать, однако изредка из глаз его выглядывало нечто куда более старое.

Когда его представили шпиону, у мальчика не было имени. Его имя забрали в Папирусных Гробницах.

Сангада нарек его Эмлином. Это означало «паломник» на языке Севераста.

Вжиться в роли беженцев с Божьей войны было легче легкого для обоих. Ходи, будто внутри пуст. Не повышай голос, дабы не привлечь внимания никакого безумного божества. Дрожи, когда погода меняется, когда сквозь тучи пробивается солнце, когда раздается слишком громкий, слишком выразительный шум. Шарахайся от знамений. Мужчина, которого зовут не Сангада Барадин, и мальчик, которого вообще никак не зовут, прибыли на борт парохода неделю назад и взошли по сходням, склоняя головы вместе с толпой прочих уцелевших. Связи Сангады и богочеканное золото снискали им отдельную каюту.

Свыкнуться с ролью отца с сыном было труднее. Сангада не занимал официальной должности в Ишмирском разведывательном корпусе. Не был он и жрецом Паука – Ткача Судеб. И, если на то пошло, прежде и отцом-то не был.

– Я – избранник Ткача Судеб, – провозгласил Эмлин первой ночью в море, когда они остались одни в каюте. – Твоя судьба уже спрядена, Икс-84. Нить твоей жизни в моих руках, и тебе следует мне подчиняться. – Подростковый голосок дрогнул, воспроизводя слова, которым его учили в храмах. Мальчишка мелок для своих лет. Темноволосый, темноглазый, бледный от проведенных в Папирусных Гробницах лет. Он гордо выпрямился, как подобает тому, кто твердо уверен в своей избранности.

Сангада склонил голову и торжественно произнес:

– Моя жизнь в твоих руках, юный хозяин, но вне каюты я – Сангада Барадин, а ты – мой сын. И я тебе здорово влеплю, вздумай ты болтать без разрешения.

Мальчик нахмурился, лицо побагровело от гнева, но, прежде чем он успел что-то произнести, шпион добавил:

– Вживайся в личину, юный хозяин. Ткачу Судеб угодно хранить тайны, покрытые тенью. Никто вне этой каюты не должен знать правду. Лишь мы с тобой.

И после этого шпион не раз видел на лице мальчика тайную гордость, когда тот притворялся сыном Саганды.

Эмлин, слышал шпион, вырос в ишмирском монастыре, хотя и не был ишмирцем по рождению. Семья погибла в Божью войну; его, как и многих других осиротевших после войны, приютила церковь. По утрам он передавал шпиону такое, что никак не мог узнать сам; Паук нашептывал ему на ухо во сне, принося издалека разведсводки. Наверняка другой мальчик или слепая старуха, а то и молодой боец или еще какая душа, отягощенная гармонией с божеством, согбенно сидит в молитвенной келье в Папирусных Гробницах, отправляя сведения через эфир.

Это отчеты о ходе военных действий, о наступлениях и разгромах. Ишмирская армада повернула на север. В направлении владений Хайта, давнего соперника Ишмиры, – может быть, последней настоящей угрозы. В направлении Лирика, драконьего острова.

Гвердон тоже лежит к северу. Хотя Эмлин ни разу не высказывался прямо, шпион сделал вывод, что боги Ишмиры опасаются открыто бросать Гвердону вызов. Они страшатся рожденного в алхимических горнилах оружия и одновременно встревожены, не попадут ли орудия погибели богов в руки враждебных государств.

В уединении тесной каюты шпион и мальчик без конца ворошили свои задумки – как незамеченными проникнуть в город и что делать, когда они туда попадут. Они оба ведают не ведали о планах разведслужбы на них после прибытия – кроме установки контакта с уже внедренными ишмирскими соглядатаями. Эмлин предугадывал свою роль в передаче флоту текущей обстановки. Шпион же – пока что только курьер, озадаченный лишь провозом Эмлина через посты гвердонских духовных инспекций. Чужеземные святые в городе строго воспрещены.

Порой они подслушивали разговоры, что сжегивались сюда с палубы наверху. Шпион уплатил лишку за отдельную каюту, а еще больше отвалил за то, чтобы им не задавали вопросов. Их пара не мозолила глаза, и о них забывали.

На четвертый день после выхода из Маттаура Эмлин за завтраком спросил его про Севераст.

– Ты когда-нибудь посещал ваш храм Ткача Судеб? – произнес он с набитым фруктами ртом. Просыпаясь, он был постоянно голоден.

Шпион знал, что Сангада Барадин посещал этот храм много раз. Тот человек промышлял контрабандой, а Ткач – божество – покровитель воров и мошенников, равно как и шпионов. Барадин небось заходил в роскошный храм Многорукой – северастской богини торговли, а потом топал через рыночную площадь и проулки медины – старого города, лавировал среди танцовщиц, глотателей огня, дымовидцев, уличных зазывал, продававших все виды увеселений. Храм Паука в Северасте располагался под землей, укромно и незаметно, и соединялся с поверхностью дюжиной витых лестниц. И каждый раз только одна из них открыта была для прохода. Чтобы попасть в храм, Сангада Барадин должен был знать, какая из лавок в медине представляла собой в этот день парадную Ткача Судеб. Он платил нищим и приобщался у них к тайнам улиц.

– Раз или два ходил, – подтвердил шпион.

– Наверно, славный был храм, – сказал Эмлин, – пока не стал разбойничьим логовом.

– Воры всегда были священны для Паука в Северасте.

– Но не в Ишмире, – категорически заявил Эмлин. Повторил то, чему его научили.

«Нет, – подумал шпион. – Не в Ишмире. Паука почитали в обоих краях, но по-разному. В Северасте он был божеством подземного мира, ему молились бедняки и обездоленные, убогие и безутешные. В Ишмире, безумной, жестокой Ишмире, Ткач Судеб входил в их воинственный пантеон и был задействован для нужд военных кампаний. Тамошний Ткач – бог секретов, пророчеств и стратегических замыслов. Бог окончательных решений, Судьбоед, вытравливатель последней надежды».

– Храм был прекрасен, – подтвердил шпион. – Весь в завесах теней, ни один алтарь или молельню не отыскать, пока до них не дотронешься. Я...

– Я не вижу теней, – вмешался Эмлин. – Любая тьма для меня – это свет.

Глаза его замерцали, и до шпиона дошло, что мальчик вообще никогда не спотыкался в полумраке каюты. Бешеные фанатики Паука обообрали его, лишив восхитительных оттенков сумерек, нежности темноты – и способности сомневаться.

Той ночью, пока мальчишка спал, шпион вспоминал пожары в Северасте. Как горящая медина рушилась и проваливалась в храмовые полости в основании города, как выли бледные провидцы, когда их застигал солнечный свет. Как прелестную, исполненную тонких смыслов загадочность храма раздела и заголила самоуверенная грубость разрушений. Той ночью, пока мальчишка спал, шпион разглядывал его в темноте и грезил о мести.

Сангада Барадин – слишком длинное имя для торопливого гвердонского наречия, поэтому команда звала его Сан. Корабль именовался «Дельфин», и шпиону на ум приходило немного менее подходящих имен. «Сердитый Бегемот» или «Кривая Бадья» соответствовали бы куда лучше. Подгоняемое ревом вонючих алхимдвигателей судно в охотку перло сквозь волны, вспарывая свой путь через океан.

Икс-84 не был на «Дельфине» единственным пассажиром; на палубе жалась пара дюжин других, и полно еще сидело внизу, в трюме. Большинство пришлых из Севераста, некоторые из Маттаура, Халифатов или более отдаленных земель. Одни бубнили молитвы побитым богам. Другие молчали, пустогазо пилились на ровный горизонт, ища где-то там спасение и смысл.

По-видимому, «Дельфин» был грузовозом, а не пассажирским лайнером, и гвердонский причал он покидал полным алхимического оружия. У корабля двойной корпус из упрочненной стали, на него нанесены обережные руны, местами поросшие ржавчиной и ракушками, чтобы груз смерти надежно сохранялся до прибытия. Шпион прикидывал – так ли все это необходимо. Судя по разгоранию Божьей войны, рано или поздно ею будет поглощен весь мир, каждая живая душа попадет в голодные челюсти сумасшедших божков. Если такова суть, то разве важно, где работают эти алхимические бомбы? Единственная разница между полем сражения при Маттауре и каким-нибудь гвердонским рынком лишь во времени.

Времени и деньгах. Хозяин корабля существенно заработает, продав бомбы, что грохнут на поле боя, и существенно разозлится, если бомбы сработают в Гвердоне на рынке. Шпиона поразило, что хозяин уникально схож со своим судном – оба одинаково уродливы; для обоих окружающий мир – преграда, сквозь которую нужно пробиться; и оба закованы в железные корпуса, чтобы предотвратить утечку заключенного внутри яда. Зовут хозяина Дредгер, на нем все время эта защитная броня с вентилями, фильтрами и патрубками, ни дюйма голой кожи наружу. Его руки – увесистые краги с кургузыми пальцами; лицо – маска с линзами, креплениями и сопящими воздуходувами. Среди команды поговаривали, будто бы Дредгер за много лет подвергся воздействию стольких химических веществ, что его плоть насквозь пропитана токсинами и он взорвется облачком ядовитого газа, как только снимет герметичный костюм.

Пронаблюдав за Дредгером последние несколько дней на пути к северу, шпион выдвинул другую теорию – с Дредгером вовсе ничего дурного не приключалось, а его броня – деловая уловка. Определенно, она защищала Дредгеру нишу по сбору алхимических отходов и переработке невообразимых боеприпасов, состряпанных гильдиями Гвердона. Кто захочет входить в эту отрасль, если цена успеха наглядно начертана на истерзанной плоти лидера рынка?

Сангада Барадин годами вел с Дредгером бизнес, но лично с ним не встречался. Они обменивались письмами и посылными, и внедренные люди шпиона много лет перехватывали и читали их переписку. Он чувствовал, будто знает Дредгера не хуже самого Сангады Барадина и имеет не меньше прав, чем купец, на дружбу с его поставщиком. В глазах Дредгера – скрытых

под линзами противогАЗа – шпион и есть Сангада Барадин, значит, взятие таких обязанностей на себя вполне обоснованно.

Дредгер облокотился о борт рядышком со шпионом. Какой-то клапан на спине зашипел и выплюнул струйку пара, когда он немножко расслабил осанку.

– Сан, – проговорил он, – не раскидывал ли ты умом, чем намереваешься заняться, когда доберешься до Гвердона? Я мог бы тебе кое-что подыскать, если есть желание.

– Какого рода работу?

– Про цеха даже не думай. Для такого дерьма есть каменные люди. Нет, я скорее прикидывал... как насчет продаж? У тебя ведь должны остаться на примете какие-нибудь знакомые на юге из тех, кто не погиб. А раз они не погибли, то купят товар, верно?

Шпион рассмотрел предложение, взвесил, испытывая баланс, как фехтовальщик новый меч. С одной стороны, для Сангады Барадина это правдоподобный следующий шаг, призванный обеспечить его платформой для операций. С другой стороны, ему хотелось всецело почувствовать город, и связывать себя первым попавшимся предложением было бы неверным ходом. Бежать навстречу цели сломя голову означает выскочить на минное поле. Он должен заходить с тыла.

– У меня есть несколько, хм, просроченных дел – ими надо озаботиться в первую очередь, дружище. И я сумел забрать из Севераста немного денег, поэтому несколько недель продержусь. Но спасибо, возможно, я приму твое предложение, если вакансия сохранится еще некоторое время.

– Непохоже, что война идет к завершению.

– Будет ли хлопотно провезти в город деньги?

– Зависит от того, попадешься ли ты на глаза таможенным досмотрщикам. Ты же не слишком верующий, правда?

– Не особо.

Дредгер указал на одну беженку, женщину средних лет, которая везла из разграбленного города изрядный набор маленьких глиняных идолов. Борясь с корабельной болтанкой, она читала им молитвы. Танцору и Кракену, Благословенному Болу и Ткачу Судеб.

– Иноземных святых бдительно отлавливают. В Гвердоне никому нет дела, каким богам ты молишься, лишь бы боги не отвечали взаимностью, – сказал Дредгер. – Особенно боги Ишмиры.

– Боги Ишмиры были и богами Севераста, – сказал шпион. – В Северасте тоже стояли храмы Царицы Львов, где отправляли те же самые обряды.

Линзы на шлеме Дредгера щелкнули, повернулись на шарнирах, фокусируясь на шпионе.

– Так что же случилось? Отчего боги ополчились на Севераст?

– Ополчились? Не знаю, не знаю. Святые Царицы Львов воевали на обеих сторонах долгое время. По-моему, те, кто утверждает, что боги сошли с ума, правы. А сумасшедший, бывает, спорит сам с собой. – Взгляд шпиона привлекла далекая туча. Она двигалась по небу против ветра. – И не надо валить все на богов. Если колесницу понесет и она переедет ребенка, кто виноват – возникший или лошади?

– Родители, – буркнул Дредгер.

– Кстати, о родителях, – проговорил шпион, – мой мальчик слегка... тронут богом. Вашей городской страже можно дать взятку?

Внутри шлема Дредгера забулькало, словно он задумчиво присосался к какой-то трубке.

– Мудрено, сейчас стало очень мудрено. – Он покачал головой. – А в моем положении, Сан, непозволительно дразнить дозор, протаскивая тебя в город.

Его прервал матрос из команды:

– Хозяин, к западу корабль. Боевой хайитянец. – Мореход подал Дредгеру подзорную трубу и тот изучил корабль.

– Курс прежний. У нас нет распрей с Хайтом. И ничего стоящего конфискации на обратном пути, эх?

– Видишь что-нибудь вон в той туче? – спросил шпион. Дредгер размахисто крутанул трубой, всматриваясь в темную кляксу на горизонте.

– Ни шиша. А что?

– Просто странное чувство.

Голоса богомольцев зазвучали громче. Несколько беженцев сгрудились на палубе вокруг женщины с глиняными образами. Один из идолов задвигался, глина превратилась в чешуйчатую плоть. Щупальца Кракена выбрались из землистого плена и забарабанили по палубе. Побочное чудо.

– Дредгер!

– Вижу! Поворачивай! Поворачивай!

Они опоздали. Туча ринулась наперерез хайтянскому боевому кораблю, а они оказались как раз промеж двух противников. Двигатели «Дельфина», переброшенные на полную мощь, взревели и пахнули дымом, но лопасти не находили упора во внезапно остекленевшей воде. Чудесное знамение сковало волны, поймало грузовоз, преподнося их враждебному богу. Вода сделалась неестественно тихой и прозрачной на милю в любую сторону. От грозовой тучи до хайтянского корабля пробежала ледяная дорожка. Шпиону было видно морское дно сквозь тысячу фатомов невероятно чистой воды.

Там скручивались ужасные щупальца, такие же, как у глиняного образа, только в десять тысяч раз больше.

– ПОВОРАЧИВАЙ! – ревет Дредгер. В ярости он подхватывает идолов той женщины и швыряет их за борт. Они падают на морскую гладь и не тонут.

На палубе появляется Эмлин.

– Ступай назад! – кричит шпион. – Сиди внизу! – Мальчик отходит, не до конца прикрывая дверь. Таращится на преобразованное чудом море.

Боевой хайтянец прозевал опасность. Корабль стар – парусный фрегат, приспособленный, как сумели, под рискованные задачи Божьей войны. Рифленая рунами броня закалена против чудес небольшого размаха. Пушка заряжена флогистонным снарядом. Несомненно, ключевые бойцы в той команде – неусыпные, их души прикованы к телам, значит, смогут сражаться, невзирая на смерть и расчленение. Корабль отворачивает, подставляя бортовые орудия к источнику угрозы.

Над «Дельфином» и рядом с ним проносится шторм. Стеклянная вода полосуеться на острые волны, они скребут по палубе, кромсая всех на пути в красные клочья. Немолодая женщина над фальшбортом тянется за своими идолами. Падает навзничь и голосит – руки обезображены, в крови. Ветер хохочет в уши, и над головой по небу просвистывает призрачная фигура.

Ну, конечно. Где-то в воздухе ишмирский святой, средоточие божественного взора. Кракен и Облачная Роженица необъятны, как море и небо; боги избирают смертных каналами для своих энергий в смертном царстве. Дредгер, шатаясь, пересек палубу, крича на рулевого. Шторм миновал, и если они сумеют сползти с этого зараженного океанского пятка, может, и смогут уйти. Под взвизги двигателей «Дельфин» боролся с водой, которая перестала ею быть. С творением Кракена. Все равно понемногу они продвигались...

...И вот над ними навис хайтянский корабль, можно добросить копьём. Буря завихрилась, еще подталкивая «Дельфин» к боевому фрегату. Гавкнули пушки, и шпион бросился на палубу, как только над головой прогремел залп.

К чести хайitianских канониров, «Дельфина» не задел ни один выстрел. Флогистонные снаряды разорвались в грозовых тучах наверху, стеля сверкающие ленты – это алхимическая субстанция запалила облачную взвесь, морскую воду, а заодно и простой чистый воздух.

Кракен восставал из пучины, но ему не хватило места между «Дельфином» и боевым хайitianцем. Смыкая щель меж двумя судами, моряки Хайта удержали гигантского противника на месте, закрывая одно направление атаки. Они прикрыли себя кораблем Дредгера.

Чудовищные щупальца поднялись из стеклянной океанской глади за дальним бортом хайitian, и пушки на той стороне ответили как по-писаному.

Святой-кракен заорал. Одно горящее щупальце махнуло по палубе хайitianца, сшибая в океан матросов, орудия и все, что смогло соскрести. За собой оно оставило жидкий след горящего флогистона. Моряки Хайта бросились опорожнять на зеленые языки пламени ведра противопожарной пены, борясь алхимией против алхимии. Потом буря опять заглотила оба судна, ввергая их в хохочущую, расколотую молниями тьму, шпиону больше не разглядеть хайitianский фрегат. Кое-где мелькало пламя, но не понять – то ли это загорелся корабль, то ли вспыхивает пушечное дуло.

Шпион прошептал на ветру:

– Я – ишмирский разведчик. Я за тебя, придурок. Проваливай!

Ответа не было. Шпион и не помышлял об ответе. «Ну, совесть, – решил он, – чиста».

Другое щупальце выпросталось из океана и слепо хлестнуло по хайitianскому кораблю. Взамен подвернулся «Дельфин». Оно долбануло о борт, пробив дыру в ярд чуть выше ватерлинии. Пушечный гром разбрызнул в воздухе горящую жижу. Легкие шпиона ожгло, и он закашлялся едким дымом.

Он поковылял по палубе в ту сторону, куда удалился Дредгер. Пришлось переваливаться через тела других беженцев – неизвестно, мертвы ли, цеплялись ли к доскам, чтоб не выбросило за борт, или простерлись ниц перед божественным ужасом. Короткая лестница поднималась на верхнюю палубу. Он услышал, как Дредгер выкрикивает команды, но объяснения сейчас не ко времени. Вот ружье, и он срывает его с подставки. Вбивает заряд – ампулку с алхимпорошком и свинец.

Где-то наверху кружит святой. Шпион наводит прицел в сторону небесного рая, выскивая сердце бури.

Вот оно.

Выстрел ударил точно. Человеческая фигура, зависшая на облаке, как на стихийной трапедии, вдруг приобрела видимость, вдруг мучительно выгнулась. Затем пошатнулась, зажимая бок. Шпион перезарядил, выпалил снова, промазал, перезарядил.

Мгла сгустилась вокруг фигуры, укачивая ее, замедляя снижение. Туча побагровела, как перевязка на великане, когда начала пропитываться кровью, а само облако всасываться в тело святого. Чудо преображения – человек становился тучей, перетекал в нее больше и больше – как капитан Исиги плавно превращалась в Царицу Львов. Смертному такая рана была бы фатальной, но святой – не обычный смертный. Требуется нечто большее, чтобы убить земную аватару бога.

Например, требуется целый взвод хайitianских снайперов. Беспощадно точный винтовочный огонь накрывает ныне хорошо различимого святого, выстрел за выстрелом метко поражают цель. Хайitianские стрелки из неусыпных. Страх они только помнят. Неживые руки не дрожат, в неживых глазницах нечему моргать.

А потом святой упал. Шторм оборвался, с невероятной быстротой смотался обратно в тучу, стоило восстановиться естественному порядку вещей. Море тоже внезапно стало собой, когда Святой-кракен погрузился, освободив волны от хватки явленного чуда. «Дельфин» накренился вперед, в одно мгновение перейдя от сверхъестественной неподвижности до пол-

ного ускорения. Даже захоти они, было бы трудно заложить круг назад к поврежденному хайтянскому кораблю и раненому, но не менее смертоносному кракену.

Над «Дельфином», в конце концов, веет флаг Гвердона, а Гвердон нейтрален в этой войне.

Эмлин захлопал в ладоши. Шпион снова задышал. И вручил оружие обратно Дредгеру.

Бронированный человек принял ружье, по порядку отсоединил последний боеприпас, проверил нагар, прикинул шансы. Потом сказал:

– Я довезу твоего парня, Сан, в лучшем виде. Тогда будем квиты.

Глава 2

– Представь, будто наводишь мост, – сказала доктор Рамигос. – Открываешь дверь.

Эладора Даттин кивнула, закусила губу, чтобы не заикаться, и продекламировала заклинание, которому научилась у Рамигос. «Что-то непохоже, будто открывается дверь, – подумала она, – скорее будто долбишь по наковальне на собственной голове».

Сегодня Эладора пришла на урок чародейства неподготовленной, впрочем, с равным успехом это относится ко всему ее импровизированному обучению. Она не помнила точно, когда познакомилась с Рамигос – в мучительном мороке окончания Кризиса. Те дни после пережитого ужаса сокрыты туманом – Эладора смутно помнит, как влачилась прочь с Могильного холма, от гробницы Таев. Ее душу и тело изранило богохульное колдовство покойного деда. После были недели на больничной койке, металлический привкус обезболивающих и непрерывный ряд тусклых силуэтов, поочередно задававших ей вопросы, снова и снова. Сотрудники городского дозора, церкви, гильдии алхимиков, чрезвычайного комитета – все пытались сложить мозаику событий, переделавших Гвердон. Обследовать поломанный, треснувший город и дать ему самому хоть какое-то осмысленное объяснение случившегося.

Один такой силуэт не отходил от Эладоры и спустя недели проявился в женщину с яркими глазами, чересчур энергичную, чтобы верить ее возрасту по морщинам на темной коже. Бесконечные опросы и дознания понемногу сменились беседами и невзаимными исповедями, и по ходу этого дела Рамигос объявила, что собирается научить Эладору колдовать.

Эладора протянула руку и вроде почувствовала, как по предплечью струится сила. Боль уж точно почувствовала – и предположила, что ей впрямь удалось вступить с *чем-то* в контакт. Медленно сомкнула кулак, представляя, как заклинание парализует мишень, накладывает на нее незримые колдовские цепи – но тут потеряла контроль, волшебство утекло сквозь пальцы. На миг она словно бы сунула руку в огонь. Незримые цепи тут же расплавились, от жидкого металла вздулась кожа. Пошедшее наперекосак заклинание дает непредсказуемый выхлоп – если поглотить вызванную ей силу, то можно рассеять ее в теле, рискуя получить внутренние повреждения. Если отпустить – то можно что-нибудь поджечь, а этот стиснутый кабинетик в парламентском управлении промливов завален книгами и документами.

Застрав в нерешительности, она не убирала руку из огня, пока Рамигос не придвинулась и не стряхнула неверное заклинание, как будто налипшую паутинку. Небрежное обхождение этой дамы с могучими чарами впечатляло.

– Неплохая попытка, – заметила Рамигос, – только ты разгильдяйка. Ты пренебрегала упражнениями.

– Я... Мне трудно выкроить время. Господин Келкин...

– Дай ему волю, Келкин до смерти заработает нас обеих. – Рамигос подкинула Эладоре влажную тряпочку, и та намотала ее на ладонь. – Иногда кое-что на свете происходит вразрез с его расписанием.

«Дело не в расписании, – подмывало воскликнуть Эладору. – Я тружусь, чтобы починить Гвердон, а вы... занимаетесь тем, чем положено по должности специальному волхвователю». Но снова использовать все тот же довод ей не хотелось. Умом Рамигос, может, и понимала, что произошло с городом, но она не из Гвердона. Ей не прочувствовать, как Эладоре, ту пылкую потребность его спасти.

Она выбрала иной стиль поведения:

– А вы, значит, намерены угробить меня в свободное время.

– Чары, – промолвила Рамигос, – это великолепная, здоровая тренировка ума, с крайне незначительным риском самосожжения. Если тебе от жизни нужны всего лишь достаток, власть и трезвый рассудок, то иди-ка в алхимики. – За последний век алхимическая революция Гвер-

дона преобразила город, а торговля алхиморужием приносит из заморских краев несметные богатства, когда полмира окутаны Божьей войной.

«Не хочу быть алхимиком. И политсоветником тоже. И...»

– Давай заново. И постарайся на этот раз не взорваться.

Эладора простонала и попыталась очистить разум или, по крайней мере, отбросить самые навязчивые заботы. Она опять подняла руку, вообразив сплетающиеся, невероятные формы...

И в дверь заколотили. Заорали надоедливый голосом Перика:

– Председатель выехал! Он созывает...

Возглас резко осекся. Эладора открыла дверь и обнаружила неподвижного Перика. Заклинание заморозило его, не дав достучаться. Рамигос хрюкнула в веселом изумлении, мановением отгоняя паралич.

– ...комитет, – докончил Перик. Он обжег Эладору взглядом, обжег бы и Рамигос, если бы осмелился. Колдунья не удостоила его вниманием, забрала тяжеленный гримуар и поспешила на выход, окунаясь в шум и гам управления.

– Не забывай заниматься кхебешским, – давала она Эладоре указания на ходу. – С плохим кхебешским в чарах далеко не продвинуться. – Еще бы Рамигос не помянула об этом: она сама из далекого города Кхебеша, а овладение этим трудным и невразумительным языком стоит в самом низу списка задач Эладоры.

Перик подождал, пока Рамигос скроется, прежде чем ядовито заговорил:

– Председатель Келкин час назад отправил вам эфирограмму. Ему требуется ваш отчет. Мне не хотелось прерывать ваше занятие со специальным волхвователем.

Эладора про себя чертыхнулась. Протиснулась мимо Перика и понеслась к своему столу в канцелярии. С дюжину других помощников чрезвычайного комитета поглазели на нее, затем вернулись к работе – каждый неистово черкал цифры, как в последнюю минуту перед концом выпускного экзамена. В соседнем кабинете приглушенно стрекотал эфирограф, по коридору надвигалась волна гулких голосов. Келкин почти уже здесь.

Она свалила бумаги в свой поношенный ранец, безбожно молясь, чтобы они лежали в нужном порядке. Перед мысленным взором предстало, как Келкин – ее начальник, начальник над всеми, глава чрезвычайного комитета и фактический правитель Гвердона – топает по площади Мужества, пытит, как паровой мотор, волочит за собой толпу просителей и писцов, охранников и нищих, сумасбродов и газетчиков – и небесам ведомо кого еще. Когда бы Келкин в последнее время не появлялся на публике, до повального бунта оставался один вздох. Обычно Эладора переживала, как бы чего не стряслось, пока Келкин рыщет по городу, которым временно управляет. Сегодня ей даже хотелось, чтобы что-то стряслось.

Хоть что-нибудь бы его отвлекло.

Она не готова.

Эладора пожалела, что не вызубрила ничего мучительней парализующей формулы. Но, увы, додумалась только попросить Перика об одолжении:

– Вы не могли бы, э-э, задержать его? Дайте мне всего пять минут.

По правде, ей нужно было пять месяцев.

А то и пять лет.

Титанический отчет на ее столе был исследованием происхождения, населения, строения и состояния Нового города.

Десять месяцев назад, на пике того, что иные прозвали Кризисом, а другие Чудом с помойки, внутри Гвердона, как взрыв, исторгся в бытие еще один город. Муравейник улиц и туннелей, дворцов и многоквартирных блоков, исполненных целиком из жемчужно-белого камня, извергся из трупа одного бандита по имени Шпат и вобрал в себя юго-восточный сектор Гвердона, причинив несчетный ущерб порту и гильдии Алхимиков. С тех пор Новый город

осваивался и заселялся на всех парах. В основном беженцами, но и любой храбрец мог туда пойти и застолбить себе пустой дворец или светлую, тихую аркаду.

Гвердон и до того трещал под чередой ударов; городская стража выбилась из сил. Взять под контроль Новый город сразу после его сотворения не было никакой возможности. Газеты разжигали беспорядки слухами о безумном разврате и преступлениях. Там мыслимо все, сама реальность в Новом городе не закреплена намертво. Отчет кишел свидетельствами о волшебстве и чудесах, которые нельзя приписать ни одному известному богу. Проходили общественные протесты, передовицы требовали обуздать Новый город, вычистить, посадить на карантин, разрушить и расколдовать, но никак не могли прийти к единому мнению, что конкретно надо и как этого добиться.

Невыполнимым заданием Эладоры было проникнуть в суть Нового города, составить карту, провести его учет и инвентаризацию. Другие в штабе промышленных либералов должны были, основываясь на ее труде, создать грандиозный законопроект о безопасности, который Келкин велел породить. Некогда он был великим реформатором, но за последние двадцать лет снискал себе репутацию на ниве закона и порядка и был решительно настроен навести порядок и в Новом городе.

Эладора глянула на страницу – полностью чистый бланк, за исключением заглавия: «Предлагаемые меры».

Она явно была не готова.

– Не мог бы я его *задержать*? – скептически отозвался Перик. – Председатель всех уже известил о заседании чрезвычайного комитета. Нет, я бы не смог его *задержать*. Если вы не принесете доклад, этим займусь я!

Ранее Перик работал на господина Дроупа, из прикормленных алхимиками «барыжников», главных соперников промышленных либералов Келкина. Официально барыжники назывались партия «Город вперед», но всяк и поныне цитировал двадцатилетнюю присказку Келкина о том, что их единственная политическая программа – барыжить на базаре оружием, отсюда и прозвище.

Формально Перик по-прежнему работает на Дроупа, так как Дроуп формально по-прежнему возглавляет парламент. Но тот парламент за десять месяцев так ни разу и не сходилась и больше никогда не будет собран в прежнем виде. В течение Кризиса Келкин взял власть над старым комитетом по общественному порядку, объявил общегородское чрезвычайное положение и принял особые полномочия. Эладора достаточно выучила историю, чтобы знать, насколько хрупким бывает порядок, как легко сломить устройство целого мироздания. В те мрачные дни Келкин удержал закон и порядок исключительно своей решительностью и личной силой духа, за что она была ему глубоко благодарна.

И словно чтобы окончательно разгромить и уничтожить Дроупа, через три месяца после Кризиса на свет вылез скандал. Никто и не помнил ту давнюю историю о подкупе и превышении полномочий, но ее оказалось достаточно, чтобы Дроуп не вернулся в Гвердон и не претендовал на главенство в чрезвычайном комитете. Эладора была вполне убеждена, что это Келкин умышленно допустил утечку в печать. Она лишь гадала, как долго старикан держал про запас эти сведения. Порой Эффро Келкин – бескомпромиссный идеалист, а порой – коварный приспособленец; его биографы уже дерутся по разные стороны баррикад.

– Это моя работа, – отрезала Эладора, боком отталкивая Перика. Его лицо покраснелось от гнева, но она, ничего не добавив, просто позвала своего помощника. Риано выкарабкался из клубка других подручных и припустил к ней. Долговязый, он сложился в полупоклоне – всего на год-два младше Эладоры, Риано относился к ней как к какой-то старшей чиновной даме, хоть она и была одного с ним ассистентского ранга. Помощник помощника – зубодробительное звание, но в чрезвычайном комитете все стряпалось на скорую руку. В прошлом году Кризис

пропорол городу брюхо, и они, как гнойный бинт, удерживали вместе его гражданские органы управления.

– Я направляюсь встречать председателя. Что дальше по моему расписанию?

– Вечером у вас прием в хайитянском посольстве. На этом все.

– Спасибо, – поблагодарила Эладора. Обойдя Перика, она двинулась сквозь завалы письменных столов, перегородивших канцелярию.

– О, – окликнул Риадо, – вас разыскивает ваша мать. Она в городе.

Эладора на ходу врзалась в стол. Навернулась, ободрав коленку об острый край. Рука на ранце разжалась, и бумаги посыпались на пол. Наклонившись их собирать, она, с горящими щеками, чуяла сердитое брюзжание Перика.

– Ничего, ничего, – упорно отговаривалась она, оттирая Риадо, попытавшегося оказать помощь. Не его вина – с Сильвой Даттин он не знаком.

Более трех лет Эладора не общалась с матерью. О последнем таком событии свидетельствуют полукруглые шрамики у локтей – она помнила, как в ресторане впиалась ногтями в кожу, чтобы не начать выкрикивать этой женщине оскорбления. В Кризис Эладора повидала и богов, и чудовищ, но мысль о свидании с матерью до сих пор резала ножом под ребро.

Хватит, не сейчас. Она заставила себя встать, отряхнулась. Перик все еще сверлил ее взглядом, но побоку его. Она нужна Келкину.

Эладора выскочила за дверь. Парламент – лабиринт галерей, залов, кабинетов и хранилищ, но она научилась в нем бегло ориентироваться. Да и, в общем-то, он почти безлюден. Поскольку главная заседательная палата наверху пустовала уже девять месяцев, с делами справлялся куда меньший штат. Она нырнула на лестницу, через зал собраний срезала путь в главный коридор и как раз успела поравняться с Эффро Келкином, пока тот во главе окружения печатал шаг к совещательной палате. Он одышливо раздувал ноздри, и на лысоватой макушке блеснул пот.

– Пятый раздел держи под рукой, – приказал он ей. Эладора кивнула, надеясь, что пятый раздел сейчас не валяется там, на полу канцелярии. Сердце у нее колотилось, и не из-за одной только матери. С самих дней Кризиса она работала на Келкина, но только в третий раз сопровождает его в совещательную палату.

В Кризис Эладора совсем недолго являлась проводником мощи кошмарных Черных Железных Богов. Близость к политической власти – лишь бледная тень того занебесного блеска, но схожа с ним больше чего-либо еще.

Адмирал Вермейл придержал перед ней дверь совещательной палаты, и она протиснулась мимо его объемистых телес. У Вермейла имелся свой, куда более тощий отчет в красной папке. Эладора ужаснулась тому, что могло скрываться внутри.

Адмирал – советник Келкина по безопасности. В красной папке содержится докладная Вермейла по решению проблемы незаконного Нового города. Десять месяцев назад, в разгар Кризиса, правительство обстреливало городские районы ракетами. Уже нет ничего немислимого, никаких запретов и щепетильности.

Адмирал склонил голову и негромко поздоровался с Эладорой, словно галантно пропустил ее вперед на званом ужине.

Она присела на один из стульев, составленных в ряд у стены этой небольшой палаты. Чрезвычайный комитет состоял из восьми членов и пары писцов, поэтому уже дюжине людей было в этом помещении неудобно. Сегодня их около тридцати, и многие еще толпились в дверях. У Эладоры свело живот при мысли представить свой черновой доклад такой обширной аудитории. Рамигос на другой стороне зала погрузилась в разговор с одним из штабистов Вермейла и поддержки не предоставит. В проеме Эладора заметила недовольную рожу Перика – он негодовал, что его опять отстранили от совещания, но Келкин постучал молотком, дверь закрылась, и заседание началось.

- Объявляю, эмм, какое по счету?..
- Девяносто четвертое, – шепнула Эладора.

– ...девяносто четвертое собрание чрезвычайного комитета открытым. Обойдемся без зачитывания повестки. Джаррит, начнем с вас.

Джаррит – элегантная, с проседью, представительница Маредона, крупнейшего предместья, – встала и завела примерно ту же самую речь, какую и на семидесяти последних собраниях. Она красноречиво доказывала, что непосредственный Кризис миновал, настало время созывать новый парламент и вернуть управление городом его гражданам.

Под которыми она подразумевала гильдию алхимиков и их состоятельных союзников. Джаррит – из махровых барыжников от и до. Не упоминая имени, Джаррит давала понять, что Келкин ниспроверг народовластие и шестисотлетние парламентские традиции. Эладора, все еще историк в глубине страдающей души, не удержалась от мысленных замечаний: это о временах, когда сие прогнившее учреждение стало сборищем королевских заложников; о пятидесятилетнем промежутке, когда Гвердон попал под господство чудовищных Черных Железных Богов; о парламенте праведных, где девять десятых мест заполняла церковь Хранителей?

Уселась Джаррит не раньше, чем вскочил новый выступающий. Еще один барыжник, Абвер, подверг чрезвычайный комитет критике за бездеятельность и равнодушие перед лицом нависшей над Гвердоном угрозы. Никто не знает, что делать с городом, который возник в конце Кризиса. Он переполнен преступниками и сектантами, городскому дозору недостает храбрости патрулировать чужеродные улицы, а комитет отказывается санкционировать создание новых сальников.

На это Эладора внутренне улыбнулась. Сальники – жестокие пугала, производимые гильдией алхимиков. В разгар Кризиса алхимики получили разрешение хватать подозреваемых на улицах и перетапливать их в сальных чанах для создания армии страхолудин, чтобы в итоге подчинить себе городскую стражу. Не соверши Келкин ничего другого, Эладора была б ему предана только за то, что он приструнил этих свечек-убийц с лютыми ухмылками. И явно не только она питает подобные чувства – если хоть в одном и сойдется весь Гвердон, это в том, что сальники – настоящие чудовища.

Вот только половина города считает, что эти чудовища оправданны – надо же как-то держать в узде вторую половину.

Председатель бесстрастно слушал выступление. Примерно на середине он откинулся в кресле и щелкнул пальцами Эладоре. Она разворошила ранец и подала ему то, что сумела отыскать от пятого раздела. Он пролистал, сделал пару поправок, потом взял красную папку Вермейла и раскрыл, разместив на зеленом сукне стола рядом с пятым разделом. Стало интересно – нарочно ли адмирал выбрал красный цвет. Выглядела она лужей свежей крови, в которую Келкин обмакнул пальцы. Пока он просматривал материалы папки, Эладора попыталась заглянуть ему через плечо. Выцепить такие слова, как «сальники», «плавучие тюрьмы», «принудительное обеззараживание», «стелющийся газ».

– Есть еще что-нибудь, прежде чем мы приступим к новым вопросам? – спросил Келкин, когда речь Абвера кончилась. Он положил руку на красную папку. – Нет?

Над совещательной палатой повисла тишина. Головы прильнули ближе. Рамигос неподвижна, лицо не прочесть. Вермейл затаил дыхание. Барыжники облизали губы. Священники Хранителей обмахивались – в колючих рясах в летнюю жару неуютно.

- У меня нет новых вопросов, – проговорил Эффро Келкин.

Поднялся гвалт. Все прочие члены комитета, их советники и подручные загомонили разом. Эладора в замешательстве поглядела на Вермейла, гадая, что затеял Келкин. Он что, просто дразнит соперников по комитету, болтая перед ними Вермейлом с его папкой, а потом отказывается голосовать по докладной адмирала? Или он собирался вынести вопрос на голосование, но в последний момент передумал, возможно, уловив какие-то тончайшие перемены

здесь, в зале? Или – встревожилась Эладора – это признак пошатнувшегося здоровья? Председателю за семьдесят, и в Кризис его тяжело ранили. Городу не выжить без направляющей его твердой руки.

Вот он ударил молотком, призывая к порядку.

– Есть старый вопрос, – произнес Келкин. – Ходатайство Джаррит о созыве парламента и проведении всеобщих выборов. По-моему, на прошлом заседании я перенес голосование по этому ходатайству.

Он точно над ними издевается. То ходатайство выдвигалось пять месяцев назад; с тех пор он переносил его не меньше полсотни раз.

– Я поддерживаю ходатайство, – говорит Келкин. – Давайте проголосуем по предложению провести в городе и поселениях всеобщие выборы в новый парламент.

Мертвая тишина. Джаррит нерешительно подняла руку. Выбора ей не оставили.

– За. – Опрос двинулся по кругу.

Еще два «за» – очередь Абвера. Он оглядел союзников по совету, с нажимом пошептался с помощником и, запинаясь, заговорил:

– Сама... цель нашего собрания, состоит в том... э-э, чтобы в первую очередь разобраться... В конце концов, созыв парламента и проведение выборов продлится недели. Нельзя же... я имею в виду, не согласится ли председатель, что будет существенным упущением со стороны комитета оставлять город в таком положении, отягощая ситуацию затяжными выборами?

– Город пережил десять месяцев после Кризиса. Мне кажется, шесть недель мы еще побарахтаемся. Каков ваш голос, сэр?

Абвер уставился на Келкина с недоверием. Программа Келкина целиком построена на законе и правопорядке, на упрочнении стабильности. А теперь он не только облил флогистоновым маслом всю свою платформу, но еще и вручил барыжникам спички.

– Я голосую «за». Если председатель отказывается сосредоточить наш чрезвычайный совет на действительно чрезвычайном деле, давайте как можно скорей вернемся к парламентской форме. Пусть выскажется народ.

Следующим голосует Огилви, заместитель Келкина по промышленно-либеральной партии. Огилви точно так же ошарашен призывом Келкина голосовать. С видом, будто сейчас выблюет живую рыбину, он поднял руку.

– За, – безжизненно выдавил он.

Последний – молодой патрос, глава церкви Хранителей. Его лицо совершенно невозмутимо, глаза опущены в благоговейной молитве, но со своего стула Эладора видела, как нервно он теребит на пальце золотой молитвенный перстень. Церковь Хранителей была прежде государственной религией Гвердона. Около трехсот лет Хранители хранили и богов, и порядок, повелевая подавляющим большинством в парламенте. С той поры их могущество пришло в упадок. На заре своей карьеры Келкин нанес им сокрушительный удар, когда провел «Акт о вольном городе», разрешивший открывать в Гвердоне храмы иноземных вероисповеданий.

Но после взлета власти алхимиков и их барыжников между промлибами и Хранителями сложился неустойчивый союз. Десять минут назад Эладора назвала бы Ашура одним из самых преданных сторонников Келкина в комитете, но теперь все подвисло в сомнениях. Наконец церковник поднял голову. Эладору поразило, каким взволнованным он казался.

– Господин председатель, это ошибка, и город раскается в вашем решении. Мы ждали от вас непоколебимости, а вы нас предали. От имени святейшей церкви Хранителей я голосую против.

Келкин оставил прежнего союзника без внимания.

– Председатель голосует «за». Предложение принято. Все остальные дела приостанавливаются до созыва сто пятьдесят третьего избранного парламента. Комитет соберется вновь лишь в случае особых обстоятельств. До тех пор председатель благодарит всех вас за службу.

Он стукнул молотком.

Наступило ошеломленное молчание, а потом, точно Келкин пинком сшиб пчелиный улей, зал наполнило невероятно оглушительное жужжание голосов. Всем срочно стало необходимо высказаться. Дверь отомкнули, и гомон выплеснулся в коридор. Эладора мельком увидела Перика, уже шушукавшегося с Абвером – по-видимому, его перебежка от барыжников к промлибам уже позабыта. Естественно, кто как не крысы шустрее всех бегут с тонущего корабля.

И перед ней был Келкин, капитан, который только что безрассудно направил судно на скалы. Первым делом он повернулся к Вермейлу и отдал назад красную папку.

– Уничтожьте ее, – приказал он, – и сожгите все копии.

Он вернул Эладоре пятый раздел ее отчета. На большей частью пустой странице он нацарапал некоторые цифры. Ее расчетное население Нового города, поделенное на число жителей, приходящееся на одного представителя в парламенте. Все остальные в правящих кругах Гвердона как один видели в Новом городе угрозу общественному порядку, гигантскую опухоль, которую необходимо иссечь. Келкин увидел в нем то, что есть – достаточно новых голосов, чтобы опрокинуть парламентский баланс власти.

Он не разбил свой корабль о скалы. Он пришвартовал его к девственному, неизведанному берегу.

Глава 3

Гвердон – свободный город, город оружейников, моряков и наемников, богатеев и бедняков, а также шпионов. Соглядатаев, что наблюдают за гаванью, примечают, куда направляются корабли с грузом смерти. Лазутчиков, что подслушивают в кулуарах дипломатические инициативы, вынюхивают сделки и измены в кофейнях на площади Мужества. Карманников и взломщиков шифров, что перехватывают и читают курьерские сообщения. Подпольных чародеев, что истолковывают руны и трактуют знамения. Каждый пантеон имел здесь своих агентов. Гвердонские закоулки – это линия фронта, где – покамест – сражаются не боги, а смертные.

Вот почему человек, чьим официальным титулом было третий секретарь представительства Хайта, вышел из посольства через потайную дверцу. Дворец дипломатов из Старого Хайта, вероятно, был наиболее величественным сооружением Посольского ряда, отражая длительные и тесные взаимоотношения между двумя народами. Мрачное сооружение, серый камень и темно-свинцовые окна, никаких украшений, кроме знаков аристократических Домов, чьи отпрыски служили послами в Гвердоне в прошедшие десятилетия. Многие эмблемы венчал железный прут, это означало, что тот или иной посол по возвращении в Хайт унаследовал семейную раку.

Третий секретарь никогда не увидит своего родового герба на стене посольства. Он не принадлежит никакому великому Дому. Он – из Бюро. Он служит Короне Хайта по-своему.

Сейчас он проходил мимо посольства главного соперника Хайта, захватнического Праведного Царства Ишмиры. На секретаря взирали статуи ишмирских богов, и он кожей чувал их ненависть, как жар из открытой духовки. Оскалилась рыком Царица Львов, ишмирская богиня-воительница. Извивается Кракен, прибравший к своим щупальцам море. Насмехается Благословенный Бол, чье прикосновение несет процветание. Дымный Искусник был сокрыт пленой.

Нигде нет Ткача Судеб, и это беспокоило. Паук Ткач Судеб – ишмирский бог жребия и тайн. Среди разведсостава при хайтиянском посольстве ходит суеверие – на грани страшилки и святого догмата – что статуя Ткача Судеб оживает и поедает неосторожных шпионов. Ишмирский пантеон изменчив, вечно перетасовывается, когда растёт популярность покровителя того или иного острова, или охваченный помешательством бог трансформируется в какую-то новую ипостась. Есть специальные сотрудники отдела Чужеземного богословия, чья работа истолковывать мельчайшие изменения в ритуалах и убранстве ишмирских храмов, пытаясь определить сдвиги в балансе божественной власти.

Отсутствие Ткача Судеб могло означать, что божество секретов попало в опалу. Или то могло быть уловкой, призванной дурачить наблюдателей. Черта между божественным промыслом и откровенной придурью в Ишмире давным-давно стерта.

В нескольких кабинетах верхнего этажа неприятельского посольства еще горел свет. Третий секретарь всмотрелся туда, безотчетно подумав о своих «коллегах» с той стороны. Несомненно, они тоже крадутся в ночи, тянут за нити и прислушиваются, как дрожит паутина мира теней. У них есть свои шпионы, следящие за гаванью, за складами алхиморужия, за наемными биржами. У них есть свои осведомители и доносчики и, как у него, легенды для прикрытия. Пустые бюрократические чины, драпировавшие их истинную суть, как его пальто отлично прятало пистолет.

Годами он не брал отпуск, ибо это подразумевало возвращение в Старый Хайт, а там с некоторых пор ему было не по себе. Не Хайт стал другим, а он сам. Разумеется, не являлся он и частью этого города; можно отдавать должное и неумной гвердонской энергичности, и низменным методам выживания, но он – хайтиянин. Его кости принадлежат дряхлой Империи.

Оглянувшись на Посольский ряд, он увидел патруль – пару стражников. Недели три назад на этой самой улице произошло убийство, застрелили чужого шпиона. Короткое проявление насилия, подобно первой дождевой капле перед ненастьем.

Сегодня ночью у него дела за дальним склоном Замкового холма. Он шмыгнул на узкие ступени, скользкие от послеполуденного дождика, потом прошел под аркой, ведущей к новому пролету, и по нему спустился в подземку. Вспомнил, как восторгался подземным транспортом в первое посещение. В Хайте проложено несколько рельсовых линий между городами и поместьями великих Домов, но поезда Гвердона – современная техническая диковина. Туннели, по которым они мчатся, порой старше самого города. Старые заброшенные упырьши ходы. Внизу город больше, чем наверху, – гласила старая поговорка, хотя, собственно, теперь это неправда. Добавился Новый город и перетянул соотношение в пользу поверхности.

Конечно, если предположить, что под зловещими мраморными улицами и светлыми башнями Нового города нет новых лабиринтов и катакомб. Лично он не отваживался посещать ту часть Гвердона – там на улицах властвуют неведомые опасности; поэтому взаимодействовал с Новым городом на расстоянии, через агентов и наемных прислужников. Посматривал на новый район из закопченного оконца спокойного домика на Гетис-Роу.

Пока поезд громыхал сквозь темноту, секретарь развлекался, воображая в глубинах Нового города невероятные дворцы отдохновений и подземные грибные сады, таившиеся в чернильной пустоте за окном. Время от времени искры от колес поезда высверкивали, очерчивая стены туннеля короткой вспышкой. Ничего, кроме измалеванной краской зеленоватой скальной породы, но секретарь не мог избавиться от ощущения: сверкну искра мигом позже или секундой раньше, он стал бы свидетелем очаровательных картин.

Приближаясь к следующей станции, поезд замедлился. Там вошли еще трое пассажиров. Двое были молодой нетрезвой парой в серых студенческих рясах. С хохотом они рухнули на сиденья у двери, целуясь и лапая друг друга. Нетерпеливые пальцы юноши бредили цветы, вплетенные девушке в волосы.

Другая пассажирка, женщина постарше, несла охапку брошюр. Звякали серебряные медальоны и амулеты, пока она брела в его сторону по вагону. Третий секретарь опознал знаки: немолодая женщина была послушницей Хранителей. В наши дни церковь Хранителей вынуждена бороться за паству наравне с остальными религиями Гвердона. Третьему секретарю стало жалко женщину, которая оказалась обязана впаривать насмешливому городу свою веру. В ее молодости Хранители на деле руководили Гвердоном, а жизнь, посвященная служению церкви, считалась почетной и вознаграждалась сполна. Реформы Келкина обрушили все. Эта женщина показалась ему крабом на сухом песке. Волна выплеснула бедное создание, и во второй раз уже не нахлынет, приходится метаться туда-сюда в поисках хоть какой-нибудь лужицы.

Но все его сочувствие испарилось, когда она, выбрав из всех свободных мест в этой половине вагона, присела с ним рядом. Легкий аромат ладана от одежд никак не хотел маскировать прогорклый старушечий запах. Она предложила брошюру.

– Боги присматривают за вами, – заговорила она. – Нищий Праведник, Святой Шторм, Матерь Соцветий – на каждом из нас лежит божий взгляд. Они не отвернули от нас своих лиц. Это мы отвернулись от них.

Он принял листовку, избегая вступать в спор.

– Я почитаю, – пообещал он.

Смягчившись, она указала на обнявшихся студентов.

– Позорище! – достаточно громко, чтобы им было слышно, заявила она. – Прямо как животные. Как шлюхи.

Он не ответил и притворился, будто погрузился в брошюру. Одна часть была карточкой с линией отреза, и листовка увещевала его носить эту карточку с собой веки вечные. Это для тех, кто слишком беден, чтобы иметь медальон Хранителей, или недостаточно тверд в вере,

чтобы открыто выступать прихожанином их церкви. Смысл носить карточку до самой смерти заключался в том, что, когда придет время избавляться от тела, твое погребение произойдет согласно надлежащим обрядам.

Сами обряды карточка не расписывала, но третий секретарь в курсе, что они из себя представляют. В наши дни усопших Хранителей передают падальщикам-упырям – останки опускают в подземные глубины через трупные шахты. Решение практично с нескольких сторон – не только уменьшает потребность перенаселенного города в кладбищах, но заодно упыри извлекают из трупа *осадок*, концентрированную вытяжку души, и сами его поглощают. Хранимым Богам достается только жиденькая молитва, голодная духовная диета, а сидя на ней, боги и впредь будут слабы и покладисты, в отличие от чокнутых исполинов иных стран.

Третий секретарь про себя улыбнулся. Смерть – забота других людей, а не касты неусыпных из Хайта. Его душа никуда не отправится.

Поезд вырвался из туннеля и прогрохотал по виадуку. Внизу – клубок улочек и тупиков, называемый Мойкой, пресловутые исконные гвердонские трущобы. Новый город вобрал в себя половину Мойки. Мерцающие белые купола и воздушные шпили вознеслись над обшарпанными многоэтажками и тухлыми каналами. С этого расстояния Новый город не настолько смахивает на ту небесную обитель, какой кажется издали. Между этими шпилями натянуты бельевые веревки; ночной ветерок колышет вывески. Мраморные фасады исчерканы похабщиной. Храмы служат игорными залами, публичными домами, бойцовыми аренами.

– Позорище! – вторила мыслям пожилая женщина. – Скверный город. Язва, я вам говорю. Язва.

– Моя остановка, – сказал третий секретарь, заставив голос звучать виновато.

Он встал, и старушенция повисла на нем, цепляясь за пальто. Он выдернул полу из ее хватки и порысил по вагону от нее подальше.

– Прочтите! – зывала она вослед. – Вы еще спасете свою душу!

Он вышел из поезда, на платформе ускорил шаг. Позади подвыпившие студенты отлипли друг от друга и тоже выкатились наружу. Он скомкал листовку, собираясь выкинуть, и вдруг засек кое-что необычное. «Костры Сафида понесут душу...»

Он разгладил листовку обратно, пробежал текст, аккуратно сложил и сунул в карман. Насколько он мог судить, брошюру выпустила второстепенная секта – сафидисты, – вообще-то не проповедующая здесь, в городе. Он отправит бумагу домой, в отдел Чужеземного богословия, для их архива. Господство общепризанной церкви Хранителей пошатнулось, если ее вытесняют радикальные ответвления. Он с лихвой насмотрелся на Божью войну, чтобы пристально изучать духовные сферы Гвердона. Это вам не драчливые боги Ишмиры – гвердонские божества тихо дремлют, и едва ль им есть дело как до поклонников, так и до их угроз. Впрочем, богословием занимался не его отдел.

Со станции он вышел чересчур бодро. На лестнице собрался, стал ступать на каждую ступеньку, как навкальвавшийся работяга, несмотря на бушующий в венах адреналин. В наши дни Мойка безлюднее, чем в его первое появление, когда он только наладил паутину связей с гвердонским дном. Теперь это дно переселилось юго-восточнее, канув в непостижимые закоулки Нового города. Скорее рано, чем поздно, ему все-таки придется бросить вызов неизведанным землям его приемного дома, но этой ночью есть более срочные вопросы.

Цель его пути – домик на Гетис-Роу, где предстоит встреча с контактом: поставщиком алхимического оружия. Хайт закупает оружие огромными партиями напрямую по гвердонским официальным каналам. Но есть такие средства уничтожения, которые не купить ни за какую монету, и эта встреча – часть долгих и деликатных переговоров о непроизносимой вслух цене.

Фонарь над дверью темен. Неправильно это. Его контакт должен быть здесь, ожидая его, а с чего бы ей сидеть в темноте? На улице слишком тихо, слишком пусто. Секретарь принялся

к воздуху, гадая, не почудился ли ему на ветру привкус крови? Он не бросился бежать и вообще никак себя не выдал, просто прошел дальше своей дорогой.

Не помогло. Первый нападавший выпрыгнул из проулка, второй – с крыльца дома напротив. Секретарь потянулся за пистолетом, но кто-то, кабинетом повыше, уже имел на него другие планы.

Удар прилетел раньше грохота ружья, а через три толчка сердца пришла боль.

Он повалился в канаву, и один из тех уже над ним. Девушка из поезда, студентка, совавшая язык в рот своему парню. Одним взмахом мелкого ножика она перерезала ему горло. Но не повернула его голову набок, поэтому ей в награду досталась кровавая струя на руки и колени. Она взвизгнула.

Ох уж эти любители!

Третий секретарь уже не мог дышать, поэтому не вздохнул, однако нашел способ закапать глаза. За гибель Даэринт его убьет. Лопухнулся. Так небрежно! Это не просто пятно в послужном списке, а еще и утрата частичек живого. Не одних хорошеньких девиц, но также и вина, и пища. Проклятье, он ведь пропустит вечерний прием. А ведь он так его ждал!

Приближаются шаги в сопровождении крепкого запаха. Молодой мужской голос, взволнованный и восторженный. К девушке с ножом присоединился возлюбленный из поезда.

– Я попал! Боги направили мою руку! – воскликнул он. – Ты видала? Вот это выстрел! Что за... буэ! – донесся звук и запах рвоты.

Точно, любители.

Они подняли его труп за плечи и за ноги и понесли в проулок. Он взвесил свои возможности. Спецобучение велит ему продолжать разыгрывать мертвого – точнее, разыгрывать труп, ведь мертв он и в самом деле. Надо ждать удобного случая.

Ожидая, он размышлял – связана ли его смерть с тем, что контакт, похоже, не явился?

Он практически уверен – связана, навряд ли это совпадение, погибнуть прямо возле дома, где должна была состояться сделка по поставке крупной партии незаконного оружия. Тем не менее случались вещи и более странные, и есть малая вероятность, что эти студентки с поезда просто захотели здесь его убить и ограбить. Если они полезут за кошельком, это подкрепит догадку.

Они бросили его на кучу мусора. Мертвый нос заполонила вонь. Некоторые его чувства подавлены, другие обострились. Ощущение бетонной плитки и гнилых яблок под щекой было где-то далеко, и, похоже, столь же несущественно для него, как кровь из глотки или зияющая дыра в правом боку. Обоняние усилилось, и кроме сладковатой гнили он чует цветочные духи, свою кровь на ладонях дамы, луковое дыхание ее подельника. Более тонкую, отдаленную терпкость алхимразряда ружья, что его прикончило. Такое состояние временно – он читал, что когда некроманты ошкурят его до гладких костей, восприятие запахов уйдет. «Наслаждайся, пока можно», – мелькнула мысль.

Девушка перевернула тело третьего секретаря и стала рыться в его карманах. Мертвые глаза пялились на ее лицо. Трудно сказать, но, кажется, там никакого раскаяния, и это его возмутило.

– Иди, передай ей, что мы его замочили! – приказала девушка.

Определенно не совпадение. Определенно замысел.

Он прождал достаточно.

Его обучали именно этой минуте, раз за разом, поэтому когда она настала, то не показалась чем-то особенным. Все тренировки прокрутились перед ним, сливаясь в одну настоящую попытку. Усилием воли мертвый секретарь воссоединил тело с душой. Кольнуло жаром, когда железные вживители под кожей сплывались с его костями. Темная аура некромантии охватила его тело, и в одеревенелые конечности хлынула сила.

Женщина взвизгнула и резанула ножом, но теперь он не по ней быстр, не по ней силен. Поймал ее запястье, смял своими пальцами нежити, саданул другой рукой ей под дых. Она скомкалась и отвалила от него, разевая рот.

Ее молодой человек смотрел в ужасе – застыл на месте, когда застреленный вскочил на ноги, пробитый, кровавый, с двумя смертельными ранами. Ружье все еще у паренька в руках, но могло быть и в тысяче миль отсюда.

Беги, – говорит третий секретарь новым голосом. Голос звучит загробно и страшно. И срабатывает. Малыш бросил ружье и припустил по проулку. Само собой, он же встретил привидение.

«Возможно, – думает вспомогательный секретарь, – быть неусыпным не так уж и плохо». Он проворачивается и зверски отвешивает с ноги девушке в лоб, сшибает ее. Ее можно допросить. Разобраться, как она прознала о сделке, раскрыть, на кого работает.

Однако сперва требуется понять, можно ли хоть частично спасти его жизненно важную операцию, выяснить, чего стоила его жизнь. Он подбирает нож, проводит пальцем по острому лезвию – приятное чувство. Прохаживается по проулку, испытывая подвижность воскрешенного тела. Тоже приятно, в новом виде он быстрее и сильнее прежнего. Душа подстраивается к плоти. Ну, вернее, к кости. Отныне плоть лишь мертвый груз.

Внутри конспиративной квартиры загорается свет. Третий секретарь ухмыляется уже коченеющими губами, затем молниеносно бросается в дверь. Мертвецы движутся быстро.

Старуха в доме движется быстрее.

В ее руках огненный меч.

Последней мыслью третьего секретаря было: «Надо, позарез надо сообщить о том, что происходит, отделу Чужеземного Богословия, ведь это меняет все!» Но огонь охватывает его плененную душу, и он сгорает, и больше ничего не остается.

Глава 4

«Дельфин» входит в главную гавань Гвердона. До самого города еще час пути – Гвердон тянется вдоль того, что некогда было устьем впадавшей в залив реки. Ныне река большей частью присыпана, рассечена и перенаправлена в сотню каналов и подземных водостоков.

Залив пещрят шхеры. С палубы Эмлин со шпионом внимательно их рассматривали. Дредгер изображал экскурсовода, бодро отвечивал комментарии. Он рад возвращению в город.

На некоторых островках торчали пушки и укрепления, флотские базы готовы защищать город от захватчиков. Гвердон не вступает в Божью войну не по принципам, а из выгоды. Там отдают себе отчет в том, что голый нейтралитет не защитит их от вторжения, а война с каждым днем все ближе.

Вдалеке они углядели Колокольную Скалу – риф так низко сидел в воде, что становился виден лишь в отлив и был смертельно опасен с подъемом уровня моря. Дредгер показал им развалины маяка на скале и поворотную железную раму временного прожектора. Опоры рамы, как и камни вокруг, были вымазаны отталкивающей ярко-желтой грязью, и Дредгер объяснил, что в этом виновата авария, произошедшая несколько месяцев тому назад. Сухогруз, перевозивший алхиморужие, сорвало с якоря и выбросило на берег. На Колокольную Скалу высыпались бомбы и потек отравляющий газ. Он показал на другое судно, сходное с «Дельфином», на рейде неподалеку от острова. Течение сейчас слабое, люди в противогазах и болотных сапогах пробираются между покрытых налетом камней. Дредгер пояснил, что это его работники собирают пряди выращенных его алхимиками морских водорослей. Водоросли впитывают отраву, накапливают ее. Позднее водоросли высушат, перемелют, а порошок продадут каким-нибудь торговцам смертью, вроде Сангады Барадина.

За Колокольной Скалой, ближе к Гвердону, лежал вытянутый плоский остров – или песчаная отмель. Отчасти искусственная, она наполовину состояла из сбросов в залив ядовитой земли. Это остров Сорокопутов, маленькое королевство Дредгера. Даже издали шпион различал на твердой части отмели трубы и очистные сооружения – цеха, где Дредгер делал из химотходов боеприпасы для перепродажи. Творил собственную алхимию – обращал отработанную отраву в золото.

Между «Дельфином» и Колокольной Скалой еще один остров. Его облепили корабли всех размеров, бросая швартовы в любом месте длинного пирса, простершегося далеко в залив. Еще там стояли приземистые постройки, а за ними – лагерное поселение. Палатки, заборы, сторожевые вышки. Остров Чуткий, где Гвердон отсеивал спасавшихся с Божьей войны от тех, кто привез сумасшедших богов с собой. Фильтрационный пункт для занебесного. Святых бродяг, юродивых, отмеченных благими перстами и истинно верующих берут под стражу; безбожников и слабых духом пропускают.

Дредгер зарычал и показал на западный берег Чуткого. Там стояла старая тюрьма, облупившаяся крепость из серого камня, ее стены поросли плющом. Над оградой этого форта шпион разглядел признаки стройки – остовы балок с металлическими цистернами, алхимические машины.

– Тюрьма для святых, – сказал Дредгер, зыркнув на Эмлина. – Весь год ее строят.

Эмлин таранился с перил на крутобокий остров как на дремлющее чудовище.

К югу от Чуткого, ярдах в двухстах от берега, из воды торчал зазубренный каменный клык. По краю этой скалы передвигались люди. Может, тоже собирали водоросли, хотя на небольшом выступе не было никакого желтоватого налета.

Морские патрули – быстроходные канонерки – кружили вокруг острова Чуткого. Очевидно, «Дельфин» они уже засекли, и если Дредгер не пришвартуется, чтобы его пассажиров

из Севераста потыкали и пощупали городские розыскники, то начнутся проблемы. Они огибали остров Статуй, карантинный участок для страдальцев от беспощадной каменной хвори. Пологий травянистый остров шириной в милю. Неподвижными часовыми стояли серые изваяния, и шпион не мог понять, то ли это настоящие камни, то ли оболочки покойников. Бой церковного колокола скорбно расходился над водой. Сангаде и Эмлину Барадинам пора трагически утонуть.

Шпион перекинулся через борт «Дельфина» и плюхнулся в воду бухты. Жарило летнее солнце, но в воде холодно до сих пор. Он поманил к себе Эмлина. Мальчик бросил шпиону водонепроницаемый баул, потом сам прыгнул в воду и резво рванул к берегу. Шпион подобрал сумку и увидел Дредгера у фальшборта. Громила ничего не сказал, но одна бронированная рука отдала им почти незаметный со стороны салют, а затем корабль ушел, направляясь к острову Чуткий. Плыть до берега всего ничего, только вода воняла, изгаженная сливом какой-то химии, и выбраться на каменистый пляж острова Статуй – истинное блаженство. Камни устлали берег. Некоторые с острыми краями, как осколки посуды. Другие – закругленная, блестящая галька... тут до него дошло, по чему он ступает. Яркие кругляши – это пули, вычищенные до блеска волнами. Отломанные куски... он поднял один, повертел. Ощупал очертания носа, глаза, половины брови. Весь пляж – раскрошившиеся каменные люди. Наверно, еще со времен начала карантина, когда они пытались врываться на лодки своим неуклюжим, спотыкающимся шагом.

Эмлин увидел каменное лицо, открыл рот, чтобы задать вопрос, а потом передумал. Неплохо. Он способен учиться.

Шпион сорвал мокрую одежду и утопил в море, утяжелив с помощью частей каменных тел. То же самое проделал Эмлин. Спина мальчика разлинована старыми шрамами и отметинами укусов. Он проходил церемонию – кормил собой ядовитых пауков Папирусных Гробниц.

Из баула, подаренного Дредгером, шпион извлек пару мантий с капюшонами. Одну он надел, натянув на голову шершавый клубок. Разобранная винтовка и другие ценности остались в бауле, когда шпион запечатал его и взвалил на плечо. Шагая через пляж, он приноравливался к сторбленной, потупленной манере жреца Хранителей. «Вживайся в личину», – подумал он.

– Сюда, – сказал старый священник молодому службе, который почтительно следовал позади.

Узкая тропа поворачивала с пляжа в сторону церковной звонницы. С гребня виднелась маковка далекой церкви. Остров был весь в некошеной зелени и серых камнях, складчатый выступ посреди залива. Несколько полудиких коз наблюдали за ними с утеса. Не считая церкви – никаких следов поселения. Не считая коз и чаек – никаких признаков жизни. Священник задумался, куда подевались несчастные жители островка. Все каменные люди в церкви, что ли?

Потом он заметил пару глаз, следивших за ним со столбика, который он сперва принял за стоячий валун, и осознал, что вокруг них повсюду – каменные люди. Непонятно, то ли они нарочно уступали ему дорогу, то ли эти образчики настолько поражены хворью, что не в состоянии говорить или двигаться. Некоторые определенно парализованы. Рядом с ними стояли деревянные доски для сбора дождевой воды. Более подвижные собратья и посетители острова из жрецов или членов семей проявляли сомнительную заботу о пропитании запертых в теле каменных людей – по глоточку вливали ледяную дождевую воду в застывшие губы, проталкивали в рот ложки каши.

Тропа привела к одному такому каменному – покосившемуся дольмену, живому надгробию. Под мшистой бровью на шпиона пялился глаз; второй покрыла толстая гранитная корка. Руки каменного человека слились воедино с туловищем; ноги погрузились в почву. Рот существа – открытая щель, но оттуда не исходят слова, только перестук, как галечник бьется по валуну. *Тук, тук, тук.*

– Ладно, идем, – сказал Эмлин. Порождение болезни отталкивало его.

По своей натуре шпион сострадательным не был. Обычно чужие мученья его не касались. Но он намеревался попасть в незнакомый город, и требовалась любая удача, какую получится наскрести.

– От капельки доброты с нас не убудет. – Шпион остановился и поднял плошку с водой. Поднеся ее к губам каменного человека, он понемногу вливал жидкость в обезображенный серый рот. Зубы существа превратились в сталактиты со сталагмитами. Частично окаменевший язык, как раковая помесь змеи с черепахой, зашевелился за зубами, облизывая край миски.

– Помяни нас в молитвах, друг, – прошептал шпион. Плошку он убрал назад в выемку.

Отовсюду вдруг зашаркало и заскрипело. Пораскрывались расщелины ртов, умоляюще вытаращились глаза. Полуподвижные каменные люди надрывались, стараясь подползти поближе; прочие только щелкали и хрипели – им больше не выговорить человеческих слов. Эмлин попятился от несчастных созданий и потянул шпиона за рясу.

Им нельзя здесь остаться и всем помочь. Их ждала явка. Шпион повел Эмлина дальше. Церковный колокол оборвал свой звон, и теперь вокруг все умолкло, кроме ветра, волн и чаек.

К их прибытию двери храма уже закрылись, но от церкви сбегала к маленькой бухточке найденная тропа. Пройдя по ней, они вскоре наткнулись на других священников. Кучку мужчин, числом дюжину, одетых как они, в просторные серые рясы и толстые резиновые перчатки для защиты от заражения. Некоторые шли от небольшой часовни, другие возвращались с берега, после помощи недужным. Шпион с Эмлином поспешили к ним присоединиться – мол, подотстали, замешкавшись в заботах об очередной бедной душе. Мальчишка выпрямился, вытягиваясь так высоко, как мог, чтобы сойти за взрослого. В длинную гребную шлюпку забралось четырнадцать жрецов, и если кто и приметил двух новообретенных братьев, то ничего не сказал. Из этой бухты Дредгер нелегально переправлял в город людей и товар. А то и умыкал каменных бедолаг с острова, пополнить в цехах рабочую силу.

За пределами острова Статуй один жрец пустил по кругу стеклянную банку величиной с бадью для молока. Сняв перчатки, священнослужители зачерпывали пригоршни прозрачного желе и втирали его в кожу. Шпион поступил как все; мазь оказалась зернистой и жгучей. Алкагест, на случай если заразная каменная хворь проникла через перчатки.

Медленными, вымученными гребками весельная лодка пересекла воды, лежащие между островом Статуй и Гвердоном. Приближаясь к городу, их лодочке пришлось потолкаться – с ней соперничали суда куда крупнее. Громадные грузовозы и купеческие корабли: старые – под парусами или на веслах, и поновее – с железными бортами и алхимической тягой. Неуклюжие перевозчики беженцев, потрепанные плаванием сквозь Божью войну. На иных из этих развалин попадались выщербины от зубов под стать кракену. Быстроходные таможенные катера пролетали с клубами едкого химического дыма в кильватере. Вода под ярким солнцем переливалась красочными масляными пятнами. Об корпус лодки стучался плавучий мусор.

Священники были приписаны к церкви Святого Шторма, древнего храма, веками чтимого гвердонскими матросами и рыбаками. Сама церковь стояла неподалеку от причалов, у обращенного к морю конца района, прозванного Мойкой – знаменитой беднейшей и опаснейшей части города. Видимые с лодки многоэтажки Мойки, кажется, пустовали – целый ряд незаселенных башен, темные окна громоздились, как глазницы наваленных черепов в Северасте. В этой стороне города царила зловещая тишина.

Шлюпка натужно обогнула корму сухогруза, заякоренного на рейде посреди гавани, и тут шпион впервые воочию и ясно увидел Новый город. Он сразу напомнил ему небесный военный лагерь над полем сражения при Маттауре. Неправдоподобные башенки, воздушно-невесомые и сотканые из снов. Дворцы водружены над дворцами, лестницы взбегают ввысь и ветвятся дюжинами небесных дорожек. Луковицы куполов и невероятные площадки теснятся в буйстве разрастания – настоящие мраморные джунгли. Неестественный камень Нового города

жемчужно бел и мерцающ, и сейчас, в свете закатного солнца, эта изумительная картина пламенела поистине неземной красотой.

Быть может, здесь воздвигся истинный рай.

Эмлин тронул его и указал на какое-то мельтешение. На одном из выходящих на залив балконов Нового города появилась женщина. Находишь шпион ближе, то услышал бы ее крик. Она перебросила ногу через перила и на мгновение замешкалась, глядя на мрачные воды в сотнях футов под собой. Этого мгновения хватило – на балкон ворвались двое мужчин, схватили ее и поволокли назад в тень. Прочие священники и глазом не повели на этот порыв насилия, стало быть, такие вещи в Новом городе не редкость.

Быть может, здесь и рай, но он полон грешников.

А вот что шпион разглядывал с интересом, так это возвышающуюся крепость на мысу Королевы, с другой стороны бухты. Стойкая защитница Гвердона, гранитная гора щетинилась пушками. Помимо нее имелись и другие огневые позиции, откуда артиллерийские дула следили за подступами к городу, готовые выпалить в лицо любого завоевателя ужаснейшие алхимические кошмары.

Шлюпка прошла во внутреннюю гавань, осторожно двинулась по протокам и дугообразным рукавам старого русла, и далее, по мутным водам, к молу возле Святого Шторма. Шпион подмечал открытые подвальные двери, жерла туннелей, узкие спуски к воде – сотню путей отхода. Он подтолкнул Эмлина, практически наугад кивнув на один переулок.

Двоем они помогли жрецам разгрузить лодку. Те, почитай, ничего не привезли с острова Статуй, помимо большущей коробки, полной пустых шприцев со стальными наконечниками. Алкагест более высокой концентрации, для ухода за моровыми больными. Закинув на плечо свою сумку, шпион по мокрым ступеням двинулся за жрецами ко входу в церковь, но у самого порога развернулся и припустил по боковой улочке, уходившей за припортовую таверну. Эмлин безукоризненно вторил ему – мальчик столкнулся с первой трудностью и показал себя хорошо. Исчезли они моментально.

На задворках таверны, за бочками с пустыми раковинами устриц, шпион скинул жреческую маскировку и помог выпутаться из промокшей рясы Эмлину. Их краткое послушничество в прошлом, он достал из баула два последних комплекта одежды, затолкав туда рясы. Безмянный священник присоединился к Сангаде Барадину – обе шкуры шпионом сброшены. Теперь они с мальчишкой обитатели Мойки, городское отребье.

Шпион повел мальчика по улице, высматривая трактир или ночлежку, где можно переждать пару дней. Город плотно скалился на него, бурлил стаями незнакомых голосов и лиц. Безногие ветераны побирались у обочин; зазывалы и мошенники выискивали жертв. Поначалу шпиона порадовало, как ловко они с Эмлином вписались в толпу, как быстро сошли за местных.

Однако вскоре он дважды заметил одно и то же лицо. За ними следят. Извращенная насмешка – они в Гвердоне меньше пяти минут, а их прикрытие уже вылетает в трубу. Мало похоже на городской дозор – те не морочились бы слежкой, а без затей схватили бы их и отколотили дубинками: будут знать нелегалы, как пробираться в город, не отмечаясь на Чутком.

Он попробовал просчитать, не могли ли это быть другие агенты Ишмиры. С ними не предполагалось вступать в контакт еще неделю, но если бы здешней сетью распорядился он, то взял бы новичка под наблюдение пораньше и присмотрелся бы к его благонадежности. Вот только он не верил в такую проницательность новой службы обеспечения разведкорпуса.

Значит, это кто-то еще.

– Сынок, – прошептал он Эмлину. – Пригни голову. – Мальчик то и дело озирался, подавленный столпотворением и городским гамом.

Шпион пропустил Эмлина на несколько шагов вперед себя. Он высматривал людей, высматривавших мальчишку. Вон там. Седая женщина в длинном облачении. Очень похожем

на те жреческие рясы, которые они только что сбросили. Священница Хранителей? Она ускорила, поравнялась с Эмлином. Поймала его за руку.

– Подожди, – произнесла она, – не надо убегать.

– Убегать? – эхом отозвался Эмлин, играя недотепа. Шпион согласно одобрил.

– Я видела, как ты сходил с лодки. Ты приплыл с острова Статуй.

– И что с того? – сжимая кулаки, взъерошился мальчишка.

Шпион вмешался:

– Что беспокоит вас, добрая матушка?

– Вы не захотели проходить проверку на Чутком. Вы отмечены войной, не так ли? Дайте взглянуть. – Она повернула Эмлина лицом к себе, и шпион увидел, что ее левая кисть когтиста, чешуйчата, непропорциональна предплечью. Быть может, неудачное волшебное превращение или шрам Божьей войны. – Никаких следов я не вижу, – проговорила она, – но вы побывали на войне, это так?

– В Северасте, – ответил шпион. Надо сказать, ответил честно. Во многих других краях тоже, но изменил его именно Севераст.

– Я Джалех, – сказала жрица. – У меня найдется местечко, где вам пока можно остановиться. Нищий Праведник не даст в обиду своих. Скажите, как вас зовут?

Сангада Барадин утонул. Икс-84 сейчас в спячке. А шпион верил в свою удачу.

И взял обыкновенное имя. Гвердонское, первое попавшееся:

– Меня – Алик.

Глава 5

На прием в посольство Эладора явилась поздно. Удивительно, что явилась вообще, проведя четыре часа в управлении промышленных либералов. Пальцы перепачканы чернилами, в горле саднит от бесконечной говорильни на встречах. Она сходила домой и переделалась в вечернее платье, но потребовалась вся сила воли, чтобы после этого выйти за дверь, а не рухнуть на кровать и пропасть для всего мира.

После заседания совета Келкин коротко и хрипло выступил перед своими сторонниками, объявив, что пришло время признать: Новый город станет их спасением, как служит пристанищем для многих других. Когда он превознес работу Эладоры по обследованию и нанесению на карты Нового города, она снова скукожилась. Рискованная ставка на парламент на основании неоконченного отчета выбила ее из колеи, но что она могла возразить? Келкин бросил кости – обратного пути ни у кого из них нет.

В штате Келкина она занимала достаточно высокую позицию, и отсутствовать на приеме будет невежливо – хайтияне очень чувствительны к вопросам протокола и этикета, – но один круг по залу, и можно покинуть вечер. Для начала, однако, ей надо пройти через вестибюль. Внутри змеилась очередь – посол лично здоровался с каждым гостем. Эладора стала в ряд ожидающих знакомства и была признательна за место у большого открытого камина. Вопреки теплоте вечера за окном в представительстве Хайта холодина. По старому зданию гуляют сквозняки, но это не объясняло стылость воздуха. То ли особые чары воспроизводят тут промозглый климат Хайта, то ли стража из нежити неведомо как вытягивает из холла тепло.

«Посол – Ольтик Эревешич, – припомнила она, – смотрелся так, будто ему полагалось натянуть шкуры и размахивать секирой, а не цедить шампанское из фужерчика, едва заметного в громоздкой лапе. Князь-воин из далекого, варварского прошлого Хайта. Для своего поста молод, лет на пять старше Эладоры, зато одержал уже уйму побед. Ордена и знаки отличия украшали его бочковидную грудь, повествуя о гордой воинской карьере, а железный браслет выше локтя предсказывал его благородное будущее».

Пока очередь постепенно приближалась, она рассмотрела фамильный герб на навершии меча и цепочку, стянувшую обручье, чтобы оно налезло на здоровенный бицепс Ольтика. Такое обручье обозначает одного из оберегаемых, высшей посмертной касты расслоенного хайтиянского общества.

Отпрыска одного из их великих Домов, наследника родовой раки.

Как раз когда подошел ее черед пообщаться с послом, из толпы выскользнул доверенный служитель и прошептал Ольрику сообщение. Послу пришлось наклонить квадратную голову, прислушиваясь к подручному, и Эладора разобрала слова «третий секретарь». Задержка ей не претила – нежась в тепле у камина, она снова прихлебнула шампанского. Вдруг случится чудо – и ее на весь вечер избавят от разговоров о политике. Их кампания длится пока четыре часа, а она уже чувствует себя разбитой.

– Мисс Даттин, – прогремел посол. – Прошу прощения. Кажется, мне необходимо кое-что подписать – и это несмотря на то, что первый секретарь в совершенстве умеет подделывать мою подпись.

– Разумеется, милорд. – «Ага, – обрадовалась Эладора, – один разговор уже избегнут. Продолжай в том же духе и скоро вежливо откланяешься». Посол одной рукой обхватил ее ладони.

– Я хочу в двух словах обсудить с вами мои предложения парламенту. Вы знаете, что на уме у господина Келкина, и ваш совет будет бесценен. Пожалуйста, не уходите, пока мы не побеседуем.

– Непременно, милорд. – Ей даже удалось улыбнуться, пускай и зря. Он уже рассек толпу, устремляясь в закрытую часть посольства. Эладора немного помедлила у теплого камина, потом спустилась по мраморной лестнице в главную бальную залу.

Хрусталь массивных золотых люстр отражал свет тысячи свечей. По-видимому, никто в посольстве не слыхивал о газовом освещении или эфирных лампах. Зал уже набит битком, несмотря на то, что очередь за Эладорой тянулась до входных дверей. Она тут же заметила нескольких парламентариев – каждый в сопровождении бригады помощников и прихлебателей. «Как мать-утка в окружении выводка утят», – подумалось ей сперва. Задним умом лучше бы поменять сравнение на «линейный корабль, в окружении флотилии канонерок и тендеров», но мысль о пушистых утятках, попискивающих в парламенте, развеселила ее, к тому же она уже разделалась с первым бокалом.

Она двинулась по краешку толпы, держа на примете фуршетный столик у дальней стены. Еще бокал, полный круг по залу – и можно отправляться домой.

Через шесть шагов ее перехватили.

– Эладора! Идите к нам! – Это Перик. Раскраснелся, плещет притворным обаянием. Его обступали барыжники. Она выделила нескольких мужчин и женщин в дорогой одежде, все носили реторту-с-глазом – золотую эмблему гильдии Алхимиков – покровителя барыжников. Ни один не сиял добродушием. Не успела она улизнуть в толпу, как Перик схватил ее за локоток и ловко выдернул на середину круга. Попалась.

– Вот, Эладора – подлинный *творец* великого замысла Келкина, – прокаркал Перик. – Она специалист по Новому городу. А там, никаких сомнений, так и снуют активные избиратели. Так и вижу, как они прибывают на своих богами проклятых плавучих гробах, тощие, как скелеты, чокнутые, как святые, размахивают бюллетенями и выкрикивают...

Она попыталась перебить его:

– Я помогала составить план. Не стану брать ответственность за...

– ...выкрикивают: «Мы проехали весь мир, чтобы отдать голос за Келкина! Голосуй за Келкина – и ты проголосуешь за...» – а, собственно, за что? Что теперь отстаивает этот, извините, политик? – Перик актерски пожал плечами. – Он пятнадцать лет высмеивал нас, мол, мы – корабейники и паршивые лоточники, торгуем вразнос честью Гвердона, и еще обвинил в том, что это мы довели город до беды. Мы, те, кто построили флот! Мы, те, кто всем подарили процветание!

– Я... я... – заикнулась Эладора. Находчивость в стычках никогда не была ее сильной стороной. Она окинула взглядом зал, ища от кого-нибудь выручки, ища способ выбраться и желая провалиться сквозь пол.

Перик не замолкал:

– Келкин осудил нас за то, что мы подвергли город опасности и пренебрегали правопорядком, а сам голосовал против сальников! Голосовал против...

– ...чрезвычайных мер, – вполголоса прошипел другой барыжник. Барыжники настолько тесно переплелись с гильдией Алхимиков, что стали буквально одним целым, а именно алхимики создали чудовищных сальников.

Этими сальниками предполагалось прирастить недоукомплектованный состав городского дозора, и за считанные дни Кризиса они полностью заменили собой стражу. Но оказалось, людям не по нраву быть под «защитой» сборища жутких психованных восковых отливок, у которых наблюдалась занятая привычка – за любое незначительное нарушение испуленно забивать виновных ножами. При Кризисе чаны для перетопки были разрушены и погребены в дебрях Нового города.

– Он голосовал против наших чрезвычайных мер по противодействию Кризису. Зато когда подмял под себя чрезвычайный комитет, вот тогда показал нам, что значит пренебрегать законом и правопорядком! Уже полгорода одичало. Никакого порядка, только прихоти пре-

ступных главарей, никакого закона, кроме закона ножа! Вот вам работа Эффро Келкина, вот что люди вспомнят, когда пойдут к избирательным урнам!

Эладора прикусила язык. Она – одна из немногих, кто достоверно знал, что происходило во время Кризиса, и принесла клятву сохранить это в тайне. Взамен она беспомощно подбирала слова и нашла лишь избитое:

– Господин Келкин верит в гостеприимность нашего города и в то, что народ Нового города в долгосрочной перспективе укрепит Гвердон и сделает его сильнее. Мы проведем кампанию на основе... на основе...

– ...душещипательных рассказов и чужестранных богов. А если право голосовать распространится на Новый город – кстати, такую заявку надо тщательно проверить на законность – тогда я с радостью усажу промливов в любые кресла, какие им удастся занять. Ведь за каждое выигранное в Новом городе парламентское место они проиграют два места в старом! Народ доверил Эффро Келкину выход из Кризиса, а он не сделал ничего! Он дал городу скатиться к безвластью, а теперь отпустил вожжи даже чрезвычайного комитета! Мы плывем по течению!

– Перик, – прервала его немолодая дама. – У мисс Даттин пустой бокал. Сходите и принесите ей полный.

Ее спасительница просунула морщинистую руку Эладоре под локоть и отвела в сторонку от кружка барыжников.

– Вы должны простить Перика. А вообще-то... нет, не должны. Он – скотина.

Эладора распознала в женщине Мхари Воллер, старшую советницу Гвердона. Воллеры были одним из почтеннейших в городе семейств, в значительной мере благодаря исконной политической дальновидности и примыканию к победителям в любом из конфликтов. При первом избрании в парламент Мхари выдвигалась промышленными либералами, но перед падением правительства Келкина переориентировалась на начинавших тогда барыжников. «Ее отец, – вспомнила Эладора, – был теократом, и несколько поколений назад они, есть мнение, верно служили сгинувшим королям Гвердона – а может быть, даже Черным Железным Богам».

Воллер сняла два фужера шампанского с проносимого мимо подноса.

– Впрочем, в неправоте его не упрекнуть. Мы с Эффро знакомы очень, очень давно, и я могу определить, когда он совершает ошибку. Тридцать лет назад его просчет состоял в чрезмерной суровости, и это стоило ему правительства. Теперь ему выпал второй шанс, но он упустил его из-за излишней мягкости.

Эладора нахмурилась:

– Вы говорите о каменной хвори? – Тридцать лет назад город охватила моровая напасть, превращающая плоть в камень. Тогда Келкин управлял парламентом, и по его приказу безжалостно приводились в исполнение насильственные меры сдерживания, карантин и даже, согласно бытовавшим слухам, зачистка окрестностей заражения путем поджогов, совершенных якобы его агентами. Любого с едва проступившими симптомами под дулом ружья загоняли в лагерь. Сотни погибли в волнениях. Затем гильдия алхимиков отыскала лечение, и в одну ночь Келкин из спасителя города превратился в монстра.

– Я советовала Эффро не терять из виду главное, говорила, что его лекарство окажется хуже болезни. Утверждала, что алхимики найдут выход. Но было поздно. Скажи ему что-нибудь, до того как он принял решение, и он послушается тебя. Но заставить его передумать, когда он уже устремился к цели? Невозможно. – Воллер с присвистом вздохнула. – Но одного у Эффро не отнять: у него наметан глаз на таланты. Приходите работать ко мне.

Эладора подавилась шампанским.

– Простите?

– Вы Тай до мозга костей. Этот город у вас в крови, – сказала Воллер. – Приходите работать ко мне. Я найду вам применение.

Эладора растерялась.

– Э-э, я в огромном долгу перед господином Келкином, и я намерена проработать с ним, по крайней мере, до конца этих выборов.

Воллер цыкнула сквозь зубы.

– Это капитану положено тонуть вместе с кораблем, а не штурману. Если станете дожидаться, поражение Келкина замажет и вас. Оставаясь с ним, вы лишь преданная глупышка. Соскочите сейчас и станете доброй помощницей, предупредив его о том, что он гонит на убой свою партию, а вы уходите от тех, кто не ценит ваших мудрых советов.

– Вы и Перикю рекомендовали поменять хозяев?

– Нет, я обозвала его идиотом – ему надо было ждать истечения срока полномочий чрезвычайного комитета. – Воллер глотнула вина. – А он опять сыдиотничает, если перебежит назад к барыжникам. Им еще около года будет нужен Келкин у власти – пускай люди забудут о том, что Кризис, по сути, они и вызвали. Перескакивать от промливов к барыжникам – все равно что прыгать с горячей сковородки и клясться в верности тому, кто поставил ее на огонь.

У Эладоры закружилась голова.

– Но вы же сами из барыжников. Отчего вы так говорите?

Воллер улыбнулась:

– Происходят перемены. Зреют иные силы. Обдумайте мое предложение, юная леди, и сегодня больше ни слова о политике. Мы и так наедемся ею по горло в следующие недели. – Она как следует отхлебнула вина.

– Если вы извините меня, леди Воллер, то посол Хайта просил меня с ним побеседовать, и мне пора узнать, не освободился ли он.

– Разумеется. Подумайте, пожалуйста, над моими словами.

Эладора помянула хайитянского посла как предлог, но ее осенило, что это и впрямь неплохая идея. Она перекинется словом с послом Ольтиком и покинет эту вечеринку. Если поторопится, то успеет домой до полуночи, то есть, отдавала она себе отчет, довольно рано, если учесть грядущие недели. Да и что эта Мхари Воллер вообще знает?

Как по Эладоре, здесь слишкомлюдно, слишком политизированно, а к тому же еще и слишком много дармового вина.

Она пересекла паркет главной бальной залы, улыбаясь и кивая каждому улыбчивому лицу. Увернулась от журналиста из «Гвердонского Обозревателя», который попытался расспросить ее о падении Севераста; ускользнула от троицы знакомых промливов – те разглагольствовали о торговых договорах, нависнув над несчастным хайитянским купцом; разминулась с пьяным распутником-жрецом от Хранителей. Затем задержалась, чтобы обменяться парой фраз с адмиралом Вермейлом, погруженным в разговор с послом Лирикса. Здесь Эладора целиком на мели. Ей мало что известно про Лирикс, кроме историй о драконьих преступных сообществах, враждовавших с бесноватыми богами посреди сказочных джунглей. Посол страны чудес салютовал ей бокалом шампанского и рокотал насчет морской болезни.

– Две недели на переправу, и все из-за требований вашего флота идти в составе конвоя. Задержки целиком на вашей совести, адмирал.

Вермейл пожал плечами:

– У нас не хватает катеров сопровождения, и поскольку до войны рукой подать, то задержки неизбежны.

Посол поднял хрусталь.

– По воле богов драконы палят как грешников, так и честный люд, без разбору. – Это старое лириксианское присловье, некогда означавшее «не вини меня, лучше взгляни, что творят боги», но в наши дни отсылавшее к разбойным семьям Джирданы, что укрепляли контроль над торговыми путями Лирикса.

Вермейл представил ее послу, и при упоминании имени Эладоры глаза того замерцали: алчно и по-змеиному.

– Мисс Даттин. Ваше имя достигло ушей моего прадедушки. Вы историк? Поедьте со мной на Джирдану, и на островах я познакомлю вас с тем, кто помнит прошлое на тысячу лет!

– Крайне польщена, мне очень интересно, но, э...

Вермейл вмешался:

– Обязанности мисс Даттин препятствуют ее отъезду из города в обозримом будущем. – Он шепнул ей на ухо: – Вас будут спрашивать о Кризисе. Не говорите им ничего.

Она второпях отошла.

В вестибюле ни следа посла Ольтика. Его замещал первый секретарь представительства, сухопарый и до того бледный, что поначалу Эладора не поняла, жив ли он. Даэринт какой-то там? Или какой-то Даэринт, нечто хвастливо-почетное, ей уже и не вспомнить после трех бокалов вина.

Оглянувшись на бальную залу, она увидела Перика, приковавшего к себе внимание, и решила, что продолжать вечеринку тоже не вариант. Прежде она уже посещала посла вместе с Келкином либо другими членами чрезвычайного комитета. Его кабинет далее по коридору, после дубовой двери. Рядом, как ей помнилось, должна стоять скамейка. Может, там она сможет подождать, пока посол не пойдет обратно.

Шум веселья стихал позади, в пустом административном крыле посольства стояла мавзольная тишина. На медные дверные таблички нанесены нелепо усложненные чины, так любимые хайтиянами, а руны отмечали посмертную касту их обладателей. Заместитель секретаря по торговле, молитель. Помощник таможенного смотрителя, неусыпный. Она нашла дверь, за которой проход в приемную посла Ольтика, и та была открыта.

Она прошла туда, отыскала скамейку и присела, скромно сложив руки. Закрыла глаза и немного расслабилась. Прием вымотал ее сильнее, чем последняя неделя работы над докладом по Новому городу. Она позволила мыслям отвлечься.

Червячные пальцы обвили ей шею, голос мертвого деда зашипел из-под золоченой маски. Зябкость посольства сделалась сырым холодом семейной спальни, где ее держали в плену во время Кризиса.

Эладора поперхнулась и выпрямилась на сиденье. Никого. Свидетелей ее потери самообладания нет, вот и прекрасно. Она выудила это воспоминание, сложила как бумажный лист и запахнула так глубоко, как смогла, мысленно навалив на него тяжелую стопку обитых тканью учебников истории. Постаралась успокоить рванувшее вскачь сердце. Дедушка умер; он умер двадцать лет назад, а потом опять – десять месяцев как это произошло. Так или иначе, его определенно, неопровержимо нет.

Здесь на стене карта. Выцветла и безнадежно устарела, что делало ее еще притягательней для исследователя истории. Город посередине – это Старый Хайт, в сотне миль к северу от Гвердона. Хайтиянская Империя – мертвенно лиловая – расплзалась в глубь материка на север и запад. На северо-востоке она облегалась подножие ледяных гор сплошь до самого Варинта. На юге карта в лиловых точках и крапинах. Точки – заставы и торговые поселения. Крапины – земли, завоеванные Хайтом за прошедшие века, когда имперские неживые легионы и волшебные клинки были непобедимы.

В лиловом имелись разрывы. Например, Гвердон, в южном преддверии Хайта – шепотка пахотных земель с вассальным городом-государством. Остров Лирикс к востоку, а у его побережья гряда мелких островков под именем Джирдана, логово драконов и разбойников. А южнее: Ишмира, Маттаур, Севераст – старинные торговые города. Была бы карта точной, все три окрашивал бы красный, а не лиловый, цвет крови солдат Хайта, которые гибли, а потом гибли снова в дюжине войн на тех берегах.

Хайт представлял тут едва ли не на пике развития, покрывая почти половину карты. В наши дни Хайт просто пята: исконные земли, Варинт, да несколько крепостей. По-прежнему мощная сила, но несокрушимой ее не назвать.

Была бы карта точной, Гвердон изображался бы на ней ярким серебром, с серебристыми путями торговли, расходящимися во все четыре стороны и за края карты к Архипелагу, неся с собой чудеса расцвета алхимии. Мертвецы Хайта могли до конца времен неусыпно стоять в своих бесконечных шеренгах, но у живых жителей Гвердона нет времени ждать. Всегда пора заключать новые сделки.

«И, – с грустью подумала Эладора, – будь карта точной, сейчас был бы виден огонь и слышались вопли».

Приближались шаги. Это один из неусыпных охранников посольства. Она и до этого видела шествующих мертвецов, но их лица – никогда. Этих созданий не допускали на улицы Гвердона без предварительного разрешения дозора, и выходить им позволялось строго в масках. Некогда стража решила, что гвердонский люд ужаснется при виде ходячих скелетов. Старинный закон отжил свое, как эта карта, – в наше время в городе есть куда более страшные вещи. Тем не менее она не сразу подавила дрожь, когда скелет подошел к ней. Отвисла челюстная кость.

– Прошу прощения, вам нельзя здесь находиться. Возвращайтесь на прием, – произнес он замогильным голосом. Твердо, но уважительно взял ее мертвыми пальцами под руку, помог встать с лавочки и сопроводил к двери.

– Что происходит? – спросила она.

Череп не взглянул на нее.

– Произошел несчастный случай. Возвращайтесь к гостям, там вы будете в безопасности.

В глубине прохода кто-то из охраны поднял тревогу, послышался новый шум и топот бегущих ног. Зычный бас Ольтика. Но тут мертвец захлопнул перед ней дверь, и она осталась одна в тишине мавзолея.

Утром в кабинете Келкина «стоял дурдом». Эладора гадала, откуда взялись все эти люди – перевозбужденная орда, вызванная в наш мир волшебным словом «выборы». После нескольких минут без внимания она отловила пробежавшего писца и узнала, что Келкин завтракает в «Вулкане». Эта кофейня была частым пристанищем и фактически служебной конторой Келкина, когда его оппозиционный голос сиротливо звучал в парламенте, где властвовали барыжники. После возвращения к управлению городом путем чрезвычайного комитета ему понадобился настоящий кабинет со всякими роскошными излишествами, наподобие дверей. Захаживая в «Вулкан» сейчас, как подозревала Эладора, он скорее показывал себя горожанам, чем взаправду занимался делами.

А у нее полно дел, но сначала требовалось переговорить с Келкином.

Прибыв к «Вулкану», Эладора обнаружила, что келкинская свита заполонила всю кофейню и выплеснулась на улицу. Младшие писцы и консультанты жонглировали бумагами, пока мимо них гуртовщики гнали свиней на рынок на площади Мужества. Очередь на прием огибала квартал. У двери стоял стражник, отваживая обычных посетителей кофейни, но другой приближенный помощник Келкина увидел ее у входа и жестом пригласил внутрь.

– Он в дальней комнате, – сказали ей. – Проходите. Десять минут.

На пути ей попала доктор Рамигос. Эладора кивнула и, проталкиваясь, двинулась дальше, но Рамигос окликнула ее.

– Ты выполнила упражнения, которые я назначила?

– Мне пришлось идти на прием к хайитянам.

Рамигос фыркнула:

– Истинный адепт непоколебимо сосредоточен и безраздельно посвящен своему деянию.

Не существует различий между заклинанием и заклинателем – оба становятся одним целым, единой стихией вне времени, меж небом и землей. Есть ли здесь место посторонним мыслям?

– Э-э... нет.

– Ну а тогда, – женщина улыбнулась, слегка наморщив темную кожу, – берись за работу.

Келкин сидел все за тем же столиком, который резервировал за собой здесь полвека. Как обычно, заваленным бумагами, грязными тарелками и побурелыми чашками из-под кофе. К бумагам на дне крупнейших из стопок не обращались десятилетия. Эладора содрогнулась при мысли о самых древних кофейных чашках и сдержанно присела напротив старого политика.

На любезности времени у Келкина не бывает.

– В новом парламенте будет двести восемьдесят два места или около того, разница с прошлыми выборами в сорок восемь мест – и все эти места, кроме двух, за Новым городом и нижними кварталами. Нам нужно завоевать каждого тамошнего засранца и удержать большинство прежних избирателей, и то едва наскребем достаточно, чтобы вступить в коалицию.

– Вы станете работать с Хранителями против алхимиков? – изумленно спросила она. Келкин положил полжизни, ломая ярмо церкви Хранителей.

– Я войду в коалицию с ползущими, если заставит повестка дня. Церкви нечего делать в политике, хватит уже. Их поддержка с гнильцой, как трухлявый пенек, но народ все равно за них голосует из-за... – Он махнул рукой, словно отказываясь рассуждать, зачем кому-то так поступать. – Нет, с церковью как с политическим субъектом у нас покончено, но еще одни выборы они потянут, особенно в гонке против алхимиков.

– На вечере в посольстве, вчера, – начала Эладора, а потом спохватилась. Ей не хотелось упоминать о предложении Воллер, пока она не наберет сведений и не составит о нем свое мнение.

– Так что в посольстве? – бросил Келкин, раздраженный заминкой.

– Б-барыжники галдели, будто вы совершили ошибку, объявив скоропалительные выборы. Говорили, вы будете наказаны за то, что не решили городские проблемы, пока имели в подчинении чрезвычайный комитет. – Она тщательно выбирала слова и тон, поскольку занимала странное положение в организации Келкина. Она молода и неопытна, зато принадлежит к той горстке людей, кто знал, что происходило во время Кризиса, и в том ее ценность.

– Верней, наказан за то, что не прибрал за ними бардак. – Келкин пожал плечами. – Правильно пугают. Если нам предстоит новый парад страшилок, наподобие Кризиса, его свалят на меня, и мы проиграем. Но выборы уже через шесть недель. Если за шесть недель город не рухнет у нас на глазах, то мы победим. – Он щелкнул пальцами. – Довольно. Мне нужно, чтобы вы поработали с Абсаломом Спайком. Раньше он обстряпывал наши дела в Мойке, а теперь пусть обеспечит нам победу в Новом городе.

– Поработала? – откликнулась она. – Над чем?

– Выявите в Новом городе таких прощелыг, какие железно доставят избирателей к урнам, и узнайте, сколько денег они с нас возьмут. Займетесь предвыборной кампанией, девушка. Честными взятками.

– Я собиралась готовить выдержки по прецедентам насчет свободного города. – Акт о Свободном городе, проведенный Келкином почти сорок лет назад, гарантировал практически всенародное право голоса в черте города Гвердона. Это краеугольный камень любого замысла по привлечению избирателей Нового города, поэтому остальные партии, вероятно, начнут сутяжничать, доказывая, что Новый город на самом деле не является частью Гвердона. Дело, в общем-то, безнадежное, но если тяжбу не отклонят, то Келкин и промышленные либералы будут разбиты наголову. Эладора не хотела так рисковать, а еще это редкая okazия применить ее академические познания на политическом поприще.

Келкин хмыкнул:

– Отдадим вопрос Перику. Стойте, нет, он сдриснул, и этой ходячей соплей никому не жалко. Передайте дела... – Он неопределенно крутанул рукой, – тому, с башкой как морковка, у него еще борода облезлая. Передавайте и ступайте, ищите Спайка.

Она кивнула.

– И, кстати, кресло заведующего кафедрой истории в университете придется кому-то занять к началу учебного года.

Она застыла. Речь шла о кресле профессора Онгента, вакантном после его смерти.

– Этого следует ожидать, – осторожно проговорила она.

– Не кокетничайте. Если хотите усадить вашу задницу в то кресло, вместо этого... – Он двинул ногой по потрепанному креслу кофейни, на котором она сидела. – То это можно устроить. Добудьте мне голоса тех чудиков и получите причитающееся.

На выходе ее затолкали полдюжины посетителей, пытающихся привлечь внимание Келкина. На площади около «Вулкана» сгрудились горлопаны, торгаши, протестующие. За ночь улица разукрасилась, как весенняя поляна: каждая стена и фонарный столб обросли плакатами. Народ кричал ей; кто-то вложил в руку листовку, потом еще и еще.

Лихорадочно возбужденный, драчливый, город ожил, как никогда после Кризиса.

Она почти позабыла, как меньше года назад эту площадь осаждали чудовища.

Как по сточным канавам текла кровь, а небеса обуяли мстительные, гневные боги.

Глава 6

Теревант Эреवेशич – лейтенант Эреवेशич из Девятого стрелкового полка – таращился на лист. Не получалось придумать хорошую рифму к обороту «кровавый душ».

Очевидно, сгодятся «уж», «гуж» и «глушь», и хоть они отлично подходят к его теперешнему состоянию, но он-то хотел написать о том памятном дне на берегах Эскалинда. О солдатах, которые гибли – и поднимались, и гибли снова – под его началом.

Теревант вывел слово «муж», поглядел на него с минуту и решительно зачеркнул. Вырвал страницу и попытался сосредоточиться на важном. На очередном письме из отдела снабжения, адресованном его отцу; запросе новых поставок для военных нужд. Мясо, зерно, лес и шкуры из обширных поместий Эреवेशичей. И воины, снова и снова. Новый набор крестьян.

Теревант записывался в армию добровольцем, но то было за полмира отсюда. И до Эскалинда.

Он почесал запястье, пригубил еще вина и перечитал письмо. Старинный почерк – писал какой-нибудь неусыпный служащий – разобрать непросто. «Вечная Корона в лице лэрда 117-го повелевает и обязывает...»

Звон колокольчика возвестил о посетителе. Обрадованный перерыву, Теревант поскорей покинул отцовский кабинет и по отделанному мрамором коридору зашагал к лестнице в переднюю, ожидая встретить мертвеца из Старого Хайта, какого-нибудь порученца того или иного отдела Бюро.

У подножия лестницы его ожидали двое живых. Один из них Тереванту не был знаком – какой-то взлохмаченный коротышка с лицом, словно вытянутым под стать длинному острому носу, пялился на великолепие дворцового холла. Одет в гражданское. А вот второго человека Теревант узнал моментально.

Лиссада.

Незнакомец, слуги, особняк, солнечные лужайки и громадное имение вокруг них, небеса и море с сушей тотчас смялись и пропали. Во вселенной есть лишь одно настоящее, значимое – Лиссада. Теревант внезапно обнаружил, что стоит рядом с ней, и неясно, сбежал ли он со ступенек или свалился, да и не важно. Ее волосы стянуты в пучок; на ней военная шинель, с виду велика на несколько размеров, хотя по ее фигурке их наверняка и не шьют. Скорее всего, забрала шинель у Ольтика – его брата, ее мужа. Одну руку она держала в кармане, вторая покачивала конвертом. От ее облачения желудок ухнул, несмотря на то, что сердце подскочило при виде нее самой. «Вдруг что-нибудь порвется, – обеспокоился он, – разойдется старая военная рана».

– Лис, я... – а полагалось «леди Эреवेशич».

– Давай выйдем, – быстро произнесла она, махнув на залитую солнцем площадку за приоткрытой дверью.

– Ты не устала? Из столицы поездка длинная.

– Я хочу опять побродить по старым местам. Ну же, Тер.

Теревант пошел рядом с ней, как будто и не минуло дюжины лет с их прогулок. В его воспоминании стоял солнцепек, и сарафан раздувался, когда она босиком по траве убегала прятаться за деревья. Он часто думал о тех минутах. В бою они были его талисманом, напоминанием, ради чего он сражается, совсем как картонные значки Короны у солдат низкой касты. У них свое представление о рае; для Тереванта рай по-прежнему и вопреки всему – та залитая солнцем лужайка. Сейчас, как и тогда, они не оставались одни. Прежде с ними уверенно шагал вперед его брат Ольтик; сегодня в изумлении опешил на пороге странный коротышка.

– Я на пару минут, – сказала Лиссада. Человек кивнул, и Лиссада повела Тереванта по дорожке в рощицу, раньше они там играли.

Человечек смотрел им вслед из тени крыльца.

– Кто он? – спросил Теревант. Что-то выдавало в нем иностранца. Не хайитянина, по крайней мере, не уроженца Старого Хайта. Может, он с одной из немногих земель, что еще остались присоединенными к Империи.

– Мой порученец, – равнодушно ответила Лиссада. Она оглядела рошу. – А здесь совсем ничего не изменилось.

– Отец берег ее в прежнем виде. – Лис несколько лет воспитывалась здесь, в имении, после того, как мать Тереванта и сестры утонули в кораблекрушении у Маттаура. День приезда Лис стал днем, когда начала рассеиваться скорбь, а те несколько лет были годами счастья, унесенными от него горе.

– Как там старший Эревешич?

Теревант пожал плечами:

– Такой же упрямый. Все надеется на Обережение. – Это высшая из посмертных каст. Смерть матери произошла неожиданно; к отцовской же Теревант готовится много лет. Она – неизменная деталь его мысленного пейзажа, прочна и привычна, как особняк, тускло маячивший за деревьями.

В прочих чувствах такой уверенности нет. Он берedit эмоции, расчесывает присохшую к сердцу корку.

– Полагаю, Ольтик здесь?

– Нет, он по-прежнему в Гвердоне. Завтра в ночь я поеду обратно. – Она потерла пальцем печать на бежевом конверте, словно не решаясь его вручить. – И ты тоже. – Она протянула письмо. – Мне предписано откомандировать Тереванта из дома Эревешич, бывшего лейтенанта Девятого стрелкового.

Отпрысков Дома оберегаемых, такого как Эревешичи, обычно не назначают в полк наподобие Девятого, но там были его товарищи, а от «бывшего» сделалось больно.

– Как получилось, что бумагу приносишь ты? – спросил он с волнением. С удивлением. Опасением. Стыдом – ей известно, что он наворотил. Вспышкой злости на Ольтика, за то, что его тут нет. С ворохом безымянных эмоций. Письмо выпущено военным ведомством. А Лис из Бюро, гражданской службы. Их обязанности должны строго разграничиваться. Она наживет себе неприятностей, доставляя такие письма.

Она пожала плечами:

– Я догадывалась, что так все и будет. Оказалась по делам в Старом Хайте. И захотела тебя приободрить знакомой рожей.

Три полуправды, ноль искренности в сумме, но сейчас его беспокоит не это. Он вскрыл печать и взялся за письмо. Пробежал описание боя при Эскалинде, схватки с войсками Ишмиры. Как Облачная Роженица проявилась посреди битвы и выхватывала солдат, зашвыривала их в небо, рвала на куски, и кровь лилась сверху, как дождь. Как вместо моря растянулось нечто, похожее на жидкое стекло, которое одновременно и жгло и резало.

Ему приказали доставить на берег пушки. Он выполнил приказ, прорвался к храму, вклинился прямо в божью пасть. В сухих строках письма читалось изложение действий кого-то далекого и давно умершего. Он не помнит, как отдавал команды, не помнит тот сумасшедший бросок к храму.

Он растратил жизни своих бойцов в честь дурацкого похода за подвигом? Он вызвал гнев вражеских богов на себя и вывел выживших из бушующей бури? Теревант не знал этого сам, а раз не знал даже он, то какого черта могла нарешать кучка дохлых генералов, сидючи в Хайте?

Двести хайитянских солдат высадились на Эскалиндском взморье. Назад уплыли только семьдесят два. И только дюжина из них жива поныне.

– Ты храбро дрался, – негромко сказала Лиссада.

– Тут мнения расходятся. – Не приведено никаких оправдательных доводов. Никаких поблажек от комиссии по разбору. Нет никакой причины его шадить, но он дочитал до конца. И у него отвисла челюсть.

– Значит, меня не разжалуют?

Она не ответила, только многозначительно улыбнулась.

Он процитировал новый приказ:

– «Сим вы временно прикрепляетесь к подразделению дипломатической охраны с поручением проверки стражи, приписанной к посольству в Гвердоне». Ольтик влез, не иначе? Он попросил комиссию меня оправдать. Это вот так он не допустил, чтобы младший братик его опять опозорил? Он вытащит меня в Гвердон и будет за мной присматривать. Пекло, Лис, я не ребенок. Я сам могу устоять перед трудностями. – Он вложил в голос столько справедливого укора, сколько смог наскрести, но прозвучала в итоге обида. Истина известна всем: там, где Теревант с трудом пытается устоять, Ольтик шагает вперед. Но удержаться от восторга и облегчения он тоже не мог – его все-таки восстановили. Он предпочел бы справиться с этим сам, вместо вмешательства Ольтика, но главное – ему не отказано в возможности себя проявить.

– Повелевает Корона, а не твой брат, – сказала Лис.

– Но без его участия не обошлось? – продолжал он допытываться. «На этот раз все будет совсем по-другому».

– Я не знаю.

– Я-то думал, вы в Бюро всеведущи, – угрюмо пробурчал он.

– Ага, так и есть. – Она рассмеялась, и у него против воли поднялось настроение. – Вот я, например, ознакомились с твоей поэзией. Потянула за струнки в отделе Благонадежности.

– Твою погибель! – чертыхнулся он. Годами ранее он подавал заявление в Бюро и получил отказ. Он пошел туда вслед за Лис. Отринул место второго наследника дома Эревешич ради того, чтобы гоняться за ней по ониковым коридорам Бюро – и первая же дверь захлопнулась у него перед носом. После такого бесчестья дома было делать нечего – он сбежал за море, на одну из далеких имперских факторий в Паравосе. Несколько месяцев прожил в сообществе диссидентов, квасил с поэтами, лицедеями и бунтарями, публиковал под псевдонимом ужасные вирши – неплохая развлекуха, на месяц-другой. По крайней мере, там никто не ровнял его на Ольтика и не требовал достижений.

А затем войска Праведного Царства Ишмиры заняли их поселок, и он был вынужден бежать. А когда добрался до Хайта, то напился в хлам и записался в армию.

– Стихи натурально дурные, – сказала Лис. – Отвратительные.

– Некоторые были о тебе.

Она обхватила ладонью лоб, будто падает в обморок.

– Ой, как же я этого не разглядела в твоих художественных приемах? Постой, ведь разглядела – все равно дурные они. – Смягчая удар, сверкнула улыбка. – Ну что, готов служить Короне?

– Глядеть, как солдаты тянут носок во дворе гвердонского посольства? Думаю, с этим я справлюсь. – Он – хайтиянин; он выполнит долг. Соппротивление чаяниям близких ничего, кроме горя, не принесло. Отчего б на этот раз не пойти правильным путем? Оправдать родовое имя.

– Дела обстоят чуточку сложнее. Попозже я введу тебя в курс. – Она вручила ему другой конверт. Билеты на поезд. – Едем завтра вечером в спальном вагоне. – Она помедлила, потом сжала его плечо. – Есть еще кое-что, и для этого тебе придется именно ты.

– Что же?

– Ольтику нужен меч.

В спальне стоит духота. Ранний полдень, и за этими плотными шторами наверняка сияет солнце, но здесь полыхает пламенем жаровня. Запах горячей хвои не заглушает вонь. Отец Тереванта – *старший* Эревешич – сидит у огня, на коленях обнаженный фамильный меч. Он водит пальцами по стали клинка, выкованной заклятиями, очерчивает руны, родовой герб. Общается с оружием.

На его коленях также сложенное письмо; та же бумага, та же печать, как и на адресованном Тереванту. Корона повелевает, Корона обязывает.

В углу сидел молодой некромант. Жара в покоях вынудила его распахнуть свою толстую мантию; на лице поблескивал пот.

– Я хочу уйти, – каркнул Эревешич. – Хочу уйти. Я многое сделал, ведь так? Достаточно совершил. Но меня не пускают. – Запястья старика в сотне царапин и белесых шрамов. – Я хочу уйти.

– Да, я знаю. Но... Ольтику нужен семейный меч, отец, а вы так гордитесь Ольтиком. Вы сами об этом мне говорили. Очень, очень часто.

– Тогда почему он не приехал сам? Он бы велел им пустить меня. Я все еще старший в роду или нет? Они должны меня слушаться!

– Забудьте про меч, отец. – Пронянчившись со стариком многие месяцы, Теревант подрастерял терпение. – У меня приказ. Послушайте, я по-прежнему офицер.

– Ты офицер. Ты офицер. Идиот. В Бюро не бывает офицеров.

– Я не вступал в Бюро. Прошли годы. Я пошел в армию, как вам хотелось. – «На пять лет позже. Бежал от стыда к стыду новому». – Меня посылают на юг, в Гвердон. Завтра вечером я уезжаю.

– Замечательно. Идите, все вы. Бросьте меня одного. Только бросьте меня с мечом.

Теревант выпрямился.

– Если вы собирались стать оберегаемым, вас уже должны были взять. Нет стыда в том, чтобы быть молителем.

Все так говорят. И никто в это не верит. Низшая, всеобщая посмертная каста молителей – для низкородных, простых людей. Честолюбивые в борьбе стремятся стать ценными для Хайта настолько, чтобы получить право сохранения после жизни в качестве неусыпных; и лишь члены немногих знатных родов, таких как Эревешичи, могут надеяться на Обережение в семейной раке.

– Я – старший Эревешич! – вскрикивает старик. Он пытается вскинуть меч и встать с кресла, но металл чересчур тяжел – и его кренит навзничь. Теревант подхватывает отца, позволяя наследному клинку звонко громыхнуть об пол. – Я – Эревешич! – всхлипывая, твердит старик. Теревант осторожно усаживает его назад в кресло. Осмотрительно не притрагиваясь к клинку, оборачивает ладонь покрывалом и вновь кладет оружие на колени отцу, а потом отступает.

Отец хватается за лезвие, кулаки бледнеют, в порезах на тонких ладонях проступает кровь. Кровь впитывается металлом клинка.

– Матушка, дядя, дедушка, эй, вы, там. Я здесь, – зашептал мечу старик, – я здесь. Я тоже Эревешич. Впустите меня.

Некромант зашептал в углу.

– Осталось совсем недолго. Рака закрыта перед ним. Он бы уже перешел к предкам обычным путем, будь этот канал доступен. Ему надо срочно выбрать, в какой из прочих каст умереть. И, боюсь, он слишком медлил, чтобы теперь достичь Неуспения. Постараюсь сделать все, что смогу.

В тишине оба, солдат и чернокнижник, ждали, пока у старика не выровняется дыхание, пока пальцы не перестанут по-паучьи теревить руны. «Так не должно быть», – думал Теревант. Здесь должен присутствовать Ольтик и все офицеры из Эревешичей, неусыпные воины, слу-

жившие семье на протяжении поколений. Старый Рабендат, Йориал и все остальные. Будь они тут, у отца, наверно, хватило бы сил достичь Неуспения. А может, они заранее знают, что не хватило бы, и потому не пришли.

Смерть и долг неразрывно переплелись в Хайте. Умереть пристойно – это долг. Неуспящие скелеты и железные сосуды оберегаемых наблюдают за живыми родичами не с завистью, но с холодным предвкушением. «Я не дрогнул», – молча утверждают они. «Ну так что? Это ты будешь тем, кто оступится? Разорвет цепь? Опозорит наш великий род?» Хайт полон памятников былым завоеваниям, былой доблести. Умри, как подобает, – и ты часть величия прошлого.

Вместо этого у его смертного одра лишь Теревант да безымянный чернокнижник в придачу.

Теревант помнил, как страшно ярился отец, когда пришла весть о маминой смерти. И ярился потом, когда Теревант поступал в Бюро следом за Лис. Оба раза цепь проверялась на прочность почти до разрыва.

«Я ведь вернулся. И буду стараться как надо», – думал Теревант, надеясь, что отец поймет его. Но голова Эревешича поникла, и старик начал похрапывать.

Теревант нашел на отцовском комодке пару перчаток для верховой езды. На брате-великане они смотрелись бы уморительно, а ему перчатки в самый раз. Натянул одну, перед тем как взять меч. Поднимая его, услышал отдаленный, ревуший гул, словно эхо своего кровотока в морской раковине. Он поместил меч в походную сумку и завязал тесемки.

– Идите, – посоветовал некромант. – Позаботьтесь о своих обязанностях, а я приступлю к моим.

– Нет, – сказал Теревант, присаживаясь у кровати. – Я подожду.

Глава 7

В жилище Джалех Алик и его сын делили комнату с одним человеком, который просыпался с воплем каждую ночь, и еще одним, у которого сквозь плоть прорастали корни и ветви. В других комнатах жили другие осиянные чудесами: умирающий – от постепенного превращения внутренностей в золото; женщина – у нее на теле открывались язвы всякий раз, когда она произносила имя любого бога, кроме того, кто ею владел; смешливый ребенок, танцевавший на потолке. Здесь было пристанище для увечных войной. Смирительный дом, как звали такие места, где приблизившиеся к безумным богам постепенно выпутывались из их духовных сетей. Случись иначе, половину постояльцев Джалех отправили бы на остров Чуткий как опасных чудотворцев, и она всем напоминала о том, что единственные дозволенные под ее кровом молитвы – молитвы проверенным, немощным богам Гвердона. Эти молитвы были нарочито однообразны и заунывны, не окрыляли душу, а вгоняли ее в ступор. Занебесную одержимость следовало заместить пожухлой, неискренней верой. Отнимать святого у бога, все равно что пытаться забрать мячик у малыша. Воздействуй на душу прямо, и боги вмиг одернут ее или нашьют буйство. Не проявляй к ней интереса, пренебрегай, вот тогда они заскучают и сами ее забросят.

Алик следил, как молится Эмлин. В первые дни пребывания мальчик усердно взялся за службы, стараясь напускным рвением убедить Джалех и других домочадцев в том, что уже избавлен от посвящения Ткачу Судеб. Впоследствии он начал избегать вечерних молебнов, находил отговорки – недоделана работа, свело живот – или просто исчезал в россыпи переулков Мойки. Джалех предупреждала Алика: если мальчик не будет смиряться, боги Ишмиры его нипочем не отпустят. Алик кивал, стыдливо обещал заставить сына проходить положенные обряды.

Парню необходимо укреплять свою настоящую святость, но отказаться – навлечь подозрения. И Алик стал лавировать. В какие-то дни приводил Эмлина с собой, в другие позволял ему сбежать. Возможно, боги устроили в душе малого незримую схватку, перетягивая ее туда и сюда, но пока Эмлин хранит молчание, никто ничего не заподозрит. Он еще мальчишка. Выдюжит, вживется в личину.

Шпион бубнил молитвы наравне с остальными. Безо всяких последствий. На него не притязает никакой бог.

Спасти удастся не всех. У некоторых постояльцев Джалех напасть укоренилась так глубоко, что ее уже ничем не вытравить; другие же выкарабкивались, находили силы перебороть свое проклятие. Иные вообще не понимали, какой им от Джалех прок. К примеру, человек с ночными воплями: к его жене Уне прикоснулся ишмирский Бог-Кракен и преобразовал ее в морское создание. Каждое утро Габерас ковылял по лестнице и молился о снятии с нее порчи, а день проводил на пристани. Смотрел, как Уна плавает в блеклой воде, баламутит жижу русалочьим хвостом. Отныне Уна дышит жабрами, и, как пылко ни молись, Габерасу ей ничем не помочь. Божье прикосновение перестроило ее плотское тело, а не душу. Все молитвы у Джалех, собранные вместе, назад ее не изменят.

Те, кто могли, выполняли разную работу. Ее полно. Старый дом был покинут и запущен, пока не попал к Джалех, поэтому крышу приходилось без конца латать. Хозяйка договорилась с зеленщиками, значит, каждый день надо собирать на базаре нераспроданный неликвид и варить из него в котлах овощную похлебку. Кто-то днем побирался на улицах; кто-то перебивался работой в порту. А за некоторыми постояльцами требовался особый уход; к примеру, Мичена каждую ночь надо стричь, и шпион срезал кровоточащие сучки с его проклятой спины. Эти ветки шли у них на дрова, хоть и шкворчали в печи и воняли свиной.

Шпион неделю выжидал удобного случая. На его глазах умер человек из золота, когда его нутро полностью преобразилось. Шпион чистил покрывала его затхлого ложа и мыл вымазанный золотом горшок, пока снаружи его семья скандалила, кому достанется наполовину золотое тело покойника. Они с радостью сплавляли его к Джалех на медленную кончину, а теперь он мертв, под себя не гадит, и неплохо бы забрать назад драгоценный труп. Не видать им удачи – золото в наши дни совсем дешево.

Он наблюдал, как приходят и уходят другие. Некоторые из приюта Джалет отправлялись в свой путь – волшебство либо затухало, либо они учились скрывать божественные дары, но ничто не мешало им пытаться счастья в Гвердоне, подобно другим беженцам. Порой они возвращались, приносили деньги или еду или просто помогали. Джалех благословляла каждого своей когтистой лапой и молилась Нищему Праведнику; заклинала их не попадать в беду, избегать внимания властей. Гвердон открыт звонкой монетой верующих, а не их богам. Храмы разрешены – но не уличное кудесничество. Еще одно сложившееся тут равновесие, шаткое, как военный нейтралитет города.

На постоянной основе захаживала дама упырьей породы. В отличие от юродивых в божьей парше упыри на улицах Гвердона – привычное дело, и вот эта, по имени Барсетка, не из бывших жильцов Джалех. В отличие от прочих упырей, которые в лохмотьях рыщут по подвалам и катакомбам, Барсетка напяливала обноски человеческих одежд и гуляла на солнышке под полями широких шляпок. Она таскала мешок с предвыборными листовками и говорила об Эффро Келкине и промышленных либералах с рвением, способным вызывать чудеса, прислушайся к ней боги. Много лет назад Келкин провел акт о Свободном городе, дав упырям право ходить на поверхности, и этим завоевал ее бессмертную преданность.

Дважды за эту первую неделю Барсетка приводила Джалех пополнение – забирала людей с улиц Нового города, пока никто не заметил их божественной порчи. Девочку с личиком в шрамах, как у капитана Исиги – какой-то звероликий бог пользовался ею как своим земнымместилищем. Старую женщину, недавно избитую – шпион опознал в ней старуху с корабля Дредгера, беженку с глиняными образками. Она прошла обработку на острове Чутком, но остальные беглые из Маттаура подозревали в ней ишмирскую шпионку и прогнали, переломав ей и глиняных идолов, и пальцы.

Джалех перевязала ей пальцы и отрядила работать в прачечной, тогда как настоящий ишмирский разведчик чинил крышу дома и присматривался к его обитателям.

К нему они тоже присматривались, гадали, кто такой. Тем не менее пока он приносит пользу, его будут рады тут привечать.

Тянулись дни. Приказ из Ишмиры гласил переждать неделю, затем показаться в общем зале таверны «Королевский нос». Кто-то его там встретит, другой ишмирский агент? Он размышлял, откуда им знать, когда он прибудет. Все, что ли, шпионы Ишмиры первым делом идут в эту таверну? Походило на капкан: насколько шпиону было известно, контрразведка Гвердона уже держала заведение на примете. Может, весть о его прибытии принес другой гонец? Или у здешних агентов есть волшебный способ связаться с руководством на юге – а если так, то зачем им надо засылать сюда Эмлина?

Как-то вечером шпион подстригал в их комнате Мичена, пока Габерас, их сосед с воплями, беспокойно спал. С каждой ночью все тяжелее отсекал сучки от кожи Мичена, не вырывая крупных клоков мяса. Эмлин смотрел на них с верхней койки, едва дыша и боясь моргнуть.

– Ты там чего, дриаду, что ль, трахнул? – ляпнул шпион.

Мичен захохотал, потом скривился от боли – зацепились две веточки.

– Я воевал наемником за Хайт. Мы наткнулись на бога. Тридцать футов вышины и весь в лозах, какие людей жрут. Не, он не в моем вкусе.

– Это в долине Грены с вами было?

– Не, подальше. У Варинта. Хайитяне разбили тамошних старых богов, но в своих священных горах эти суки еще сидели и шлындрали вниз, стоило кому-нибудь им помолиться. Мы-то думали, дескать, плевая прогулка – уж попроще, чем в Халифаты. Но нет... половина моих ребят превратилась в деревья, когда Он сошел вниз, а я влип на самой границе чуда.

– Держись, этот глубоко зашел. – Мичен сосредоточился, и шпион попытался выковырять сучок. Рос он ровно над копчиком. – А с ним что? – спросил шпион, кивая на контур спящего Габераса. – Тоже в Варинте побывал?

Мичен покачал головой:

– Он-то? Приплыл на последнем корабле из Севераста. Еле нашел капитана, чтоб согласился тянуть на буксире Уну.

– А-а. – Алика там не было, но Сангада Барадин при падении Севераста присутствовал. И шпион тоже.

В дверь постучали, и вошла Джалех.

– Алик, сходите, пожалуйста, с Эмлином и принесите чистые одеяла. – Она хотела поговорить с Миченом наедине, потому что золотой человек внизу умер и теперь та комната, навряде изолятора, свободна. Закуток для умирающих. Через несколько дней там, вместо тела наполовину из золота, будет тело наполовину из дерева. Алик, заранее решил шпион, добр и услужлив. Алик всегда рад помочь.

– Пойдем, сынок, – сказал он. Эмлин съехал с койки, приземлившись как кот.

Забрав одеяла, шпион покругил по верхнему этажу, проверяя все окна. Когда вернулся, Джалех и Мичена не было, а кровать Мичена разобрана до матраса. В своей постели стонал и бормотал Габерас.

Шпион присел на койку, снова раздумывая о предстоящем выходе. Мысли переключались к Эмлину: что же стало с его предшественниками, святыми? Их убили? Схватили? Или они поддались чудовищному давлению с той стороны и исказились в нечто нечеловеческое, наподобие жены Габераса? Божественное касание не берет земной организм в расчет, не учитывает потребности плоти. У святых Дымного Искусника нет лиц, только кожистая перепонка, похожая на вуаль, покрывающую лицо самого бога. Пока они в божеской милости, им не нужно ни есть, ни пить, ни видеть глазами. Но если бог их отвергнет, несчастные твари обречены.

– Что с нею будет? – простонал Габерас. Шпион поднял взгляд – мужчина навис над ним, во сне встав с кровати. – Предскажите мне!

Он спутал шпиона со жрецом Ткача Судеб. Прежде жрецы в Северасте предсказывали верующим их будущее, следуя вдоль прядей судьбы. Еще одна маска, которую шпион носил и поневоле отбросил. Однако давний обет не значит отмененный. Он не мог отказать горячей мольбе этого человека.

– Эй, – шепнул шпион, – помнишь храмы в Северасте, когда их еще не сожгли? Помнишь тенистые переходы у рынка? Там свечники торговали, прямо в тени башни Верховного Умура. Ну, помнишь?

– Я... помню.

– Вспомни потаенную дверцу, за лавкой подсвечников. Как же прохладно было там, в темноте. До чего же спокойно и тихо. Как окунуться в пруд после сутолоки на базаре.

Габерас ни разу в жизни не бывал там наяву и ничегошеньки не знал о секретной дверце, но шпион прекрасно все представлял, и шепот его зачаровывал сознание Габераса.

– Проходи туда в дверь. Там темно, и тебе ничего не видно, но вниз вьется лестница. Почувствуй под ногой ступеньку, – внушал шпион, – там тебя не найдут.

Тени в спальне дома Джалех потемнели, отрастили лапки, закопошились. Габерас не свят, но он на духовном распутье – расштан, расколот пережитым в Северасте. Его надо лишь подтолкнуть – и тогда он соединится с тем божеством или иным. Ткач Судеб, Паук, бог тайн и воров – и шпионов – обоюден для пантеонов Севераста и Ишмиры. Под тайным храмом были

малые кельи, святые ложились в них и перешептывались с братьями из разных уголков этого мира, приобщались святых тайн через вибрацию волшебных ниточек-паутинок. Пресловутое всеведение требует изрядной работы ногами – и у Ткача Судеб много ног.

Больше нет храма Паука в Северасте, но он еще действует в мыслях, и мысленно в него входит Габерас. Без малейшего представления почему в благостной темноте он сворачивается клубочком на каменном ложе своего сна и точно так же сворачивается на кровати у Джалех.

– Она будет жить, – шепчет шпион, и Габерас внемлет ему, – сквозь все бури отыщет путь назад, и по рукам ее будет струиться серебро, и его хватит на алхимическое лекарство. – Пророчество ложно и не подкреплено никакой силой, но Габераса оно утешает.

Мужчина соскальзывает в глубокий сон.

Через пару минут вернулся Эмлин, крепко сжимая сверток. Он настороженно посмотрел на Габераса, изумленный тишиной – ни рыданий, ни воплей. Шпион только пожал плечами.

Эмлин подсел к шпиону и раскрыл сверток. Внутри лежал уличный котенок – полуго- лодный, грязный, с облезлым мехом. Животное было живо, но оглушено и мелко дышало.

– Я поймал его, – шепнул Эмлин. – Надо нож взять.

– Зачем?

– Мне надо подготовиться. – Мальчишка возбужденно дрожал, сердце колотилось. – До того, как мы встретимся с другими. Им потребуется, чтобы я ходил по паутине. Я должен принести жертву.

Шпион взял котенка у парня.

– Так вот чему тебя учили в Ишмире? Думаешь, Ткачу Судеб угодна такая жестокость?

– Тогда как мне Ему угодить?

– Иди и найди шесть способов попасть в дом и покинуть его так, чтобы тебя не заметили.

Глава 8

Наутро после смерти отца Теревант взял экипаж и отправился в Старый Хайт.

Старый Хайт, величайший из северных городов, где седые башни поднимаются из тумана и исчезают в небесах. Старый Хайт, чьи веления меняют лик этого мира. Старый Хайт, где закон обуздал саму смерть.

Старый Хайт подавлял пустотой. На пути грохочущей кареты попала едва ли горстка живых душ. Ну а мертвых в избытке – солдаты вышагивают по недавно укрепленным стенам, саперы окапывают орудия и ставят оборонительные противочары, чиновники и служаки из Бюро трудятся без устали над управлением расплывшейся Империи – но живых здесь даже меньше, чем в последний его приезд. Лишь толика в каждом поколении достигает высших каст и становится неумирающими, но баланс между живыми и оживленными пошатнулся еще в прадедовы времена. «Через несколько поколений, – представил он, – во всем седом граде будет единственная живая душа – смертный носитель извечной Короны».

Место его прибытия предвещало именно такую судьбу. Обширные владения Эревешичей лежат на западе, но в центре Старого города каждый Великий Дом содержал свою крепость. Дома возделывают землю и кормят войска; Бюро исполняет и надзирает, а Корона повелевает. Возница натянул поводья возле башни Эревешичей.

Неусыпная стража молча отдала честь. Он двинулся по длинным тихим коридорам, мимо безмолвных изваяний. Ряды памятников повествовали лишь о завоеваниях древности; неизвестно, отчего прекратили ставить новые статуи и мемориальные доски – оттого, что армии перестали побеждать, или же памятники бессмысленны, если очевидцы сами расскажут вам о событиях, даже века спустя. В Хайте, пока не умрешь, – ты никто.

Много ли полководцев семьи собралось сегодня в башне? Вспоминались поездки из детства, когда мечом владел отец. Тогда папа Лис тискал ее в медвежьих объятиях, а она смеялась без умолку. Тогда живых офицеров было почти столько же, сколько мертвых – но времена меняются, и война собрала свою дань. Не будь брат Тереванта, Ольтик, послом в Гвердоне, то находился бы здесь, во главе длинного стола. Командовал мертвецами, управлял маневрами семейных войск. «Видал ли кто за долгую службу такого отличного генерала?» – спрашивали бы друг у друга лейтенанты голосами, подобными шелесту опавшей листвы.

Он вошел в палату совета. Дюжина черепов обернулась к нему. Командор Рабендат. Йориал, его рассеченный костяк пронизывали золотые прожилки. Крейя, по-прежнему черна после пламени лириксианского дракона. Отец Лиссады Брайтель – его кости сверкают еще сравнительно молодо. Все почуяли – меч у Тереванта. А его подмывало обнажить клинок. Потомок рода волен подпитываться чарами меча, подкреплять силы, мужество и даже облик, но это вздорное искушение. Древние мертвецы закалены боевым опытом Великого Дома, они на протяжении веков сражались вместе с носителями меча и знают этот клинок лучше него. Не стоит при них пороть глупости. Лучше он будет собой.

– Прошлой ночью отец умер, – объявил он.

– Весть прибыла вперед вас, милорд, – проговорил Рабендат. – Воссоединится ли он с нами?

– Он умер в молителях, – сказал Теревант, стараясь не подпускать в голос дрожь. Отвергнутый мечом, отец так и не смог скончаться оберегаемым. Вместо этого умирающий всю ночь на глазах Тереванта цеплялся за душу, пытался всеми силами не отпустить, прирастить дух к старым костям. Однако в преклонном возрасте трудно умереть неусыпным. Чтобы привязать душу к телу, требуются твердая воля и строгий порядок, а отец только всхлипывал об Ольтике, о старых боях и злосчастном крушении. Перед смертью он так и не обмолвился о втором сыне,

по крайней мере, Теревант ничего не расслышал. Правда, после того как шепот старика стал неразличим, некромант еще не скоро вынул из тела и посадил в кувшин отцовскую душу.

Думая об этом, Теревант сам становился кувшином. Гулким, хрупким, пустым. Умереть в постели богатым и дряхлым, и дети держат до конца твои руки – в иных краях чудесный способ уйти. Однако в Хайте...

– Здесь нечего стыдиться. – Загробные голоса неусыпных, казалось, доносились из глубокого подземелья, и Теревант так и не расслышал в их скрежещущих столах ни сожалений, ни искренней печали, ни чего-то подобного.

– Вернется ли посол Ольтик незамедлительно в Хайт? – спросила Крейя с немного наигранной бодростью.

– Не знаю, – признался Теревант. – Мне поручили привезти ему меч нашего рода. – Мертвецы заерзали, им неудобно в железных креслах. Они тоже читали рапорты об Эскалинде. Любой из них мог отвезти в Гвердон меч. Любой мог заменить ненадежного второго сына.

Ему не нравилось ощущать пустоту. Хотелось уже отправиться в путь, нагрузить себя работой. Его возмущало мнение мертвых о нем как о второсортном, и не важно, насколько верными или отважными они себя зарекомендовали.

– Везти меч, – проговорил Брайтель, – скорей подобало бы командующему войсками, во главе почетного эскорта.

– Корона повелела ехать в Гвердон именно мне, – сказал Теревант. – Без лишнего шума.

– Корона, – возражает Крейя, – не распоряжается Мечом Эревешичей. Она права: Корона – величайшая рака из всех, но ее власть неабсолютна. Говорят, Корона возлежит на одной голове, но на трех столпах – армии, чиновниках из Бюро и Домах оберегаемых.

– Теперь старший Эревешич – мой брат. Меч – его.

– Его место здесь, с нами, – говорит Йориал. – Либо наше – там, с ним. Молю вас, лорд, напомните ему об этом.

– Он поймет, – говорит Рабендат, – когда примет меч. – Мертвый голос звучит как у судьи, выносящего осуждающий приговор.

На выход Тереванта сопровождает Брайтель.

– Прошу, – говорит он, – передайте привет моей дочери. Она так давно не приезжала домой.

Только сев обратно в карету, по дороге к поезду, Теревант сообразил: очень странно, что Лис проделала весь путь до Старого Хайта и не навестила отца.

Часовой на станции отдал проходящему Тереванту честь. Тот неуклюже отсалютовал в ответ. За месяцы без мундира он привык к насмешливым косым взглядам, какими солдаты одаривали гражданских призывного возраста. После отступления из Эскалинда он даже радовался цензуре. Рука невольно коснулась новой петлицы на воротнике – знака принадлежности к сотрудникам посольства.

Облако выхлопного дыма заволкло платформу, когда тягач пробудил свое паровое нутро. Это был старый паровоз, снова пущенный в ход на пассажирских маршрутах. В новых поездах стоят более мощные алхимдвигатели гвердонского производства, но эти поезда нужны, чтобы возить тела и души из глубины континента к морским портам и на западный фронт. Данный же путь на юг, в Гвердон, сделался вполне безопасен, после редкой на Божьей войне удачи, и пассажиров в форме попадалось всего ничего. Не видно ни затемненных вагонов-катафалков для неусыпных, ни погрузки разборной артиллерии. Да тут прямо картина из прошлого – поезд с купцами и отдыхающими, точно поколение назад – когда б на крыше будки с охраной не засел снайпер, и мощные заслонки на окнах не отсекали почти весь свет, кроме узкой полоски. Он ступил на подножку, пропихнул саквояж в тесный тамбур. С потолка вагона свисала пара алхимических фонарей, проливая лужицы рябящего света. Тереванту достаточно, чтобы отыскать свое купе.

Спрятанный в клади меч цеплялся за все углы, словно не хотел покидать Старый Хайт. Теревант едва не полез в сумку, чтобы коснуться рукояти; может, предки в самом деле передумали отправляться на юг. Но вместо этого закинул саквояж на багажную сетку над своим местом и попытался выбросить из головы шорох и воркование, заключенные в сталь.

Устроившись на сиденье, он стал искать что-нибудь почитать. Лиссада передала ему сведения о посольском гарнизоне, но путешествие на юг не быстрое, и эту радость он прибережет к концу поездки. На замену он захватил с собой потрепанный томик модной в этом сезоне книги – «Костяной щит», чудесная патриотическая драма о неусыпной воительнице и влюбленных в нее некромантах – и сейчас попытался погрузиться в чтение, но взгляд то и дело соскальзывал со страниц. Он таранился на незанятое сиденье перед собой, представляя, как брат втискивает туда свою безразмерную тушу. Ольтику пришлось бы сложить подлокотник, а колени упереть в Тереванта. Грохот его командного голоса гулял бы по всему составу. Люди, даже не видя, узнавали бы Ольтика, перешептывались о своем везении – ехать в поезде со столь именитым героем. Солдат, дипломат, триумфатор – Ольтик не был сверхчеловеком. Нет, любое «сверх» натужно тянулось, чтобы хоть как-то прийти под стать его образу.

В особенности после Эскалинда. Пока Теревант гробил бойцов в тщетной атаке на храм Царицы Львов, Ольтик захватил в гавани ишмирский флагман. Пока Тереванта разбирали следственная комиссия, Ольтика назначили новым послом в Гвердон. Обычные выкрутасы бытия, от которых настолько начинаешь ценить жизнь, что охота броситься под поезд.

Об Ольтике однажды напишут роман. А то и уже написали. Подходящая тема для вдохновенной пропаганды. Почет и служение долгу, как по заказу Короны. «Костяному щиту» – чересчур личному, чересчур страстному – немного недостает до совершенства. В наши дни Хайт предпочитает героев из мрамора и шлифованной кости. Ольтик немного не соответствует этому, но сумеет убедительно донести нужный посыл, в этом Теревант не сомневался. Помогут здравомыслящая редактура и скромные подставные писатели.

Перед самым отправлением поезда дверь в купе открылась. Теревант поднял голову, надеясь увидеть лицо Лис, но то был Беррик, порученец, сопровождавший ее в поместье Эреवेशичей. По бокам двое в гражданском, но Теревант распознал в них тайную полицию Бюро. Интересно, кто этот Беррик, раз заслужил такую охрану?

– Разрешите? – Беррик показал на сиденье напротив Тереванта и уселся, не дожидаясь кивка.

Один из тайных полицейских – тот, кто живой – передал Тереванту кожаную папку, опечатанную заклинанием.

– Леди Эреवेशич отбыла ранее. Она присоединится к вам в пути. Доставьте эту папку послу, глаз не спускайте с нее, как и с него. – Он покосился на Беррика.

– Жизнью и смертью, – отозвался Теревант, скрывая улыбку. Казалось нелепым – детвора играет в войну и принимает все это зверски серьезно. Дальше от фронта, чем в Гвердон, не забраться при всем желании. Он заранее догадывался о том, что в охране посольства, которой его посылают командовать, одни отъявленные залетчики, либо избалованные богатеи, за взятки добившиеся службы в безопасном местечке. Ну, если повезет, найдется пара толковых – небось они всю работу и выполняют.

Хорошо бы самому попасть в эту третью категорию, но есть доводы и в пользу первых двух.

Два полицейских скрылись, и мгновением позже со свистком тронулся поезд. Тусклое солнце засияло в смотровые щели на выходе из-под станционного навеса. Он смерил попутчика, пробуя сложить кусочки Беррика вместе. На ладонях нет мозолей, вероятно, не рабочий и не солдат. Говор определить трудно. На одежде нет кастовых знаков, нет и шрамов от вживленных амулетов. Официально прикомандирован к Лиссаде, а Лиссада служит в Бюро. Он – разведчик? Перебежчик? Каково предназначение Беррика во всем этом деле?

Опечатанная папка на соседнем сиденье глумилась над ним. Он схватил ее и сунул в багаж, поближе к мечу Эревешичей. Пусть о ней пекутся предки.

– Что *это* такое? – ахнул Беррик, указывая на громадную пирамиду без окон.

– Бюро. – «Значит, иностранец, раз даже этого не знает».

Тереванту здание знакомо. Помнилось, как горевал у его стен. Лиссада сыграла с ними каверзу, когда ушла со службы Дома Эревешичей и сдала экзамены в Бюро. Отец был в ярости. Ольтик молчал, выпуская гнев в упражнениях с мечом и щитом. А что до Тереванта... он побежал за Лис, хвостиком за ней до Хайта. И тоже пошел записываться в Бюро. Возмутительный проступок для отпрыска Великого Дома – попытка вступить в безымянные ряды шпииков и чинуш.

Еще более скандальным стал его провал. Бюро отвергло его. А он не поехал домой, а сбежал, сел на корабль и поплыл в самую глухую провинцию Империи, куда мог добраться.

Город сгинул, проглоченный чернотой туннеля.

– У меня с собой в чемодане, – заговорщицки начал Беррик, – бутылка хорошего вина. Собственно, не одна.

– По-моему, формально я ваш телохранитель, – заметил Теревант, – по меньшей мере до прихода Лис. Мне только что вернули звание, и хотелось бы побыть в нем еще хоть немного. Следовательно, никакой выпивки на службе.

– О, до границы мы ее не увидим, а я как раз обязан опустошить свой винный погребок до границы. Следовательно, позвольте поднять за старшего Эревешича!

«Отца или Ольтика», – неодумевал Теревант, но, как бы то ни было, выпил до дна.

Через восемь часов в купе бодрствовал один Теревант. Напротив похрапывал Беррик, голова покачивалась на плече одной из гвердонских девиц, с которыми они познакомились, проведя штурм вагонов второго класса. Снаружи, в коридоре, пьяный солдат ревел фамильный военный марш. Вино из пролитой бутылки впитывалось в половицы вагона. «Отвратительное поведение, – осудил себя Теревант. – Недостойное офицера». Он вообразил суровый, безглазый взгляд Рабендата или Брайтеля в сопровождении рокота попрекающих мертвых голосов.

А еще на него глядят все его предки. Он потянулся и убедился, что меч Эревешичей спокойно лежит в саквояже. Даже через толстый холст чувствовались энергия стали, внутренний ток волшебства, взыскующего нервы, вены и кости, чтобы в них влиться.

Дева рядом с ним что-то пробормотала, когда он двинул рукой, потом опять впала в спячку, убаюканная плавной качкой поезда, ночным перестуком – на юг. Холодно. Теревант достал из сумки куртку и накинул ее на... Шару? Шану? Как же ее зовут? Событыльники наткнулись на них с подругой за пару вагонов отсюда. Богатенькие сестрички из Гвердона под присмотром наставника решили развлечься и воспользовались недавно открытым сообщением между двумя странами. Раззадорить их обещаньем вина и веселья было проще простого. Наставник, бородач средних лет, заснул, уткнув нос в газету – бумага заехала краем в остатки обеда, и бурая подлива промочила новости. Что и позволило Шаре? – Шане? или одну звать Шана, а вторую Шара, беда у них в семье с воображением? – улизнуть и с хохотом припустить по коридору в компании Тереванта.

Когда он поцеловал ее, то на губах стоял вкус лета.

Он укрылся полкой длинной куртки. Просунул руку за спину Шаны – наверняка Шаны, он еще сравнивал ее глазищи со зрачками львицы из саванны – а она повернулась к нему, носом тыкаясь в шею. На минуту вместо нее он представил Лис и начал уплывать. Где-то маячило осознание – надо бы отвести девчонку обратно, пока наставник не заметил, что его подопечные резвятся с какими-то непонятными мужиками («Очень непонятными», – сонно подумал он, до сих пор не вычислив, кто такой Беррик), но он пьян, в тепле и, оказывается, не был так счастлив уже долгое время. Они опять будут вместе – Лис, Ольтик и он. После смерти, прямо как и до.

Прошло десять лет, десять трудных и удивительных лет, но, несмотря на это, они – те же люди, что прежде. Или он так себя успокаивал.

Снаружи разгорался тусклый свет – ночь начала сдавать позиции утру.

Меч над головой буравил его дремотное сознание; какие-то неотжитые семейные узы навевали сны о прауродителях, чьи имена так, с ходу, не вспомнить.

Все лучше обычных снов про Эскалинд и войну.

Глава 9

Через семь дней после прибытия Икс-84 в Гвердон шпион, называвший себя Алик, вышел из дома Джалех и двинулся по извилистым улочкам Мойки.

Эмлина он оставил. Велел мальчику вести себя спокойно, вживаться в личину. Если Алик не вернется, не стоит паниковать; надо пойти к Дредгеру и попросить укрытия. Все-таки с Дредгера причитается услуга Сангаде Барадину. В глазах мальчишки строптивость – ему хочется пойти со шпионом, быть частью мира теней, – но он покоряется. И не пользуется никаким из открытых им потайных путей незаметно покинуть дом – чердачным окном, черным ходом у кухни, старым угольным желобом, выведенным в переулочек позади дома. Пути, которые застенчиво отдал шпиону в качестве жертвенных подношений.

Алик вразвалку шагает по улице и насвистывает. Всем дарит улыбку. Алик – честный миляга-парень.

Он останавливается у торговца одеждой, покупает плащ и шляпу, ополаскивает лицо из уличной поилки. Бедный работяга Алик, который живет на излечении у Джалех, исчезает, на смену приходит купец, может статься, что и Сангада Барадин. Новый плащ со шляпой отводят глаза от штанин Алика в пятнах; походка меняется, усталось отброшено. Он спешит: время – деньги, дело есть дело. Сан всегда торопится.

Впереди нависает чудовищная буханка Замкового холма, исполинский утес – основание старого Гвердона. Его венчают массивные каменные громады, среди них башни парламента. Зигзаги лестниц спадают с вершины, и от его подножия до площади Мужества и начала Нового города пролегает ярко освещенная дорога. Оглядываясь через плечо, шпион видит два других средоточия мощи этого города – мерцающие соборы на Священном холме, сидении благословенного патроса, главы церкви Хранителей; и частокол из труб, строительных лесов и кранов, на остатках квартала Алхимиков, разрушенного во время Кризиса. Проверая, не топает ли кто за ним, он окидывает взглядом Новый город, невероятным образом растущий прямо из бухты.

Пока шпион толкался в толпе, его осенило понимание: городские дома и сооружения куда более постоянны и настоящи, чем живущие тут люди. Все вокруг утекает – прилив воды, язык пламени, дуновение ветра, но остается незыблемый камень. Город бессмертен, как бессмертны боги; городу нужны горожане, как богам нужны верующие: питать молитвами и субстанциями своих душ.

Он поднялся узкими улочками под сень Замкового холма и подошел к таверне, славной непривлекательным именем «Королевский нос». На вывеске изображался мужской профиль, с выдающимся вперед «тезкой» названия. Внутри достаточнолюдно, так что новый посетитель не привлек внимания, и вполне просторно, так что для него нашелся свободный столик. Он заказал выпить – местное угощение, подозрительно яркий химический лимонад со спиртным – и стал ждать. Кто-то засунул за подлокотник кресла сложенную газету; он распрямил ее и притворился, будто читает, а сам вслушивался.

Обрывки разговоров о политике. Большинство здешних в прошлый раз голосовали за барыжников; большинство здешних косвенно вкалывают на алхимиков. Но, судя по рассказам переживших Кризис, общий настрой складывается явно против прежнего порядка. Слишком многих убили, ранили или напугали как сальники, так и кошмарные слизистые чудища, либо подорвали выпущенные по городу ракеты. События Кризиса для большинства до сих пор так и покрыты мраком, но все мнения сходились в одном: пора уже что-то с этим делать.

Но что именно делать – сходных мнений не сыщешь.

«Вон они, – рассчитал Икс-84. – Вон те двое. Пара – женщина средних лет, с суровым лицом, хозяйка лавки, или учительница, или еще что-то такое незапоминающееся. Мужчина

чуть помоложе, обветренный, огрубелый. Моряк? Нет, наемник». Шпион уже прокачал их легенду: вдова и бывалый ветеран, с которым она познакомилась после смерти мужа.

Икс-84 ждал, пока они приблизятся сами. И прикидывал, как произойдет знакомство. Может, «вдова» поинтересуется у «купца» насчет торговых дел?

Нет, мужчина. Он неторопливо пересек зал, потягивая из своей пинты, и мимоходом водрузил жестяную кружку на стойку.

– Одолжите газету, когда закончите? – спросил он у шпиона.

– Я дочитал. – Он протянул листы. Мужчина пробежал объявления о работе, обвел перспективные карандашом.

– А вообще, почему заведение назвали «Королевский нос»? – спросил шпион, лениво кивая на вывеску.

– Когда-то в Гвердоне был король, и, видать, у него был длинный нос. А может, у всех королей такие носы были. Монархи сдриснули отсюда триста лет назад, когда взяли верх Черные Железные Боги. Люди утверждают, что славные времена наступят, когда вернется король. Или королева, – отвечивал наемник, широко ухмыляясь какой-то своей личной шутке. Он вырвал лист и отдал остальную газету обратно. – Спасибо вам. Желаю доброго вечера.

Он растворился в толпе. Когда шпион поднял голову, парочка пропала. Он открыл газету. На полях одной из страниц написано сообщение. Адрес в Новоместье. «Завтра ночью. Приведи мальчика».

Спустя день они прибыли в новоместский дом. Алика с Эмлином пригласили в небольшое, пропахшее капустой жильё. Пара из «Королевского носа» сперва принялась обхаживать Эмлина и облачила его в жреческую рясу, слишком большую для мальчишки, но его серьезная мина отбивала всякое желание шутить. Его святость – не предмет для смеха. Эмлин закатал чрезмерно длинные рукава и взялся за стопку бумаг.

– Я готов, – произнес он, расправляя плечи.

Женщина шепнула ему на ухо одно слово, помазав маслом из львиноголового фиала. Мальчик пошел спускаться в подвал. Там не было света, но его ноги безошибочно находили шероховатые ступени.

Шпиону велели пройти в небольшую гостиную, где он присел на потрепанную кушетку.

– Я Анна, – проговорила женщина, прикуривая сигарету. – Это Тандер. – Наемник ухмыльнулся и потянулся жать шпиону руку. При этом Тандер провел большим пальцем по ладони шпиона, проверяя шрам, который нанесла в Маттауре капитан Исиги.

Шпион слышал отсюда, как внизу Эмлин читает молитву Ткачу Судеб. Скоро он войдет в транс, и его шепот понесется за море. Он продекламирует выданные записи, и они дойдут до самой Ишмиры.

– Зовите меня Сан, – сказал шпион.

– Но ты въехал сюда не под этим именем. – Анна отхлебнула кофе из кружки рядом со стулом. – Тебя нелегально провез Дредгер.

Она его проверяет, проверяет сведения о нем.

– Через остров Статуй, – отвечает он.

Тандер дотянулся до шкафчика, вынул баночку с алкагестом и растер мазь по ладоням.

– Угрозы нет, – заверил шпион.

– Пожалуй, лучше так, чем через цеха Дредгера, – сказал Анне Тандер. – Помнишь того, в прошлом году? Выполз из ящика, негнувшийся, как доска, и весь пожелтел? – Наемник улыбался, непринужденно болтал, но под напускным внешним слоем текла незамутненная злоба. Легко вынуть пробку и выпустить насилие наружу.

Анна его проигнорировала.

– Какой твой позывной код?

– Икс-84.

– Чем занимался после прибытия?

– Мы сидели тихо. Остановились в приюте на Мойке. Дредгеру я сказал, что, возможно, найду его через несколько дней, но с тех пор с ним не встречался.

– В приюте? – Лицо Анны не прочитать, в отличие от Тандера.

– Ты про усмирительню у Джалех? Какого хера вы там забыли? – Ухмылка пропала, лицо исказила судорога гнева. «Характер переменчив», подумал шпион. – Вечно нам шлют новичков недотеп.

– Мальчик прекрасно разбирается, кому и как молиться, – сказал шпион. Нотка гордости в голосе удивила его самого. – Он свое задание выполнит.

– Райна тоже так говорила, и что в итоге? Охренеть, как здорово с нею все было! – Тандер вскочил. Чересчур много в нем несдержанной силы, шпион таких не любил.

– Кто такая Райна?

Анна обожгла Тандера взглядом, но наемник не унимался.

– Наш прошлый шептун. Тупая корова никак сама не могла сотворить чудо, невзирая на все молитвы, поэтому нам приходилось тайком волоочь ее на Брин Аван, в ишмирское посольство. Там есть часовня.

Духовный потенциал святого усиливается в священных местах. В часовнях легче творить чудеса – святому Ткача Судеб проще нашептывать секреты по ту сторону океана.

– И вас перехватили?

– Довольно, – выпалила Анна. – Мы забираем отсюда мальчишку.

– Что? – «Это было бы ошибкой», – мгновенно сообразил он, но потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем она заключалась. Это вредно его легенде. Вот в чем. Ничего более. Мальчик только инструмент. Ценное и полезное имущество. Оружие из божьей кузницы. Ничего более.

– Деньги получишь сейчас, – сказал Тандер, – если тебя больше ничего не волнует.

– Твоим заданием было привезти нам святого, – сказала Анна. – Ничего более. – Шпион вздрогнул, когда она озвучила его мысли.

– Я думал, ты будешь рад отделаться от поганца, – усмехнулся Тандер.

– Эмлин – мой сын. Я говорил людям, что он мой сын, – сказал шпион. – Если я отдам его невесть кому, это привлечет внимание.

– Вероятно, он нам понадобится в сжатые сроки. – Анна изучала Икс-84. – Не следовало объявлять его своей родней. Это усложняет дело.

Она откинулась на спинку стула с тем же нечитаемым выражением лица. Неловкую тишину нарушал лишь шепот из подвала.

Шпион не был уверен, слышат ли шепот Тандер и Анна, но он слышал. Голос Эмлина, перекрываемый стрекотанием его Бога.

– Я хочу помогать. Служить. В Северасте я оказался не на той стороне. – «Вживайся в личину». – Как мне услужить Праведному Царству?

Тишина продлилась еще удар сердца. Второй, третий, четвертый.

А потом Тандер расхохотался:

– Ничо, мы тебе примененье найдем, не боись.

Анна прикурила еще сигарету. На пальцах у нее пятнышки, коричневые подтеки с блеклыми крапинами от алхимических опытов.

– Нам нужна информация. Усиливается подпольная торговля оружием, а Хайт и Лирикс составляют главную долю покупателей. Нам надо знать, что они берут. Какого рода вещества, сколько? С переработок или это новый материал?

– Я узнаю, остался ли при делах кто-нибудь из моих старых знакомых.

Конечно, шпион не Сангада Барадин, и хотя некоторые стороны жизни покойного купца ему известны, другие не восстановить никак. Например, шпион знал, что тот много раз ходил в храм Ткача Судеб. Конечно, он же промышлял контрабандой.

– Посмотрю, что смогу сделать, – сказал шпион. – И заберу сейчас оплату. Есть-то людям надо.

Анна вытащила кошелек и вручила ему.

– Мне обещали серебро. Не обесцененное чудесами золото.

– Я знаю, что говорили боги, – сказала Анна. – Но это моя операция, и пройдет она по моему распорядку.

Он убрал деньги в карман.

– Если срочно потребуется с нами связаться, оставь послание Тандеру в «Королевском носу». Если нет, то будем общаться мелом.

Она перечислила точки для сообщений, подделанных под уличные каракули или случайные царапины. Отметка на ступени Святого Шторма означала, что за ним слежка; отметка в сортире на станции улицы Фаэтонов означала, что у него есть важные сведения, и так далее. Отметка у двери припортовой забегаловки возле дома Джалех означала, что той же ночью Эмлина надо вести к ним сюда.

– Что-нибудь еще я должен знать? – спросил шпион. На ум приходил флот вторжения, неумолимо идущий на север, сгущающийся божий гнев. И божьи бомбы.

– Тандер найдет тебя, если обстоятельства изменятся. Если нет, через три-четыре недели проведем обзор ситуации, – сказала Анна. Она допила кофе, встала и пошла к лестнице в подвал.

Шепот не прекращался. Он стал более настойчивым, как будто слова Эмлина выпрастывали лапки и скреблись по стене. Дом доверху набит краденными секретами, вереница зашифрованных посланий вырывается из дымохода и седлает теплый летний ветерок, дующий к югу.

Тандер тоже почувал это и вздрогнул. Достал с пояса металлическую фляжку и подлил в кофе. Помахал фляжкой шпиону.

– Милости просим в Гвердон, дружище.

– По-любому тут спокойнее, чем в Северасте, – отметил шпион, и Тандер засмеялся. И щедро плеснул шпиону в чашку.

– Ага, ты на этих ублюдин сальников не нарывался, – сказал он. – Слава богам, перестали их делать.

– Это сальники поймали вашу прошлую святую?

– Не-а. Городской дозор. Всего пару месяцев назад. Уже после Кризиса.

– Эту самую Райну?

– Точняк. Ее сцапали на выходе из посольства и попытались засунуть в повозку. Но у меня в кармане был взведенный пистолет, хвала богам. Застрелил ее наповал с сорока ярдов.

– Как же ты выбрался?

– Тем же способом, как и выжил на Божьей войне. Драпал, как сука. – Тандер ухмыльнулся. – Боги – это тебе не дозор. По крайней мере, Райна померла *как* достойная женщина. Можно сдохнуть куда хуже, чем от пули в башке. Вот что я тебе скажу: лучше уж воевать здесь, чем где-нибудь еще. Близость к богам никого до добра не доводит.

Это неподдельная беззастенчивость или же ловушка, проверка преданности Икс-84 Праведному Царству?

– Божье благо над всеми нами, – ответил он.

Казалось, Тандер хотел возразить, но шепот прекратился, и он тоже впал в молчание. Через несколько минут Анна вернулась с Эмлином. Мальчик был опять одет в уличное. Он дрожал, опирался на Анну, но на лице его сияла улыбка, безмерная гордость, которую невозможно скрыть.

– Идем, я отведу вас обратно в Мойку, – сказал Тандер, похлопав мальчика по спине. Удаляясь от дома, шпион оглянулся и увидел, как Анна наблюдает за ними из верхнего окна. На дороге немного фонарей и ночь темна, но он чувствовал на себе ее взор на всем спуске до поста дозора и уходящих к Мойке ступеней. Невидимые паучки божественного внимания носились по стенам, сопровождая его в пути.

Той ночью Эмлин не находил себе места. Шпион лежал без сна, прислушивался, как на верхней койке ворочался и метался мальчик. Как он сонно бормотал молитвы. С другой стороны комнаты звучно почивал Габерас.

– Что не так? – спросил шпион.

– Ничего.

Он ждал продолжения.

– Просто мне... мне было бы легче, будь боги поближе. Они очень далеко отсюда.

– Ты подтвердил, что вести доставлены. Ты хорошо постарался.

– Я не хочу завтра идти на молебны Джалех.

– Придется. – После явленного чуда от парня несло сверхъестественной благодатью. Если городская стража схватит его – а у них есть тавматургические линзы и натасканные на святых ищейки, – все будет кончено.

– Похоже на то, но... – Эмлин тяжело перевернулся в постели. – Ты не поймешь.

Эмлин распробовал святость. В подвале домишки на Новоместье через него прошла сила далекого бога. Неудивительно, что он не может уснуть. Неудивительно, что втихомолку молится, пытаясь опять дотянуться до бога.

Он думает, что шпиону неведома занебесная красота богов. Неведомо, каково это – постигать их, глядеть сквозь знамения и воплощения в смертном мире и видеть богов во всем их блеске той стороны. Неведомы неопишное светозарное сияние, запредельную сложность, надмирную непреложность и единение. Эйфория владения всеми тайнами на свете, понимания всех связей паутины Ткача Судеб. Могущество управлять предназначением, прядь нити будущего.

Неведом страх разлучения с богами. Тошнотворное выпадение обратно в тело из плоти. Ощущение, будто оставляешь частицы души, насильно возвращаясь к уделу смертных, длинному и невеселому пути, прочь от божественного.

Алик его бы не понял. Как и Икс-84.

Шпион понимал.

Надо молчать, но Алик чувствовал себя обязанным сказать что-нибудь утешительное:

– Потом полегчает. Боги ближе, чем тебе кажется.

– Но, по-моему, они собираются идти войной на Лирикс. – Мальчик шептал, опасаясь разбудить других, ночевавших в их общей комнате. – Не очень-то они сюда спешат, – горько прибавил он.

– Тебе надо поспать, – сказал шпион. – И не дать себя раскрыть. Ткач Судеб терпелив, правда? Ты тоже должен запастись терпением.

– Похоже, что так, – неуверенно произнес Эмлин. – Как тебе Анна и Тандер? – приглушенно спросил он.

Как они ему? Тандер, по впечатлению шпиона, – идиот. Видимо, полезен – физически развит, подготовлен, – но небрежен, несобран, ненадежен. Кусачий пес. Наверняка у них есть средство держать его послушным, какой-то способ контроля. Короткий поводок.

А вот Анна... такие, как Анна, в Гвердоне редкость, хотя в других местах шпион встречал подобных людей. Она – истинно верующая. Она понимает, что законы бытия диктуют боги, что смертный мир – всего лишь тень, отбрасываемая незримыми силами. Такого сорта люди всегда приглядываются к знамениям, к следам божьего промысла, проявляющимся в повседневных событиях. Шпиону стало интересно, каково ей тут, в Гвердоне, где местные боги слабы

и податливы. Когда боги немы, дозволено все. «К Анне, – пришел к выводу шпион, – нужен тщательный подход. Она не берет на веру слова и поступки смертных. Ей требуется знак свыше».

С мальчиком он своими мыслями не поделился. Вместо этого пожал плечами:

– Не знаю. Надеюсь, они тебя не слишком заездят.

Через короткое время мальчик пояснил:

– Тандер сказал, что я должен буду остаться с ними. Сказал, я могу жить в подвале и там устроить часовню, а днем буду работать в магазине у Анны. Говорит, они хорошо обеспечены.

– Сын принадлежит отцу, – ответил Алик.

– Но ты не мой отец. Мы просто так притворяемся.

Шпион выбрался из постели и встал, пристально глядя в лицо Эмлину. Свечу зажигать не стал – мальчик видит в темноте.

– Послушай. Первое правило – вживаться в личину. Каждый день, с каждым ударом сердца. Тебе придется быть моим сыном. Обдумай и осознай так, чтобы не мямлить, коли вдруг тебя остановит стража или заявится вынюхивать чародей. Еще придется научиться вписываться в жизнь. Не дать окружающему миру повода тебя заметить. Понимаешь?

Мальчик кивнул:

– Разве Эмлин знает Анну и Тандера? Разве Алик их знает?

– Нет.

– Правильно. Их знает Икс-84, а не мы с тобой.

– А как насчет часовни?

Шпион взвешивал вопрос пару секунд. Сангада Барадин мало соображает в святых и богах. Торговец приносил жертвоприношения в храмы, но дальше первых таинств не продвигался. «Вживайся в личину» – правило первое, но не единственное.

– Часовни? – насмешливо переспросил шпион. – С часовней *неплохая* задумка, но главное-то не в этом. Вжиться в личину – по сути, значаекет како лицо ты покажешь этому миру, это ты уже уяснил?

– Похоже, да.

– Вот, но существует ведь не только этот мир, верно? Есть мир, который видит большинство народу, где все твердо и осязаемо. А есть мир, который видят такие, как ты. Мир богов. Эфирный план бытия, как его называют алхимики. Если ты божий избранник, то твоя душа – то есть лицо, обращенное в тот мир, – должна прийтись богу по нраву, угу?

– Да.

– Ну так как, по-твоему, лучше угодить Ткачу Судеб – засесть в подвале или выйти на свет, слушать и запоминать чужие секреты?

– В монастыре, – проговорил мальчишка, – я сидел в келье и прислушивался к шепоту из часовни.

– Само собой, конечно, ну так то было в Ишмире. Там боги витают повсюду и берут под свою руку всякого, кто просипит молитву. Там было нечего опасаться. А здесь дела *тонкие*. Ткач Судеб – не единственный бог, что бродит здесь по ночам. Тебе придется встречаться с ним на тайных явках и открываться ему по паролю и отзыву.

А теперь засыпай, сынок. Утром у нас много работы.

Мальчик долго разглядывал его лицо в темноте, потом отвернулся вроде бы наконец умиротворенно.

– Спи, – велел шпион.

Он ждал, пока дыханье мальчишки не выровняется. Ждал, и ночные часы катились вдаль.

Он прошептал Эмлину на ухо свою собственную молитву.

А когда мальчик, всхлипывая, встрепенулся в кошмаре, шпион сидел рядом, утешая, смягчая. Прогоняя испуг и развеивая страхи – то лишь сон и ничего более.

– Там были люди в масках, и они запихивали меня в коляску. И... и... Тандер тоже там был, и он достал пистолет, и... – причитал мальчик, сжимая голову, словно она была готова лопнуть.

Шпион баюкал Эмлина, шепотом отводя страхи. «Это лишь сон», – ворковал он – но урок был усвоен.

Мальчик больше не молился той ночью.

Глава 10

Шана лежала на полу, глаза открыты, невидящи. Над ней склонилась потрясенная сестра. Беррик вертелся в замешательстве.

– А? Что?

Кто-то замолотил в дверь купе.

– Что там у вас происходит? Открывайте!

– Срань! – Теревант встал на колени, обследуя Шану. Крови нет, она дышит. Он схватил за руку ее сестру.

– Что случилось?

– Я... поезд затормозил, и она упала. Ударилась головой. – Она взглянула на лицо Шаны, белое в столбе утреннего света, заполнившего купе. Ни малейших ссадин. Он повернул ее голову к свету; зрачки не отреагировали. «Она прикоснулась к мечу», – сообразил Теревант. Меч Эревешичей, как все семейные раки, предназначен только для связанных кровными узами. Других носителей он отвергает. Шане повезло остаться живой; и повезет сильней, если ее не покинет рассудок.

Какого демона дурочка полезла открывать его сумку?

– Я сказал, откройте! – проорал кто-то из коридора. Линейный охранник. Теревант водрузил Шану назад на сиденье. Она дернулась, когда он приподнял ее с пола, и на ужасное мгновение ему показалось, что у нее начался припадок. Но потом зашумела отрыжка, и ее вырвало сестре на колени.

Теревант отомкнул защелку и увидел мясистую рожу охранника, гневно выпучившего глаза.

– Эмм, молодой даме слегка нездоровится. Все в порядке.

– Это они! – Мужчина постарше с широкой кустистой бородой ткнул обвиняющим пальцем. – Они увели моих девочек! – Это наставник. Теревант тщетно подбирал слова. За его спиной Шана с сестрой бились в истерике, а Беррик вжался в угол, словно пытался спрятаться. Завизжали тормоза; поезд подходил к станции.

– Все в порядке, – повторил Теревант. – Одна из ваших, эм-м, дам, поскользнулась и упала, но она невредима. И ничего непристойного не случилось. Мы просто, э-э, обсуждали текущие новости. – Он мог злоупотребить положением и достать меч Эревешичей, но представил реакцию Ольтика на заметку в гвердонской колонке слухов. Представил его громогласный вздох – не разочарования, но подтверждения мнения о брате. – Послушайте, давайте дадим дамам минутку собрать вещи, и больше тут нечего обсуждать.

– Держу пари, это грабители! Напоили моих глупышек и мерзко надругались над ними, а после обворовали. Я требую их арестовать! Обыщите их багаж! – орал наставник. Он неистово тыкал в саквояж Тереванта.

– Слово офицера, ничего непотребного не произошло, – впопыхах выпалил Теревант. Охранник на секунду заколебался – он не обладал властью вообще кого-нибудь арестовывать, но явно был на стороне наставника.

– Обыщите их чемоданы! Пошлите за стражей! А вдруг они – демоны? – Мужчина своими ужимками начал собирать толпу.

– Выйдите из купе, сэр, – приказал охранник, принимая решение.

– Арестуйте их! – каркал бородач.

Теревант потянулся за своей кладью, и тут дверь в коридор хлопнула снова и послышался голос Лиссады. Таким резким и командным он этот голос не помнил. Что бы она ни сказала охраннику, это сработало: того отнесло прочь, словно изгнанного заклинанием. Борода-

тый наставник сник и забился в толпу пассажиров, бросив как потерявшую сознание девушку, так и рыдающую.

Лиссада с первого взгляда вникла в плачевную обстановку салона, морща нос от такого безобразия:

– План меняется. Выметайтесь на выход, оба. Шевелись.

В тесном купе она двигалась как грамотный и умелый вихрь: переступив через подергивающуюся Шану, разом смахнула за дверь Беррика вместе с его пожитками. Теревант, стащив с полки саквояж, поплелся в хвосте. Вес меча Эревешичей едва не валил его с ног. Он попытался попрощаться с Шаной, но Лиссада потянула его за собой на платформу и захлопнула дверь, отсекая протесты охранника. Поезд тронулся дальше.

Все трое в тишине потрусили по опустевшей платформе. Больше ни кто не сошел, и поезд высадил их далеко от здания вокзала.

Лиссада вышагивала в ледяном, остервенелом молчании. Теревант поспевал за ней, сознавая, что должен быть пристыжен, но ситуация вышла до того несуразная, что хотелось расхохотаться. Судя по тому, как вздыбилась и развернула плечи Лис, она все понимала сама, и от этого делалось еще веселее.

Сама станция оказалась безлюдна, похоже, ею не пользовались десятки лет. Из проломов в стеклянной крыше свисали лозы ползучих растений, краска облезала, как мертвецкая кожа, в стенах глубокие трещины. Теревант заметил внутри вокзала ящики с боеприпасами, но в остальном место выглядело совершенно заброшенным. Очевидно, на линии между Старым Хайтом и Гвердоном здесь не предусматривалось плановых остановок.

– Лис, куда нас, к чертям, занесло?

Она не ответила, но указала на выход и обратилась к Беррику:

– Ступайте. Там ждет экипаж. Я встречу вас через полтора часа. – Она раздраженно щелкнула языком. – Поговорим об этом по дороге.

Беррик поймал взгляд Тереванта и пожал плечами, словно говоря: «Такова жизнь». И, насвистывая, неторопливо двинулся в темноту. Очевидно, он ожидал высадку в этих развалинах. У Тереванта голова пошла кругом.

– Сюда, – велела Лис, направляя Тереванта к другому проходу. Туннелю с ветвящимися коридорами и сводчатыми камерами. Глубоко врытому в холм, как догадывался Теревант, – быть может, тут были склады и штольни для подвода войск, укрытые от артиллерийского огня или колдовских бомбардировок. Стены испещрены дырами от пуль, рубцами от заклинаний. Местами опалены, кое-где вымазаны мерцающей жижей. Лис предупредила не наступать на нее, но он и сам обходил лужи по широкой дуге. Он насмотрелся на такие вещи на Божьей войне.

– Это Грена, я прав? – спросил он, и она кивнула. Все складывалось – укромная долина Грены располагалась на маршруте от Хайта до Гвердона. Железную дорогу недавно открыли вновь только из-за того, что Хайт шесть месяцев назад взял долину обратно.

– Хорошо, – негромко произнесла она, – ты таки не законченный полудурок. Я ожидала такого от Беррика, но у тебя, думалось, окажется чуть поболее мозгов.

– Мы с ним немного выпили по дороге в Гвердон. А с тобой, – «и Ольтиком», – мысленно вставил он, – по дороге в Гвердон мы выпивали немало. – Тогда, правда, они плыли морем. Он помнил, как Ольтик с ветром в волосах стоял на носу, глядел на море, словно уже намечал военные походы. И задним числом теперь ясно, Теревант пил, потому что его мучили кошмары о кораблекрушениях.

– Это же было давным-давно. Теперь ты офицер, а я – супруга посла. Мы больше не дети.

– Стой, так ты боишься, что мое поведение дурно скажется на нашем семействе? Будто кому-то в поезде будет дело, если младший сын хайитянского Дома вдруг напьется с девчонкой из города. Пойми, я способен везти меч в вагоне хоть пьяный, хоть трезвый.

– Беру слова обратно, – плюнула Лис, – ты – полудурок. – Она неподдельно зла на него. Его веселье скисло. Вон он, *стыд*, забулькал в животе, словно тьма разрушенной станции свернулась в нечто холодное и болезненное. Теревант встал посреди туннеля и раскинул руки, точно приглашая пронзить ему сердце. – Тогда просвяти меня.

Лис повернулась к нему, глянула наверх, вниз, всмотрелась в тени. Завела в боковую каморку и заговорила негромким, вкрадчивым голосом:

– Эта станция и город вокруг нее двадцать лет назад были захвачены приверженцами Вольной Грены. Их богиня плодородия послала по реке боевых наяд и смыла нашу оборону. Она дважды подряд разделявала наши войска. Потеря этого направления перерезала нам главный путь сообщений с Гвердоном, и, разумеется, нам пришлось отвоевывать его назад.

Для Тереванта тут не было ничего нового или удивительного. Он всю жизнь слышал рассказы о подобных кампаниях за морями. Местные божества, втянутые в Божью войну, заражались тем же потусторонним безумием, что и ишмирские силы. Богов не убить, только покалечить, и то чрезвычайно трудно. Уничтожь аватару, и ты только ослабишь связь божества со смертным миром, а значит, вынудишь избрать себе нового святого. Победа подразумевает медленную, кровавую мясорубку: убить каждого верующего, выкорчевать каждый храм, сломать каждый талисман, развеять каждое чудо – и повторять так снова и снова, пока бог не выцветет в забытую тень, плачущую в пустоте.

Скептики утверждают, что человечество кончится гораздо раньше, чем Божья война.

– Получилось здорово. Быстрая, приятная войнушка, – пробормотал он.

– Мы бросали на Гренну все, что могли собрать. Неусыпных. Костяных големов. Бронепоезда. Штурмовали с суши, высаживались на берег и наступали вверх по реке. Ничего не действовало – у их богини были крепкие, очень крепкие корни в этой долине. По лучшим оценкам, нам пришлось бы пятнадцать лет отвоевывать железную дорогу и еще тридцать – осквернять долину.

А вот теперь становится интереснее. Единственные быстрые победы на Божьей войне случались только при непосредственной схватке двух богов, а для Хайта это не вариант. Их духовная сила главным образом в околпотусторонних реликвиях, наподобие этого меча, а еще в неусыпных. Хайтитянский Смертебог не воспрянет до скончания мира.

– Что же произошло?

– Поклянись на мече никогда об этом не говорить. – Глаза Лис замерцали во тьме. – Никому. Даже Ольтику.

Теревант вытащил меч Эрвешичей из сумки. Волшебная аура оружия обвила его, наполняя мощью. Его усталость истаяла. Тьма поредела, когда заострился взор. Он стал чують запах Лис – духи вперемешку с копотью паровозного дыма на коже.

– Да отвергнут меня предки, коли я заговорю об этом.

Он положил меч на землю между ними. Отпустил рукоять, и призраки сгнули.

– Это был ракетный удар. Не наш – гвердонского морского ракетносца. Один выстрел – и богиня мертва. Никаких материальных повреждений в долине, но полная аннигиляция божества.

– Лицо Смерти! – выбранился он. Такое оружие меняет всю войну. Он представил, как опять сражается при Эскалинде, когда силы вторжения были атакованы богами Ишмиры. Он вспомнил, как поднимался из океана Кракен, а на волне прибоя танцевал Благословенный Бол, и вокруг него опрокидывались золотые статуэтки – умирающие солдаты. Получить возможность кончать этих страшилищ одним выстрелом... – Почему такие ракеты не используем мы?

– Гильдия алхимиков не признается в их существовании. Так же, как и чрезвычайный совет Гвердона. Там, в городе, до сих пор хаос. Бюро и Корона пришли к единому мнению, Тер – нам надо взять под контроль это оружие. Это единственная надежда остановить Ишмиру, когда она двинет на Хайт.

Сердце колотилось в тишине узкого туннеля.

– Что тебе нужно, чтобы я сделал?

– Эдорик Вант – третий секретарь посольства. Он пропал. Ходят слухи, что его убили. Он был подготовлен к неупению, значит, если его убили...

Теревант покрутил запястьем, ощущая натяжение кожи над вкладкой железного амулета. Смертное тело хрупко: один неожиданный выстрел, один порез – и готово. Неусыпный Хайта, однако, слеппен из другого теста. Убить его гораздо труднее. Если Вант просто свернул не в тот переулок и ему перерезал глотку какой-нибудь грабитель, то он бы уже вернулся в посольство с докладом.

– Одно из двух – он или мертв, или захвачен. В любом случае это встревожило Бюро. Они боятся, что посольство в Гвердоне скомпрометировано, что нас уже атакуют. – Пристальный взгляд Лис пронзил его. Каждая частица ее существа сейчас сосредоточилась на нем, на предстоящей миссии. Вокруг никого, но Лис не смела повысить голос. – Тер, я не доверяю половине посольского аппарата. Предыдущие послы вели дела в Гвердоне, как в родном поместье, и я не знаю, на кого полагаться. А у нас с Ольтиком... дела запутанные.

– Запутанные?

– Очень запутанные.

Теревант потер кисть. Похмелье вернулось за расплатой.

– Нам придется выяснить, что случилось с Эдориком Вантом.

– Тебе. Я не еду вместе с тобой в Гвердон. Пока не еду.

– Куда ты отправишься?

– Нельзя говорить. – Теревант завидовал ее способности четко разграничивать разные стороны себя – она выборочно поделится с ним некоторыми тайнами, при этом ни за что не выдаст другие; готова сегодня оказаться разведчицей, а завтра светской дамой; ей удастся быть его подругой и в то же время женой его брата. У нее завидное самообладание. Она знала, кто она есть, знала, как ей полагается поступить, и искусно меняла маски. – Но это тоже очень важно. Спустись в долину, и поймешь насколько.

Лис мотнула головой в сторону экипажа.

– Ты нужен мне, чтобы выяснить, что произошло с Вантом, Тер. Ты, во главе гарнизона, сможешь управлять расследованием. Если Ванта предали изнутри посольства, то они попытаются скрыть свое участие, возможно, поставят вести дознание своих людей. Нужен кто-то, кому я могу доверять. – Она перевела дух. – Тебе я могу доверять?

Прежде он с песней на устах отдал бы за нее жизнь. Может, таким ему и предназначено быть.

– Ну конечно.

Лис переминается с ноги на ногу. Эту ее нервозную привычку он помнил с молодых лет. Чтоб опереться, она берет его за руку.

– Тебе придется оставить мне меч, – сверкнула она глазами.

– Это клинок Эревешичей. Я обязан его сторожить. – Немыслимо оставлять кому-то меч. Даже Лис, вступившая в семью по браку, неспособна безвредно прикоснуться к этому клинку.

– Тер, послушай, случай в поезде означает, что на границе тебя будет осматривать городской дозор. По договору запрещено провозить раку в Гвердон – равно как святых не пускают в другие посольства. Они изымут его, как сверхъестественное оружие. Ты нужен мне, тебе надо попасть в город, найти Ванта, но меч с собой брать нельзя.

– И что, мне сдать клинок моих праотцов в чертово бюро находок при разбомбленной станции? – Он уже подвел предков, не оградив его от посторонних в поезде.

– У меня есть план. Поверь мне, Тер. Подави меч, насколько сумеешь, и мы положим его в мою коляску. Там есть отсек, замаскированный и запечатанный, который сдержит клинок.

Через две-три недели заберете его – ты или Оль, или какой-нибудь неусыпный. Выход неидеален, но куда важнее тебе поскорей вступить в должность в посольстве.

Он поднял меч Эревешичей и сквозь грубую кожу обвязки почувствовал течение силы. Интересно, что будет, если он впитает в себя это волшебство. Какие чудеса он мог бы устроить? Как бы тогда на него смотрела Лиссада?

– Подави меч, – настойчиво напомнила ему она.

Души, кружащие в мече, почуяли его присутствие. Руку защипало, это наваливалась их волшба, выискивая способ сделать его их вместилищем. Он почувствовал волокна нервов в руке, почувствовал кровоток отдельных вен и артерий, взаимодействие кости и мышц, осознавая себя внутри так, как ни разу прежде. Его плоть переродилась в огонь; его жилы – в слепящий свет, кости – в нерушимый адамант.

– Подави его.

Он налег, толкая волшбу в обратную сторону. Зашептал о том, что сейчас не время, что души должны спать. Меч пригасил свой свет и внезапно резко отяжелел в ладони.

– На, – сказала Лиссада, передавая вышитый платок, заряженный чарами, призванными смягчить волшебство клинка, и Теревант тщательно обмотал меч. – Идем.

По темному туннелю они вышли назад, на безлюдную станцию; через очередной проход он выбрался за Лис на небольшой дворик. Экипаж ждал – старая, потрепанная коляска. У нее не было рессоры, а единственную уступку современности составлял рэптекин, впряженный в постромки вместо коня. Взрощенный алхимией тягловый монстр сильнее и быстрходней любого натурального.

Беррик храпел внутри; Лис подвинула его, чтоб не мешался, и показала Тереванту, в какой потайной отсек запрягать меч Эревешичей. Даже подавленный, меч опасен. Он способен распарывать чары, рубить пряди судьбы. Старые сказанья повествовали об ужасных бедах, выпадавших на тех, кто предавал Великие Дома Хайта.

– Мы опаздываем, – сказала она Тереванту. – Один из моих агентов, Лемюэль, встретит тебя в Гвердоне. А я увижусь с тобой сразу, как только смогу. – Она сжала ему ладонь, а потом была такова – экипаж загремел колесами на юг, по заросшей дороге, пролегавшей вдоль линии рельс, оставляя Теревант на станции в одиночестве.

Лиссада словно бы увезла с собой какую-то его часть, и он объяснил себе это не иначе как продолжительной связью с мечом.

Он вернулся на платформу, нашел в саквояже скатанную постель и развел костерок, подогреть жестянку супа. Новые составы проходили по гвердонскому пути только раз в день, поэтому предстояло проскучать почти двадцать два часа, и «Костяной щит» почти дочитан.

«Завтра с утра, – решил он, – надо выйти в долину и посмотреть, на что похожа могила богини».

Рассвет не улучшил картины, наблюдаемой с вокзала.

Теревант следил, как солнце забирается в небо, но испускало оно лишь приглушенный, робкий свет, будто долину Грены накрыла завеса. Все приобретало искусственные черты, как вырезанное из бумаги. Долина – рисованный пейзаж. Он боялся всем весом ступить на тропу, не то вдруг прорвет тонкое полотно и вывалится из мира.

Через пару недель середина лета, но в воздухе нет зноя. Нет и прохлады. Кожа как онемела.

Он двинулся от станции по одичавшему проселку, и буйная трава не замедляла ходьбы. Острые стебли хрустели и рассыпались, когда он через них продирался; колючки обламывались, вместо того чтобы цепляться за китель. Все хилое, полое, растет только для вида. Знаки на тропе предупреждали об угрозе – неразорвавшиеся снаряды, несошедшие проклятия.

Сбоку от тропы рос неправдоподобный сад. Должно быть, прежде он был зачарован каким-то сгинувшим чудом, поскольку деревья лезли из гиблой земли, перемолотой разрыв-

ным артобстрелом. Стволы почти все голые. Лишь изредка попадались плоды, и попробовать их желания не возникало даже после скудного армейского пайка на завтрак и остатков Беррикова винца. Фрукты казались непорченными, ядовитыми или гнилыми, но какими-то... плоскими. Тоже пустыми. Среди всего этого цветения должны были громко жужжать пчелы, но в долине стояла мертвая тишь.

Он вышел из-под сени деревьев и побрел по выжженной почве. Долина была местом сражения в Божьей войне. Он обходил сверкающие алхимией осадки, переступал через кости и гнутые куски металла. В запекшихся навалах этой увечной земли свистел ветер.

Тропинка сходила вниз к развалинам города Грены. Над недавно возведенным фортом трепетал хайитянский флаг. Кроме этого флага в свинцовой долине почти ничего больше не двигалось.

Почти. Несколько человек вяло и равнодушно работали в полях. Выглядели они смущенно, словно не имели понятия, как тут очутились. Они неуклюже махали косами, словно досель не брали их в руки – даже пожилые, мозолистые крестьяне, чья обветренная кожа говорила о жизни на открытом воздухе. Они склоняли головы и боязливо пятились, рассмотрев на Тереванте мундир.

Однажды Хайитянская Империя оккупировала Варинт, заокеанский край. Там поклонение местным богам было запрещено. Жрецов и святых вырезали под корень, сносили храмы. Так богов провоцировали воплотиться в какой-либо форме, а потом разносили их воплощения пушечным огнем, пока те не полегли. Боги зимы и справедливости, луны и солнца, урожая и поэзии – их исполинские тела лежали на прибрежном песке, ихор перемешивался с морской пеной. Оккупационные власти объявили, что всякий, кто молится старым богам, будет наказан. Отныне они – часть Хайитянской Империи и будут верны лишь ее далекой Короне. Новый распорядок: никаких молитв. Никаких обрядов. Никаких святых. Мертвые передаются государственным некромантам для дальнейшей переработки.

Все равно по ночам жители сползались на молебны. Открывали подпольные часовни по домам или лесным хижинам на отшибе. Тайно вывозили мертвецов, чтобы похоронить по старому ритуалу и напитать своих богов осадком их душ.

И боги вернулись. Слетели с гор, лесов и глухих низин и осадили крепость захватчиков. Империя смогла сохранить завоеванное лишь огромной ценой – и неслыханной жестокостью. И то противостояли ей мелкие божки, местные кумиры, наподобие этой богини из Грены, совсем не чета великодержавным богам Ишмиры.

Теревант написал об этом стихи в осуждение действий Короны, и впоследствии, вступив в армию, их осмотрительно сжег. Несомненно, у какого-нибудь писца из отдела Благочиния сохранились копии.

Заходить в разгромленный город он не стал, обойдя его кругом – вдоль реки в сторону моря. В грудах ила, наваленных под речными откосами, смутно угадывались человекообразные очертания. Возможно, наяды – прислужницы богини, погибшие вместе с ней. Настоящее побоище.

Вдоль устья он шел в тростниках. Над головой крутились водные птицы, перекликаясь друг с другом. Другие птицы той же породы неподвижными идолами сидели на тропе, никак не реагируя на его приближение. Как и народ долины, они были ранены. Помещены в этот странный мир внешних форм без изнанки. На морском берегу изобильно росла трава, и зловещая тишина верховий долины пропала. Устье было восстановлено, пустоту после богини заполнило нечто другое – обезличенная, слепая воля природы.

Прибрежные растения обладали качественным отличием. Они росли густо, насыщенно, проникали повсюду, как армия завоевателей.

Вон там, в заливе, по словам Лис, и запустили божью бомбу. Война окончилась в один миг. А где-то в Гвердоне есть и другие такие же бомбы. В городе, наверное, не продохнуть – там половина шпионов со всего света.

Как, должно быть, досадно богам поневоле работать руками смертных посредников.

Внезапно его пронзила дрожь – словно за ним наблюдали. Будто кто-то наступил на его могилу – так, он слышал, поминают о подобном чувстве в чужих краях. Эта фраза бессмысленна в Хайте, где в могилу кладут только презренные касты. В Хайте такое ощущение называют «заглянуть в глаза веков» и говорят, что оно предвещает человеку великие свершения в будущем.

Он повернулся и зашагал обратно в долину.

Через несколько часов прибыл поезд на Гвердон и ревом двигателей вдребезги разнес тишину станции. Теревант залез в вагон, желая поскорей тронуться в путь.

Могилу он повидал и теперь едет в город, совершивший богоубийство.

Глава 11

Абсалом Спайк, по заключению Эладоры, был монстром, с выращенными в алхимическом чане стальными ногами и каменным жилудком. Подчиняясь приказу Келкина, они вдвоем облазили все улицы и тупики Мойки, заглянули в каждую пивную и забегаловку нижнего города. Кажется, политика, по Спайку, не имела ничего общего с прокламациями и шумными парламентскими дебатами. Она означала обниматься и выпивать со старыми друзьями, влиятельными людьми в своих округах. Некоторые из этих приятелей вываливали Спайку свои насущные неурядицы – шальная банда, затопленный подвал, сплетня о необезвреженных снарядах времен Кризиса, – и Спайк обещал во всем разобраться. Другие приносили списки имен, обычно с собственным именем наверху, и Спайк степенно сворачивал листы и клал в карман. «После выборов, – заверял он, – вас не забудут».

Когда ничего не срабатывало и очередной знакомец, сложив руки, преподносил Спайку лишь чересчур широкую ухмылку, тогда Спайк лез в другой карман и извлекал свертки банкнот – не факт, что Эладора видала больше наличности разом, а ведь ее дедушка был первым городским богачом. Она сидела, прикусив язык.

Время от времени Спайк вспоминал о ее существовании и представлял ее старым друзьям и заправилам округов как «из келкинских». Непонятно, она из келкинских кого? В основном же она неслышно трусила за Спайком, как бродячая псина.

После Мойки они добрались до Нового города. Здесь Спайк сбавил прыть, его маршрут не был столь выверен. Танец остался прежним, но замедлился темп и партнеры стали иными. Многие улицы в этом наколдованном городе занимали беженцы с Божьей войны, и Спайк встречался с их лидерами. Колеблясь, он выдвигал свои предложения, но не понимал сути проблем или был не в состоянии их решить, а собеседников не занимали откаты и синекуры, которые он мог предоставить. Они жаловались на новые преступные силы, окрепшие после падения прежнего Братства, такие как джирданские бандиты или пресловутая Святая Карательница.

Здесьняя стихия была непривычна для Спайка, и он обращался к Эладоре за советом, задавал вопросы о Новом городе и его обитателях. Она называла цифры, приводила учетные данные с острова Чуткого, сопоставляла летописи Севераста и Ишмиры, но толку-то – они говорили на разных языках. Когда в послеполуденной духоте они более часа пытались проникнуть в неприступный ряд высоток, мотаясь туда-сюда по ступеням и переулкам, как кишкам вокруг зданий, Спайк затрубил отступление. Они опять вышли в Мойку, к таверне возле площади Агнца.

Естественно, Спайк с королевской казной в кармане послал покупать напитки Эладору.

Когда она вернулась, Спайк общался с очередным жуликом. Сиял улыбкой на весь зал, смех звенел монетой, а хлопки по спине гремели грозой. Воодушевление било фонтаном.

Стоило воротиле уйти, как Спайк мешком сложился на стуле. Буркнув благодарность, принял питье у Эладоры и устался на бурую жижу в кружке.

Эладора цедила глотками – получше, чем ей доводилось в себя лить, но все равно мерзко-прогорклое. С падением Севераста хорошего вина в городе не стало.

– Разве не целесообразнее выступить перед всеми этими людьми сразу? Провести публичную встречу, где мы обсудим нашу политику и объясним, как собираемся реформировать город?

– Для речей и сборов пока рановато. Держу пари, половина этих сучар посадит другую половину на перья. Не ровен час, устроим побоище. Разве только потом, когда пойдем, с кем в Новом надо дружить.

– Однако вы почти не упоминали о политике. Откуда людям знать, на чем мы стоим, если мы им не объясняем?

– Стоять – дерьмово, – провозгласил Абсалом Спайк. – Эти люди и так весь день стоят на ногах – на работе, на фабриках или за рыбацкой сетью, стоят в очередях. Девушка, да им плевать. Им плевать, кто правит городом, лишь бы только не сальники. Они по своей натуре вообще не пойдут голосовать, если только не поманить их корыстью. Мы подкупаем их, церковь их подкупает, и все равно кто-нибудь отдаст голос за монархистов или еще каких двинутых.

– Давать взятки, – сказала Эладора, – противозаконно.

– Уплачивать за голоса незаконно. А платить нужным людям, чтобы те согнали голосующих к урнам – законно и древне, как эти холмы. – Спайк перегнулся через стол, она почувствовала зловонное дыхание. – Дайте угадаю: вы родились на Брин Аване, росли на Долу Блестки, и мните, будто знаете, как устроен город. Вы думаете, вокруг одни глупцы и мошенники, а вы должны все исправить, чтоб простой народ благодарил вас и кланялся. Ничего вы не знаете.

Он откинулся на стуле, выдул остатки питья. Порылся в кармане, вытянул скатку банкнот. Помахал перед Эладорой. – Принесите еще, будьте умницей.

Она встала.

– Я уже опаздываю, господин Спайк. Ваше мнение я доведу до господина Келкина, когда встречусь с ним. И поскольку партийные средства остаются у вас на руках, уверена, вы будете ответственно ими распоряжаться. Доброй ночи.

Воздух на улице стоял теплый, липкий. Последние месяцы над городом необычайно ясное небо, после того как в Кризис закрылось большинство алхимических фабрик, но на сегодня погода припасла душный смог, нависший над городом. Улицы омыло желтоватым, зернистым туманом, город выглядел так, будто погрузился в загрязненное море. Надвинув шарфик на нос, Эладора поспешила от таверны в сторону небольшой квартирki, куда ее устроил Келкин.

Идти недалеко. Но все равно на улицах опасно, поэтому она торопилась и не снимала руку со спрятанного в кармане пистолета. Из этой мелкой штуковины она ни разу не палила всерьез, только тренировалась.

Как обращаться с оружием, ей показывал Мирен.

Она аккуратно сложила это воспоминание как листок и сунула в мысленную папку, которая уже разбухла от подобных записок. Потом сунула эту папку в стальной сейф, обмотала сейф цепями и затопила в самой глубокой и ледяной океанской впадине. И больше о Мирене Онгентсоне думать *нечего*.

Вместо этого она пробежалась в уме по чародейским вызываниям, которым ее научала доктор Рамигос. С Эладориным талантом к колдовству попытка защиты заклинанием вряд ли окажется особо действенной, но в любом случае будет неожиданной, а ум успокаивался от повторенья чародейских созвучий.

Эладора без приключений добралась до постройки, где располагалась квартира. Стены лестничной клетки облепили предвыборные плакаты. Она сравнила количество промливов и барыжников. Их партию одолевали два к одному, а здешняя часть города, по идее, должна была поддерживать Келкина. Еще один дурной знак.

Подойдя к своей двери, Эладора отперла замок, затем второй, тяжелый – она его сама ставила. Потом замерла, глубоко вдохнула и прислонила пальцы к ручке. Руны загорелись красным и сразу исчезли с облачком сернистого дыма. Живот скрутило. В университете Эладора нахваталась азов тавматургической теории, но до недавнего времени, уже после Кризиса, сама заклинать не отваживалась. Покамест предел ее способностей – охранное заклятие, и то оно обошлось ей немалыми жертвами, и неясно было, стоит ли продолжать. Люди не приспособлены орудовать такими силами напрямую, поэтому большинство волхвователей умирают молодыми – энергия чар расслаивает их тела или разъедает рассудок. Сверхмощные чары – удел нечеловеческих созданий, таких, как ползущие. Алхимия – куда более безопасный способ справляться со столь фундаментальными силами.

Она замешкалась перед входом. На секунду вообразила, будто за дверью поджидает дед – золотая маска искрит потусторонними огнями, червепальцы поблескивают запретной волшебной. Или там затаился Мирен, с ножом.

Глубокий вдох. Нет. Джермас Тай мертв навеки. Мирен скрылся. Она взяла это воспоминание и засунула туда, под замок, к прочим о Мирене, Онгенте и других ужасах Кризиса.

Однако на одном из слагаемых тех бед ненадолго все ж задержалась. Ее двоюродная сестра, Карильон Тай, тогда была в самом сердце Кризиса. Эладора одна из немногих знала правду о ней: о том, что сестру создал их дедушка – создал себе проводника, чтобы вызвать скованных Черных Железных Богов и подчинить себе их мощь. Неосознанную, невольную святую. Давешние оскорбления Спайка жалили больно. Своей новой профессией Эладора старалась принести максимальную пользу, добиться в политработниках большего, чем вышло у нее с университетской наукой. Тогда она не сумела связать сверхъестественное проклятье на сестре с древней историей города и Черными Железными Богами до той ужасной ночи, когда Карильон сбежала с улицы Желаний. Сколько же несчастий удалось бы предотвратить, будь Эладора сообразительнее и храбрее! А ныне каждая вдова в черных одеждах, каждый пропавший ребенок, каждая рана и шрам – жертвы ее провала, скрытое обвинение. Правду не вымывать; когда наше время окончательно войдет в историю, вина ее и ее семейства предстанет на виду у всех.

Отменить Кризис не в ее власти, но она наверняка может сделать так, чтобы новый, возрожденный из пепла Гвердон стал лучшим, более справедливым местом, нежели прежний город сальников, червей и скованных, цепных богов. Мысленно она вновь прокрутила сегодняшний поход по Новому городу. Воспроизвела каждую бесплодную беседу Абсалома Спайка с местными вожаками и заправилами. Необходима информация, нужен всеохватный взгляд свыше на Новый город. Надо знать помыслы и желания тамошнего люда, причем вперед их самих.

От троицы соборов на Священном холме прокатился колокольный бой. Восемь часов. Она стряхнула с себя задумчивость, выругалась и поспешила к платяному шкафу, привычно стягивая пропитанную улицей одежду. Своя внешность в зеркале принесла раздражение. Выбрала платье – чистое, умеренно льстивое для фигуры и, довеском, вполне современное – позлить мать. Наспех натянула его, присела навести макияж. Мать приглашала на ужин к девяти, поэтому следовало торопиться.

От скрипа половицы она подпрыгнула, пудра рассыпалась по столику. Она ее тщательно стерла, пристально вслушиваясь. Половица ведь скрипнула этажом выше? Не в соседней же комнате? Дверь заперта. Никто не войдет. «А вот Мирен смог бы», – подумала она и стерла заодно и эту мысль.

Прошла неделя, как пришло первое приглашение, через день после приема в хайитянском посольстве. Тот вызов Эладора парировала запиской, где говорилось, что она, к сожалению, занята предвыборными делами и предлагает пообедать днем позже. Мать контратаковала новым письмом, указав на то, что следующий день, праздник Святого Шторма, для Хранителей свят, и, разумеется, никому из набожных и в голову не придет назначать на такой день встречу за ужином. Так они фехтовали почтальоном взад-вперед, и Эладора уже понадеялась, что все закончится как три предыдущих раза, когда Сильва Даттин навевывалась в город. Противоборство обязательств и обмен уколами взаимных условий будут длиться, пока не настанет пора Сильве ехать домой, и обеим не придется тратить друг на друга время. Не придется убеждаться в том, что по вопросам церкви, государства и всего прочего мать с дочерью стоят на диаметрально противоположных позициях. Увы, нет – последний выпад Эладоры достиг цели: приглашение в дорогуший ресторан принято, и она сама не знала – победа ли это или чудовищная ошибка. Снарядившись к бою, Эладора понеслась вниз по лестнице – предварительно проверив охранные чары на входной двери, – а затем поспешила еще ниже, в городскую подземку.

В ожидании поезда она всматривалась в непроглядный зев туннеля, и в голову лезло, как червепальцы бабушки набрасывали черный амулет ей на грудь.

Не впервые она задумалась – что же было известно Сильве Даттин о богохульных, вероотступнических трудах своего отца?

Выбранный матерью ресторан располагался в Серране – одном из богатейших районов Гвердона, хотя звезда его потускнела за недавние десятилетия. Его сердцем был королевский увеселительный дворец, хоть тот и стоял заброшенным три сотни лет, после бегства королевской семьи от Черного Железного культа. Того самого культа, который возродил Эладорин дедуля.

Прибыв, Эладора смутила портье, непредумышленно спросив столик, зарезервированный для Таев, вместо записанного на имя Даттин. В настоящем Таев помнили в основном по их мистической гибели – загадочному убийству в одну ночь пятнадцатилетней давности, поэтому растерянность официанта объяснима. Эладора поправила имя и с пунцовыми щеками вошла за прислужником в лабиринт обитых деревом коридоров. На стенах красовались картины и реликвии старого дворца Колючек.

– Госпожа Даттин в розовой комнате, – объявил слуга. – Вино уже подали, но если предпочитаете определенный сорт – прошу, назовите, и вам его предоставят. – Он открыл дверь, и донесшийся оттуда звук Эладора смогла определить не иначе как «гогот».

Там сидела мать, а с ней, к удивлению Эладоры, – Мхари Воллер. У обеих дам в руках почти пустые бокалы; Сильва утирала слезы веселья.

– Эладора! Заходи, моя радость! – позвала Воллер и вытрясла со дна бутылки несколько капель в третий бокал. Пустой бутылкой она махнула официанту, который принял ее и исчез как призрак.

Усаживаясь, Эладора опасливо глядела на мать. С последней встречи та постарела на пять лет. Волосы потускнели, глаза чересчур яркие, горячечные. В ее голосе теперь сильная хрипотца. Мхари Воллер, должно быть, лет на тридцать старше Сильвы Даттин, но выглядит более молодо.

– Я н-н-не знала, что к нам присоединится леди Воллер, – проговорила Эладора. Собственно, на столе стоял четвертый прибор, подразумевая еще одного неизвестного гостя.

– Прости меня, – сказала Воллер. – Я несколько дней пыталась пересечься с милой Сильви, и это, быть может, последний мой шанс. В общем-то, мы все занятые люди, особенно со всей этой суматохой. – Ее вилка описала в воздухе круг, который вместил в себя парламент, город в целом, выборы и общую напряженность в мире.

– И нам, наверное, будет неплохо иметь при себе арбитра. А то и свидетеля. – Сильва наколола дольку грейпфрута и поднесла ко рту, роняя капли.

– Но только... м-мне бы хотелось обсудить, э-э, п-пару личных вопросов. – Эладора закусила губу. Она заикалась сильнее, когда волновалась или чувствовала себя по-детски, а в кресле напротив матери ее как будто унесло назад во времени. Безупречная маска старшей советницы Эффро Келкина, аспирантки в университете, радикальной антиклерикалки, убежденной, что боги лишь прогнившие волшебные конструкции безо всякого морального авторитета, развалилась, и теперь она робкая, плаксивая девочка, с глазами на мокром месте от того, что ее не любят ни боги, ни мама.

– Мхари – старая подруга семьи. Она знает тебя с колыбели. И ей открыты все наши секреты. – Сильва вздохнула. – Спрашивай.

Первый очевидный вопрос – зачем ты это устроила? Эладора ждала манерный ужин, где они с Сильвой отыграют роли матери с дочкой, она пообещает чаще писать и не согласится с маминым пожеланием выйти замуж за какого-нибудь благочинного помещика из Вельдакра. Где вопросы про Джермаса Тая, Карильон и тому подобное наткнулись бы на обвинения в том,

что Эладора – безбожная потаскуха, сошедшая со стези духовной добродетели. Тут же нечто совершенно иное.

Явилось привидение официанта. Эладора позволила наполнить свой бокал до каемки и, к неодобрению Сильвы, отпила половину одним глотком. Тем не менее Воллер потянулась через стол и чокнулась с Эладорой.

– Мы тебе уже заказали, милая, – сообщила она. – Ждать нам некогда. Надеюсь, ты не в обиде.

Еда в списке Эладоры на последнем месте. Мысли вернулись в кабинеты для дознаний на Мысу Королевы. После Кризиса ее допрашивали неделями. Снова и снова разные люди задавали одни и те же вопросы. Теперь ее черед побыть следователем.

– Ты все эти годы знала, что Джермас Тай жив?

– Мой отец пятнадцать лет как умер, – сказала Сильва. – Та тварь, что сожрала его и... отпечатала личность, – не была им.

– Ты знала про этого Ползущего?

Сильва пожала плечами:

– Нет. Я знала, что Джермас намеревался... пережить свою смерть, но посчитала это всего лишь бредом умирающего. Порой он так путано изъяснялся.

– Ты знала о его экспериментах? О его поклонении Черным Железным Богам? О Карильон?

– Да. Вся семья знала, в той или иной степени. Я даже... – Сильва осеклась, а потом подтянула рукав платья, открывая предплечье, испещренное сотней застарелых ожогов, язвочек, шрамов. – Его одержимость всех нас сбивала с толку, а когда зло в отце осознала я, то сбежала. Я искупила грех – и уберегла от него тебя. О, дед бы любил тебя, дитя, достанься ты ему на воспитание. Самонадеянный, он бы обрек твою душу проклятью и заставил случаться с дьяволами из бездны! Почему, ты думаешь, я покинула дом? Вышла за твоего отца, переехала на этот дурацкий хутор в Вельдакре? Да чтобы убраться от него подальше!

– Но ты возвращалась. Привозила с собой меня. – Они несколько раз посещали особняк Таев, когда Эладора была маленькой, до того, как святые Хранителей под покровом ночи напали и поубивали всю семью. – И это Келкин донес на него церкви, а не ты! – Эладора старалась выговаривать ровно, однако последние слова прозвучали отчаянным обвинением.

– Я... поддалась слабости, – запнувшись, призналась Сильва. – Отцу твоему не хватало мозгов вести бизнес, а деньги нужны... и я до конца не понимала, что происходило тогда. Вначале со стариком не все было плохо. И... – Сильва замолкла, и Мхари пришла на выручку.

– Все знали про Джермаса, что он, хм, эксцентричен. Он вечно водился с бунтарями-алхимиками и чародеями, помог Эффро Келкину впустить в Гвердон религии чужеземцев. Все знали, что он со странностями – только не подозревали, насколько далеко это зашло. Настоящая дрянь началась только в последние годы – когда Сильва уже уехала, когда ты родилась. Когда маленькая Карильон... слушай, Сильвушка, я бы даже сказала, что это ты не давала ему впадать в худшие крайности. Дела совсем испоганились только с твоим отъездом.

Эладора вполуха слушала Воллер и не сводила глаз с матери.

– Как насчет Карильон? Ты знала, кто она такая?

– Байстрючка моего брата? Ребенок, которого я чаяла спасти из-под крова греха? Шип в моем сердце? – Сильва шипела. – Кто же?

– Специально выведенная Черная Железная святая.

– Я знала, что она порченная. Мы все такие – и ты, и я в том числе. Я годами пыталась тебя уберечь! Мне казалось, все пошло прахом, когда ты переехала сюда, в этот рассадник порока, но ведь еще не поздно! Огни Сафида очистят наши израненные души, лишь бы нам хватило веры! – слюна брызнула на хрусталь и фарфоровые тарелки. Мхари Воллер ласково взяла Сильву за руку.

– Уже все хорошо, дорогая. Джермаса больше нет.

– Она ли? – зашипела Сильва и стиснула ладонь. – То чудовищное дитя?

Воллер стремительно убрала руку Сильвы под стол. Эладора нахмурилась – что-то только что произошло, но она не могла сказать что. Мать пустила себе кровь, процарапав ногтями кисть? Или что-то сломала? Вдобавок слегка запахло горелым.

– С прошлым покончено. – Воллер перевела дух. – Мы должны мыслить о будущем. Эладора, деточка, ты молодец – Джермас ускорил Кризис, а ты его пресекла. Вы со святой Алиной уничтожили то, что осталось от Джермаса и не дали алхимикам забрать себе город. Джермас не единственный одержимый, вознамерившийся прикарманить богов – равновелика вина и алхимиков, прежде всего прошлой гильдмистрессы Роши. Но виновата и я, вместе с однопартийцами из «Города Вперед». Мы так упивались богатством и властью, что перестали отличать правое от дурного.

– Все мы грешники, родная. И пришло время восполнить ущерб.

Эладору внезапно озарило. Неужели ее зазвали на совместное сафидийское самоубийство? Сафидисты верят, будто сожжение соединит душу с Хранимыми Богами. В воображении рисовалась флогистонная бомба под скатертью, и пока Воллер допивает остатки вина, сумасшедшая мать давит на стержень взрывателя. До того абсурдная мысль, что она не удержалась от смеха.

Воллер продолжала:

– Мы построим для города стабильное будущее. Ты помощница Эффро. Он прислушается к тебе. Ты сможешь убедительно донести ему наше предложение.

– Кто такие мы? – спросила Эладора.

– Церковь, – каркнула Сильва, – всеблагая церковь Хранителей Веры. Истинной веры Гвердона.

– Так что, вы хотите сговориться до выборов? Вступить в соглашение против барыжников?

– Мы хотим вернуть Келкина в веру, – сказала Воллер. – Ты же знала, что некогда он обучался на священнослужителя? Мы хотим вернуть Келкина в лоно церкви. Перед лицом Божьей войны город нуждается в едином правительстве, едином мирски и духовно. Мы хотим поклоняться воинствующим богам, наперекор городским запретам. В одном твой дед был прав: для защиты от нападений городу нужны сильные боги. И времени у нас мало.

Эладора лишилась речи. Воллер только что мимоходом отбросила сорок лет собственной борьбы и убеждений. Что могло заставить ее пойти на полный пересмотр всего?

– А еще что? Нарушить нейтралитет? Отменить акт о Свободном городе? У вас обеих что, совсем поехала крыша?

Сильва побагровела лицом, в глазах полыхнула ярость. Эладоре виделись в них вспышки занебесного света, а когда мать заговорила, то в уютном зальчике словно разразился гром. Треснули хрустальные кубки, обагрив, точно кровью, скатерть.

– Это наш шанс на искупление, глупая! НЕ СМЕЙ НАСМЕХАТЬСЯ! – Сильва вскочила, нависла башней гнева. Сухонькие ладони уцепились за стол – и пальцы продавили твердую древесину. В миг ее облекла сияющая броня, осиял огонь.

Эладора шлепнулась с кресла и съежилась под снизошедшей на мать благодатью. Перед ужасом святости.

– Сильва, прошу тебя, пожалуйста, сядь, – сказала Воллер. Она тоже напугана, но не потрясена. Святой звездный свет угас, и Сильва повалилась назад на седушку. Броня расточилась. Она сгорбилась, начала всхлипывать, и Эладора не могла разобрать – были то слезы жалости или религиозного экстаза.

– Ну же, Сильвушка. Хватит таких выступлений. Давай-ка тебя отряхнем. – Воллер осторожно повела Сильву в дамскую комнату. – Эладора, подожди минутку. Понимаешь... важнее этого нет ничего на свете.

Пожилые дамы вышли. Эладора, трясаясь, уселась обратно за поломанный стол. Краткий, страшный взрыв святости ее матери перебил весь хрусталь. По старинному зеркалу на стене, как застывшая молния, пролегла трещина. На скатерти едва различимые коричневатые пятна. Буквы – догадывалась Эладора – Литания Хранителей, чудотворным оттиском выжженная на ткани.

Она услышала, как сзади открылась дверь.

– М-м-моя м-мать побила посуду, – сказала Эладора, подразумевая вернувшегося официанта.

– Кажется, я многое пропустил.

Лысый мужчина средних лет ухмылялся сломанными зубами. Синтер. В некотором смысле жрец. Начальник шпионской сети церкви Хранителей. Она ненадолго виделась с ним в Кризис, вскоре после того, как он попытался казнить сестру, дабы та не смогла применить свою силу. Синтер предоставил тогда Эладоре ночлег, но его человек оказался предателем и продал ее посредникам Джермаса Тая.

Эладора подозревала, что Синтер был одним из тех, кто допрашивал ее после Кризиса, но, увы, ту неделю не восстановить в памяти. Об иных осколках прошлого, таких, как Мирен, как Онгент, она не думала сознательно, но дни сразу по прошествии Кризиса просто не помнила – кроме размытых лиц и запаха лекарств.

– Мисс Даттин, – сказал Синтер, усаживаясь в кресло матери. Он примерил трехпалую ладонь ко вмятинам на столешнице после Сильвы. Пробормотал:

– Вышние боги... неисповедимы пути Хранимых, ибо сильнейшие свои блага расточают они на самых нескладных баб. Как я понял, у вас в отношениях с мамулей все превосходно – как у дома под огнем артиллерии.

– Мхари Воллер выдвинула предложение. Я отвергла его. Мать оказалась недовольна. И, по-видимому, избрана богами.

– Нежданно нам тут святых привалило.

– А я считала, что Алина была последней. – По ходу Кризиса церковь сумела отрядить одну-единственную боевую святую, и пускай Алина Священного Пламени творила настоящие чудеса, все равно резкий закат могущества церкви был налицо.

– Она и была. Но наступили перемены. – Синтер пожал плечами. – Кризис подстегнул наших горних друзей. В глубине материка случилось много чудесных событий. На сельских жрецов-стариканов да молодых здоровых парней-пастухов посыпалась святость. Хороший *урожай* выдался в этом году. На моей памяти – лучший.

Она представила, как боги спасались, покидая Гвердон в Кризис. Метались, как скот, застигнутый хищником в стойле. Удирали за холмы в поисках укрытия. В поисках оружия. Боги слепо хватали первых пригодных смертных – и им попала мать. Сбылась всегдашняя мечта Сильвы.

– «Всецело препоручить душу свою божественной воле», – процитировала Эладора, – вот только не знаю, пришлось ли кому-нибудь из них выбирать.

– Ничего себе, – ухмыльнулся священник, – это же ересь. Подразумевать, будто боги якобы не бесконечно мудры и всеведущи. А святость полагать стечением обстоятельств и неведения, будто в глуши во время нежданной бури попасть под молнию. Стыдитесь, барышня. Разве мать вас ничему не учила? – Его сальное добродушие неприятно, но куда менее страшно, чем материнский гнев.

– Святая Алина сравнивала Хранимых Богов с коровами. Говорила, они вроде прекрасных, безмозглых животных.

– Что ж, кому и знать, как не ей. Однако... – Он побултыхал вино, вперился в стакан, – не все так просто, как обоссать два пальца. А они сидят на заднице как ни в чем не бывало. Пока все летит вразнос.

– С Хранимыми Богами? – Ей стало интересно, кто такие «они».

– Да с чем угодно. – Он выбрал вилку и за разговором принялся за остатки закуски Мхари. – Гляди, как оно видится мне. Город – это большой поезд, мотор стучит, и вагоны катят по рельсам. Если машина заправлена и смазана, вдоволь хлеба и денег, и всякой ерунды, и ты не жмешь на рычаги как припадочный, то она проедет сколько угодно, пока цела дорога. Когда-нибудь кто-нибудь попытается свести состав с рельс – навряд ли твоего деда, – их надо осаживать, чтобы и дальше гладко катить по пути.

Он негодуяюще рыкнул.

– Но вот некие люди съехали с рельс, а у нас не нашлось сил втащить их за шкуру обратно – в основном я про Рошу, хотя она не единственная такая шкура. И все вырвалось из-под контроля, и приходится лишь надеяться, что котел не жажнет к чертям собачьим. – Он указал вилкой на Эладору. – Твой Келкин это понимает. Все понимают. Ты погляди на них. Никому неохота быть машинистом, когда происходит такое. Ты думала, Кризис окончен? Вот он, Кризис, полным ходом. Роша потянула за длинный красный рычаг, и как остановиться, никто не знает.

Эладора решила, что утомилась от циничных старших, которые объясняют ей, как устроен мир.

– Скажите, господин Синтер, вы пришли сюда как представитель патроса? – Если Синтер до сих пор сотрудник головной церкви и патрос разделяет его видение города, мчащегося навстречу катастрофе...

– Я просто околачиваюсь у него под боком, девочка. Скромный слуга, вот кто я таков. – Он взял матерчатую салфетку, собираясь утереть лицо, а вместо этого вытряс из ткани осколки зеркала. – Нижние боги.

Мхари Воллер и мать вернулись с оравой официантов, которые сменили скатерть с такой быстротой, что впору было заподозрить колдовские чары. Разбитое стекло убрали, разбросанную еду подмели, как по волшебству появились новые приборы. Один официант подобрал с пола у кресла Сильвы ножик со свернутой рукояткой – четыре вмятины совпадали со стиснутыми пальцами Сильвы, а лезвие обуглилось, словно побывало в огне. Без промедлений и не изменившись в лице, официант смахнул его вместе с остальным мусором. Мгновение – и кроме поврежденного стола да трещины в зеркале не осталось никаких признаков божественного вмешательства.

– Ваше святейшество! Замечательно, что вы смогли оторваться от государственных дел, – выпалила Синтеру Воллер. Она помогла Сильве опуститься в кресло. У Сильвы раскачивалась голова, глаза разъехали в стороны. Она что-то бормотала под нос. Эладора задумалась, не случился ли с матерью удар и обнаружила, что не имеет никакого желания сблизиться с ней, прийти на помощь или утешить. – Нас переполняет восторг, – радостно заявила Воллер и потрепала Сильву по руке.

Вокруг опять закружились официанты, внося второе. Синтер углубился в стейк; Эладора потолкала по тарелке рыбу. Изысканное приготовление, но ей его не переварить.

– Много вы ей рассказали? – промычал Синтер с набитым ртом. Он уже съел едва не все подчистую.

Эладора ответила прежде других:

– Вы хотите от моего руководителя невозможного, и я еще должна передать вашу абсурдную п-просьбу?

– С полным уважением, – сказала Воллер. – Переговоры уместны. Если Келкин хочет сохранить лицо, мы, к примеру, можем оформить это как пакт. Но богов нельзя отвергать.

– Огонь уничтожит нечистых, – добавила Сильва. – Шторм смоем останки, а их пепел порастет цветами. – К еде она не притронулась. Только тарасилась в пол, и, как показалось Эладоре, со страхом, мать вообще не понимала, о чем говорит. Эладора видала прежде, как иные существа, старейшие упыри, вещали чужим человеческим ртом.

– И в корне изменится наша политика. – Синтер рукавом вытер губы. – Мне нравится Келкин. Нет, правда. Если начистоту, он управляет городом лучше всякого набожного мужлана, которого могли бы выдвинуть наши. Но ему нужно пойти нам навстречу, а не устраивать войну. Он не видел и половины того, что церковь выкатит на поле боя, если придется.

С Эладоры этого гадюшника уже довольно. Она отодвинула кресло и поднялась.

– Будьте спокойны, я передам господину Келкину полный отчет об этой трапезе – не исключая угроз.

Мхари Воллер откинулась на спинку, словно признав поражение, и изрядно отхлебнула вина. Сильва Даттин не пошевелилась и не отозвалась на уход дочери.

– Доброй ночи, матушка. Леди Воллер. Спасибо вам за... – Эладора неопределенно махнула на три непочатые тарелки, – вино.

Синтер вскочил вслед за ней.

– Я провожу вас до станции.

– Это же Серран, а не Мойка. Нет необходимости.

– Кто знает, – тихо проговорил Синтер.

– В прошлый раз под вашим присмотром меня похитили и бросили на жертвенный алтарь, не успела кончиться ночь. – Эладора сняла с крючка пальто, проигнорировав ужас на лице портъе, намеревавшегося подать ей одежду. Она знала, что открыто упоминать события Кризиса не стоит, но если мать – ее пресвятая мать – чудесит налево-направо за ужином, то печать секретности, по всей видимости, уже вскрыта.

– Справедливый упрек, – заметил Синтер, – и все же позвольте снова предложить вам защиту. Как было сказано, вы не представляете себе грядущего. Когда потеряно все, помощи ищут у богов.

Он вложил ей в ладонь некий предмет и скрылся в приватном зальчике ресторана.

Ступая к станции, она рассмотрела подарок Синтера. Это был кусок закопченного металла. «Рукоять сломанного меча, – сообразила она, – опаленная пламенем, оплавленная колдовством, проеденная ихором миллионов дохлых червей. Талисман, реликвия, частица Святой Алины Тайного Пламени». Она вспоминала, как Алина спасает ее из лап Джермаса Тая, вспоминает благой огонь. На миг представила шероховатую руку Алины на этом мече. Эладора знала Алину совсем чуть-чуть, но заботливо берегла внутри себя ее доблестный облик, ее жесткую, пугающую решимость. Ее сноровку навешать злым гадам огненосным клинком.

Она попыталась додуматься, для чего Синтер отдал ей столь ценную святыню, но голова идет кругом. Послание? Дар? Угроза, напоминание о мощи Хранимых Богов? Подсказка о его замыслах?

– Попробуйте вздрючить нас, уроды гнойные, – прошептала Эладора самую искреннюю молитву Алины.

Глава 12

Когда поезд достиг границы, вагоны осмотрела гвердонская стража – проверила документы, пересчитала души. Одна стражница в маске с вращающимися линзами стояла над Теревантом, пока тот доставал командировочные бумаги, переданные Лис. Женщина пролистала документы, затем вызвала своего начальника. Новый стражник опять изучил бумаги, сверил их с собственным списком.

– Вы должны были прибыть на вчерашнем поезде.

– Мы остановились у Грены, и я вышел размять ноги. Поезд ушел без меня, и я сел на этот.

– Вы путешествуете в одиночку?

– Еду один.

Как бы то ни было, багаж они обыскали. Теревант сидел и пытался унять дрожь в коленях. Через несколько часов он опять ступит на пресловутые гвердонские мостовые; его ждут аркады за улицей Сострадания, громада крепости на мысу Королевы, Дворец Колючек, Священный холм...

Странное настроение, смесь волнительного предвкушения и мрачных предчувствий. Он мысленно вернулся к высадке на Эскалинд. Тогда он тщательно готовился к заданию, отрабатывал его снова и снова. Снимал отряд с лодки и вел бойцов вдоль прибрежной косы Крушений не меньше сотни раз, так что сама высадка на Эскалинд на месте предстала нетрудной задачей, обычным скучным выходом на позицию. До тех пор, пока не ударили боги. Гвердон обещал схватку иного рода, и в эту битву он рвался. Слишком долго околачивался в поместье Эревешичей, просиживал у одра никак не умиравшего отца. Писал несчетные рапорты об Эскалинде. Шесть месяцев подготовки до, шесть месяцев разбра после – и все ради шестидесяти минут самого боя.

Стража двинулась дальше, и он облегченно выдохнул. Устал он ждать. Он снова обрел цель, задание на службе Короне. Свое место в Хайте. Не поэта и не совсем солдата. Новую жизнь перед смертью.

Двинулся дальше и поезд – сперва медленно набирал скорость, устремляясь по рельсам навстречу Гвердону. Туннель поглотил состав. В пляшущем свете ламп Теревант запаковал свои вещи. Интересно, что бы предпринял инспектор, окажись при нем меч Эревешичей. У пограничников обязана быть сверхъестественная поддержка, хотя бы заваливший чародей. Пожалуй, гвердонско-хайтская граница, наименее вероятный рубеж, куда в случае чего обрушится божий гнев, но разве оставят они этот фланг без охраны? Через смотровое стекло он рассматривал недавние укрепления – туннели и башни, шипастые северные стены.

На станции его пропустили сквозь барьер кабинок, в них таможенные служащие. «Как птицы обсели ветхую изгородь, – подумал он, – а вместо перьев подтыкают гнезда бумагами». Над морем у Эскалинда высились скалы, где гнездились тысячи водоплавающих. Когда Облачная Роженица сошла в мир, птицы взлетели все как одна, завертели колесом, и огромная стая приняла форму женщины. Великанша состояла из птичьих крыл, а в виде пальцев торчали сотни острых клювов. Писцы же вырывали бумаги из рук, по зернышку проверяли детали, но хотя б не клевались. Документы отдали обратно, показали куда идти.

Он двинулся наружу. Впервые за много месяцев галдеж чиновных ворон не вынуждал его вжимать голову в плечи. По мраморному вестибюлю он вышагивал с военной выправкой, стучал каблуками по плитам.

Так он и вышел в Гвердон.

На большой город успела пасть ночь, вдоль улиц рядами горели алхимические фонари, а Новый город у гавани сиял, подобно застывшему лунному свету. Улицы полны народу даже

затемно, и каждый прохожий живой – горячий, шумный. Ошеломительно, по сравнению с прохладной тишиной Старого Хайта. Казалось, будто толпа на волосок от того, чтобы тут же устроить погром – или уличную пирушку. Сам не свой, он заулыбался. Они же как дети – забавляются, святая невинность. «Никто из них, – предположил он, – не видывал Божью войну». Тереванту совали разные листки и обещали все, что угодно – от плотских удовольствий до дешевой гостиницы, не исключая вечное счастье в объятьях Танцора и что его голос за Келкина станет голосом за стабильность.

С края площади выдвинулась фигура в хайтиянском мундире, шляпа из чертовой кожи рассекала толпу, как акулий плавник. К удивлению, этот солдат носил маску и толстые краги. Должно быть, неусыпный – в городе их немного. Большинство сотрудников посольства в Гвердоне из живых. Есть давно оговоренные ограничения по численности и маршрутам неусыпных по городу – подозрительность, как отголосок старого соперничества. Прежде Хайт не раз встречал в гвердонские дела. Городские стражники недовольно глазели на неусыпного, пока тот пересекал площадь, чтобы поздороваться с Теревантом.

– Добро пожаловать в Гвердон, сэр.

– Э-м, да. Благодарю вас. – Теревант, держась за саквояж, неуклюже отдал честь.

– Вы не узнаете меня, сэр?

Вопрос показался странным, поскольку лицо неусыпного скрыто, а будь иначе, один череп все равно трудно отличить от другого. Теревант попытался разобрать родовую эмблему на груди солдата, но было слишком темно.

– Йорас, сэр. Я был в Девятом Стрелковом при Эскалинде.

Он помнил Йораса новобранцем, зеленым, как морская вода, которой он блевал на косе Крушений. Однако при отправке на Эскалинд солдат уже был натренирован не хуже любого в их группе вторжения.

Он помнил Йораса и умирающим. Из моря выползла тварь в чешуе – отродье бога или чрезмерно переродившийся святой, кто знает? Но когти у твари имелись, и выстрелы из ружей отскакивали от шкуры, как капли дождя. Он помнил, как Йорас, даже раздираем на части, пробил этой мерзости пасть. Теревант тогда задерживаться не стал – храм был уже в поле зрения, и он гнал подразделение вперед.

– Конечно, Йорас.

– Мне не удалось поблагодарить вас, сэр. Вы спасли мне жизнь.

Теревант кашлянул, чтобы скрыть невольный смех.

– При отступлении, сэр. Нас окружили вражьи войска, а ваша рота налетела на них с фланга. Прорубила нам путь отхода, сэр. У них были священные предметы, сэр, при них мы не могли пребывать в посмертии.

Этого он не помнил. Отступление – пятно в сознании.

– Давно служишь здесь, на юге?

– Почти пять месяцев, сэр. Половину посольства убили при Кризисе, поэтому требовалось пополнение. Мне выпала честь служить в охране такого выдающегося воителя, как ваш брат. Я и не знал, что вы столь славного рода, сэр.

Йорас повел его к ожидавшей карете.

– Нам еще выбирать и выбирать, сэр. Этим вечером в отеле на площади проходит собрание барыжников, дороги забиты. Лично я все это не одобряю. Я про выборы, сэр. Ненадежно, как строить дом на песке.

В Хайте больше тысячи лет один и тот же правитель. Корона, выкованная из стали и волшебства, – вечна. Меняется венценосец – умирает один, некроманты избирают другого, – но коллективный разум в Короне, соединенные души всех предшествующих правителей Хайта, продолжают править, ныне и присно.

– Зато выборы, похоже, оживляют обстановку.

– Секретарь Вант тоже так думал, сэр. – Йорас открыл перед ним дверь.

В карете, развалившись на сиденьях, ждал еще один мужчина. Длинные русые волосы, высокие скулы, худой и бескровный, словно его специально обесцветили. На нем потертая военная куртка без знаков отличий. Три свежих пореза на щеке – параллельные прочерки, как царапины от граблей. Он не стал вставать, чтобы помочь Тереванту пройти внутрь, лишь неопределенно махнул рукой в знак приветствия.

Теревант невольно взглянул на его запястья, проверить отметины от вживленных капсул – ничего. Каста молителеев? Или иное – риск внекастовой смерти неизбежен при внедрении – дабы не выдать себя никакой связью с Хайтом. В начале своей карьеры так рисковала и Лис.

– А вы будете?..

– Лемюэль, – ответил мужчина и больше ничего не добавил. Произношение у него исконно гвердонское. Он в свою очередь смерил Тереванта ленивым взглядом. Потом лукаво и многозначительно усмехнулся, словно выставил его мишенью какой-то невысказанной подначки.

Теревант устроился на сиденье напротив.

– Где брат?

– Его превосходительство в посольстве. Дела сейчас немного... запутанные – с этими выборами и прочим.

«Запутанные» – именно этим словом описала положение дел в Гвердоне Лис. А формальное титулование посла «Его превосходительство» было в то же время насмешливой кличкой, которой Теревант и Лис в детстве донимали Ольтика. Старая прибаутка родилась после записей в школьном дневнике, где каждый учитель оценил работы Ольтика не иначе как «превосходно». Тереванта возмутило, что этот незнакомец посягает на их личную близость. Разве только... теперь предстоит думать, как думает разведчик, подмечать скрытые послания. Возможно, это Лис подает ему знак, сообщает, что Лемюэль из их круга, и вопреки внешности на него стоит рассчитывать.

– Запутанно, – эхом повторил он. – Кто вы при посольстве?

– А! Помогаю там, сям... куда позовут, – беспечно отозвался Лемюэль.

– В каком управлении?

– А ни в каком, – сказал Лемюэль и опять усмехнулся.

Теревант кивнул, показывая на его лицо:

– Что со щекой?

– С девчонкой поссорился. – Теревант вообразил, как длинные ногти царапают лицо мужчины. Лемюэль слегка потер щеку. – Вам в Хайте передавали папку?

Теревант выудил папку из саквояжа. Лемюэль щипнул себя за щеку – сдавил самую глубокую ссадину, чтобы проступила капелька крови, затем смазал кровью восковую печать на папке, обезвреживая защитную чару. Молча принялся вчитываться в документы – путь освещали уличные фонари. Полосы света и темноты перемежались, окрашивая узкое, волчье лицо Лемюэля разными оттенками. Он выпячивал губы от изумления, когда в сведениях из Бюро наткнулся на пикантные подробности, но своими открытиями с Теревантом не делился.

Теревант решил, что этот человек ему не нравится, вне зависимости от освещения.

Ворота посольства широко распахнулись, принимая их. Каким-то образом Теревант смог определить, что опять попал на хайтиянскую землю. Здесь прохладнее, тише. Слуги во дворе – все живые, отметил он, – поспешили распрягать храпящих рэптекинов, но не бегом, и не повышали голос.

Лемюэль исчез бесшумно, Теревант увидел только, что его нет. Папку он забрал с собой.

– Сюда, сэ. – Йорас провел Тереванта в дверь. Переступив порог, Йорас сразу снял маску и стянул краги. На костяных запястьях были выжжены руны, их узор соответствовал вживленному под кожу самого Тереванта талисманам. Этот якорь скреплял его духовное воедино с телесным.

За исключением шелеста бумаг, в посольстве стояла тишина.

– Я провожу вас к послу.

Они остановились у резных двойных дверей, украшенных родовым гербом Эревешичей. Кабинет посла. Теревант не мог не подметить венчавший щит свежий кованый прут – знак присутствия старшего Эревешича, главы семьи и носителя раки.

Йорас взял у Тереванта саквояж.

– Положу в вашей комнате, сэ. – Он неслышно двинулся по коридору, Теревант остался у порога один. Собрался постучать и уже поднял руку, но передумал и просто толкнул створку.

Ольтик поднялся с кресла у огня, отбросил книгу, которую перед этим читал, и широко шагнул навстречу.

– Тер! – громыхнул он.

Теревант отдал честь:

– Лейтенант Теревант Эревешич, направленный из Девятого Стрелкового, прибыл.

– Располагайтесь, у нас вы будете воевать с удобством! – Ольтик вернул честь, закрыл и запер тяжелые двери, указал на второе кресло возле камина. Позвонил в колокольчик у стола и, усаживаясь, похлопал себя по животу. – Проходи. Садись. Поешь. Кормят тут здорово. Тебе понравится, не то что на передовой. – Ольтик по-прежнему в боевой форме – а то как же. Он крайне собран и не даст себе поблажки, даже на дипломатическом посту. – Соскучился я по тебе, Тер. Какие новости из дому? Как доехал?

– Лис сказала...

– Не забывай, что в обществе ее полагается называть леди Эревешич. Она супруга посла, и фамильярный тон недопустим.

– Лис говорила мне...

– Но перво-наперво... – Ольтик напористо огляделся. – Где он? Где меч?

– Он у Лис. Она тайком переправляет его через границу, прячет в своем экипаже.

Пару долгих минут Ольтик не отвечал. Он так громко сопел, что Теревант мог поклясться – пламя в камине колыхалось вперед и назад в такт его вдохам.

– Ты взял и бросил меч Эревешичей – вместилище душ наших предков, основу нашего дома, семнадцатое сокровище Хайта? – Он не кричал, но Тереванту было ясно – брат в ярости.

– А что я должен был сделать? – в досаде Теревант плюхнулся в кресло напротив брата. – Леди Эревешич сказала мне, что брать его с собой в город опасно. Я полагал, что ты объяснил своей жене, как поступить с родовым мечом – вместилищем душ наших предков, основой нашего дома, семнадцатым сокровищем Хайта.

В запертую дверь постучали, запахло ужином.

– Убирайтесь, – закричал Ольтик и в придачу швырнул в дверь книгу.

– Слуги не виноваты.

– Конечно нет. Виноват ты. И она. Это мой меч. Я – старший Эревешич. – Ольтик зашагал по кабинету.

– Она сказала, что с мечом меня бы остановили, а так она переправит его попозже, или спустя несколько недель кто-нибудь из нас за ним съездит...

Ольтик взревел, скакнул через всю комнату и рванул дверь за ручку. Заперта, но под его силой тяжеленная створка чуть не треснула.

– Вали, вали отсюда, – рявкнул он, поворачивая ключ. – Уходи, пока я не натворил чего-нибудь неразумного... Недель! Несколько чертовых недель!

Воссоединение семьи проходит блистательно.

– Меня назначили проверять и готовить охрану посольства.

– Чтобы они наверняка угодили в засаду? Я читал рапорты из Эскалинда. Я тебя из-под трибунала вытащил. – Он настезь распахнул дверь. – Вали давай.

Теревант шагнул в коридор.

– К вашим услугам, ваше превосходительство.

– Даэринт! – проревел Ольтик. Тут же открылась дверь с другой стороны коридора – этот Даэринт, должно быть, ждал вызова. По возрасту он годился Тереванту в деда, но прошаркал до кабинета Ольтика с поразительной скоростью. Взгляд Тереванта пробежался по одеянию старика. Эмблему дома, которую он не опознал, украшали особенные завитки, значение которых он не припомнил. Лис усерднее их изучала книги по геральдике и запоминала почитаемых мертвых.

Дверь грохнула у Тереванта перед носом. С той стороны приглушенно заговорили.

Из тени выступил Йорас с подносом еды. Лицо скелета, разумеется, ничего не выражало.

– Ваши покои там, сэр. – Он махнул вдоль коридора свободной рукой. Теревант с Йорасом, не сговариваясь, пошли в ногу – муштра на косе Крушений приучила обоих к строевому шагу.

На стенах маячила атрибутика дипломатов прошлого и их великих свершений, лишний раз подчеркивая неспособность Тереванта вписаться во всеохватный распорядок Хайта. Каждый шаг по коридору отдалял его от брата, отдалял от остатков семьи – и от осколков рухнувшей карьеры. Куда теперь? Надо будет отказаться от назначения в посольство. Принять понижение в должности и вернуться в строй, отдать за Империю и жизнь, и смерть в каком-нибудь сражении на краю света. Закончить таким вот Йорасом – скелетом на страже дальней заставы шаткой Империи.

На минуту он представил падение Хайта. Вообразил лежащие в руинах дворец Короны и Бюро, развалины храмов мертвых. Кругом пустота, ни звука, кроме шороха костистых подошв по мрамору – последний неусыпный вечно на часах у могил. «Нет стыда в том, чтобы быть молителем», – уверял он отца. Обычные слова утешения для умирающих, никто не поверит им ни на миг.

Позади снова открылась дверь кабинета.

– Теревант! Подойди! – крикнул Ольтик.

Йорас остановился, вопросительно наклонил голову. Теревант помедлил долю секунды – проявил маленькое личное непокорство, прежде чем повернулся на каблуках и пошагал обратно. Ольтик ждал его в проеме.

– Теревант Эревешич, – по уставу обратился Ольтик, – соизволением Короны вы назначаетесь капитаном гарнизона при посольстве в Гвердоне, со всеми полномочиями и ответственностью принимаемой вами должности. Вы согласны?

– Я... – Возражений тысяча. Он не дипломат и не разведчик. Даже приблизительно не владеет нужными навыками. Ему не хочется оставаться в Гвердоне с разъяренным Ольтиком за плечами. Пребывать возле Лис и Ольтика, все равно что засунуть свои чувства в дробильную машину. Тысяча причин ответить «нет».

– Вы согласны, черт побери?!

Причина ответить «да» всего одна. Его долг – повиноваться, и хватит с него убежать от долга.

– Да.

Ольтик жестом пригласил его в кабинет. За столом старик споро заполнял необходимые формы.

– Подпиши здесь, – вздохнул Ольтик. – Твоя служба – командовать охраной посольства, защищать нашу территорию и персонал. Гоняй бойцов с утра до ночи, не пускай живых в самые непутевые бордели, кто заметно пьян – отстраняй от дежурства. Вот и все.

– А Эдорик Вант? Лис сказала... – Теревант осекся, исправляясь. – Леди Эрешич просила меня разобраться в этом деле.

Ольтик злобно скривился:

– Лемюэль управится сам.

– Ваша милость, было бы целесообразно позволить лейтенанту Эрешичу, м-м, надзирать над ходом расследования. Подключить офицера из великого Дома – мудрый шаг. Лемюэль окажет содействие, если возникнет необходимость. – Голос Даэринта шелестел, как бумага, словно речь отнимала у него много сил. Тем не менее он сумел жиденько улыбнуться Тереванту.

Ольтик на миг взъерошился, потом побрел к двери, поднял книгу, которой кидался, разгладил страницы и задвинул на полку.

– Прекрасно.

Даэринт взял подписанный документ, аккуратно сложил и просунул в выдвижной ящик стола.

– На этом все, лейтенант, – прошелестел престарелый дипломат. – Приятно будет поработать с вами тут, в посольстве.

Йорас ожидал снаружи. Скелет не может удивленно поднимать брови, но какой-то особый наклон черепа Йораса выражал именно это.

– Ваши апартаменты в той стороне, сэр.

– А мое служебное место? – Он устал в пути, но рвался начать немедленно. У него важное, жизненно важное задание: обеспечивать безопасность Хайта. От него зависит будущее Лис.

Йорас замешкался.

– Боюсь, мне не сообщили, куда вас определить, сэр.

– Ну, кабинет Ванта свободен, не так ли?

– Именно так, сэр. Сюда. – Йорас повел его по новому коридору. На ходу неусыпный разбирал связку ключей в поисках нужного, от кабинета третьего секретаря.

– Там закрыто с его ухода, сэр. – Он нашел ключ, отомкнул его от кольца и протянул Тереванту. – Ваша спальня как раз над этой комнатой, на два этажа выше. Хотите, чтобы я подождал, пока вы закончите, и проводил вас, или...

– Нет, можешь идти. Посольскую охрану обсудим утром.

– Мне все едино, сэр. Я больше не сплю.

Они дошли до кабинета. Из-под двери пробивалась полоска света. Теревант попробовал повернуть ручку. Не заперто.

– Сэр? – Йорас положил костистую ладонь на эфес.

Теревант толкнул дверь. Лемюэль поднял на него глаза из-за стола, заваленного грудой бумаг.

– Быстро у вас, у родственников, – пробормотал он. – Я рассчитывал, что вы подольше пообщаетесь с его превосходительством.

– С какой стати, бродяга, ты сюда заявился?

– Что вы тут делаете, Лемюэль? – спросил Теревант.

– Ищу кой-какие бумажки. А тут их нет. – Лемюэль рывком поднялся. – Добро пожаловать. – Он поторопился к двери, проталкиваясь мимо Тереванта.

Теревант поймал мужчину за жилистую руку.

– Вас назначили мне в помощники. Куда это вы направились?

– На выход. – Лемюэль вывернулся. – У меня встреча со связными. Я должен идти один.

– Хорошо. – Теревант указал на документы Ванта. – С чего тогда мне начать?

– С обучения в Бюро, десять, сука, лет назад, – пробормотал Лемюэль. – Я не знаю. Вант со мной никогда не общался. Я не входил в его небольшой клуб. – Позади в кабинете пробили часы, и Лемюэль поморщился. – Опаздываю. – Он выбежал в коридор.

Йорас издал звук, приблизительно похожий на прочистку горла, будь у него горло.

– Есть что сказать, Йорас?

– Лемюэль – неприятное и вульгарное существо. Я бы не полагался на него, сэр.

Теревант вошел в кабинет. Страницы неразборчивых записей, карты, графики замусорили весь стол. Под ними толстые папки печатной документации. На одном из ворохов балансировали тарелка и стакан с вином.

– Что он подразумевал под клубом Ванта?

– Третий секретарь и много других постоянных служащих несколько лет проработали под первым секретарем. Они коренные хайтияне. Лемуэль, хоть и работает на хайт, сам не... – Йорас покачал головой. – Он обычный смертный, сэр. Не знаю, что полезного отыскала в нем леди Эревешич.

– Ясно, – произнес Теревант. Он взял тарелку, стакан и поставил их на боковой столик. – Ладно, можешь идти.

– Я постою на страже, сэр. На всякий случай.

Йорас закрыл дверь, Теревант остался в комнате в одиночестве.

Беспорядок – а также бокал с вином – напомнили Тереванту о собственном жилье в Паравосе, и мысль об этом приободрила его.

«С Ольтиком», – сложилась мысль, – поутру будет попроще. Через несколько дней Лис привезет меч, и все снова станет хорошо».

Он немного поработал, поразбирал документы. Искал упоминания о божьих бомбах и намеки, куда мог подеваться Вант, но что-то постоянно его отвлекало. Наверно, городской шум. В Старом Хайте тихо, как в склепе, а до этого он привык к молчанию особняка Эревешичей, ночному беззвучию – дома лишь отец кашлял в соседних покоях да совы ухали в восточной башне. А Гвердон не спит вообще. Под землей рокочут поезда; тут крики и песни из трактиров, там стук повозок по мостовой.

Он подошел к окошку, уставился на ночной город. С этой высоты можно осмотреться. Из-за темного контура Замкового холма отчасти выглядывал таинственный Новый город, его постройки светились собственным светом. Чужеродный городской ландшафт, словно в Гвердон врезалась фарфоровая луна. Отчеты о Новом городе занимали половину записей Ванта – секретарь составлял схемы местности, налаживал сети осведомителей, вынюхивал секреты. Говорят, в Новом городе опасно – может, там Вант и пропал. В его сводках упоминалось о перемещении улиц, о подворотнях, смыкавшихся как огромные челюсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.